

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События

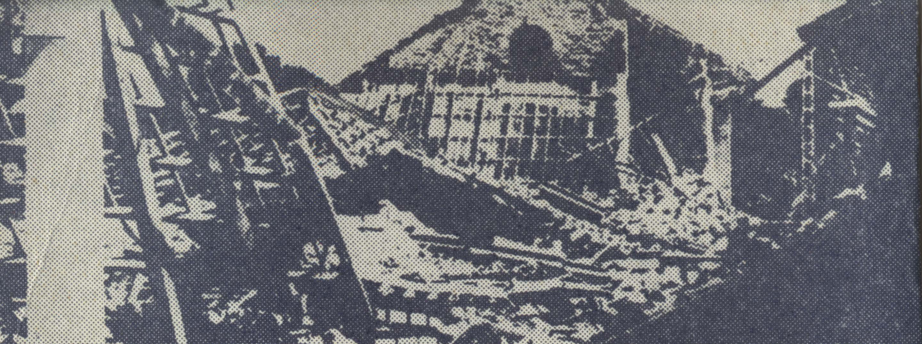
Факты

Документы

А.К. Лаврентьев

США: силовая
дипломатия в Азии

**США: силовая
дипломатия в Азии**

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События

Факты

Документы

А.К. Лаврентьев

США: силовая дипломатия в Азии

Москва
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» 1980

ВВК 66.4 (7 СТУА)
Л 13

Л $\frac{11105-071}{003(01)-80}$ БЗ-39-4-1980 0804000000

© «Международные отношения», 1980

Введение

Соединенные Штаты Америки завоевали право на суверенное развитие в ходе многолетней освободительной войны против Британской империи. Одним из трех основных принципов, положенных в основу молодой республики, пережившей насилие и тиранию иностранного гнета, была идея антиколониальной внешней политики. «Если существует принцип, который необходимо внедрять в сознание американцев глубже, чем какой-либо другой, — говорил один из авторов Декларации независимости Т. Джефферсон, — то он состоит в том, что мы не должны иметь ничего общего с завоеваниями»¹.

К сожалению, наследники основателей американского государства не только не усвоили наказ «отцов нации», но и очень скоро пошли по стопам беспощадных конкистадоров, став на путь подкупа, угроз и открытого применения силы для реализации экспансионистских целей своей внешней политики. За два столетия существования Соединенные Штаты развязали более 200 войн, причем большинство из них относится к категории захватнических.

Особенно рельефно силовой компонент в американской политике проявляется в последние несколько десятилетий. После второй мировой войны американцы участвовали в тридцати вооруженных конфликтах. Помимо открытых войн, Вашингтон все чаще внедряет в практику своих отношений с другими странами такую тактику, как угроза применения силы. По данным Брукингского института, за 30 послевоенных лет США 215 раз использовали вооружен-

¹ Аргументы и факты, 1980, № 4, с. 16.

ные силы в поддержку своих политических демаршей за рубежом.

Упор на политику «с позиции силы» приобрел доминирующий характер в стратегии Вашингтона главным образом в связи с углублением противоречий между ростом гегемонистских устремлений американского империализма, с одной стороны, и усилением сопротивления народов, вырвавшихся из колониальной кабалы, — с другой.

Перехватив инициативу у бывших колониальных империй, Соединенные Штаты призывали их довольствоваться теми привилегиями, которые были вырваны у народов Азии, Африки и Латинской Америки в колониальные времена и в трудные годы их борьбы за независимость. В то же время политика самого Вашингтона принимала все более экспансионистский характер.

Глобальные гегемонистские притязания Вашингтона, попытки реализовать их при помощи прежде всего силовых методов и средств наиболее отчетливо проявились в его политике по отношению к странам Азии. С американским империализмом связаны такие трагические события на континенте, как корейская война и многолетняя жестокая агрессия США против стран Индокитая. Помимо прямого вооруженного вмешательства, американский империализм прибегает к другим формам и методам неокolonизации народов. Используя специальные службы, Вашингтон разжигает противоречия между политическими и религиозными кругами, а также между соседними государствами, провоцирует локальные конфликты, проводит тайные, часто вооруженные, операции.

Автор предлагаемых читателю очерков не ставил своей целью глубокое и всестороннее исследование экспансии США на азиатском континенте, а стремился показать наиболее характерные методы и главные цели американского экспансионизма в Азии.

Неоколониалистская сущность внешнеполитического курса Вашингтона отчетливо просматривается сквозь призму силовой дипломатии, присутствующей практически во всех разновидностях политических акций США на международной арене. Силой навя-

зываются финансово-экономическая «помощь», пакты об «обеспечении национальной безопасности» типа СЕАТО и СЕНТО, культурные соглашения, оружие и «услуги» специалистов смертоносного бизнеса.

Книга начинается с изложения событий и фактов, относящихся к захвату Соединенными Штатами Филиппин. Это вовсе не означает, что до конца прошлого века Соединенные Штаты не использовали силу в ходе экспансии на азиатском континенте. Такое случалось и неоднократно. Достаточно напомнить о притязаниях США к Китаю в ходе англо-китайской войны 1839—1842 гг., о бряцании оружием у японских берегов в дни «открытия» Японии и, наконец, об участии США в подавлении «боксерского восстания» в Китае.

Однако до захвата Филиппин подобные акции США носили в какой-то мере эпизодический характер и не были подчинены общему стратегическому плану. Захватническая война США на Филиппинах явилась началом качественно нового этапа американской экспансии за океаном, нацеленной на создание в Азии плацдармов, которые впоследствии широко использовались для укрепления позиций американского империализма на континенте.

Значительное внимание уделяется анализу американской политики в Юго-Восточной Азии, в частности, агрессии против стран Индокитая, предпринятой после окончания второй мировой войны. Большое место отведено также разоблачению притязаний США к странам Юго-Западной Азии, особенно к арабскому миру, Ирану, Афганистану.

В книге разоблачается суть американско-китайского сближения, нацеленного не только против Советского Союза, но и в не меньшей степени против развивающихся стран азиатского континента. Разыгрываемая «китайскую карту», Вашингтон использует маоистов (впрочем, так же как сионистов Израиля и предателей дела арабов, а также деспотов типа М. Р. Пехлеви и Пол Пота) для поддержки своих гегемонистских устремлений в развивающемся мире. В отличающейся крайней воинственностью программе администрации Дж. Картера, обнародованной в начале 1980 года, ставилась задача «систематически

наращивать способность США быстро реагировать на чрезвычайные обстоятельства вне сферы НАТО везде, где того требуют наши обязательства или когда под угрозой окажутся наши жизненные интересы»².

Когда Дж. Картер говорит о намерении наращивать военный потенциал, дислоцировать огромные воинские контингенты за рубежами своей страны и о готовности использовать силу против любого государства, которое откажется подчиниться американскому диктату, то, видимо, речь идет прежде всего о развивающемся мире, контролирующем источники сырья. Но принимает ли во внимание американский президент тот факт, что народы, сбросившие колониальное иго, ныне уже не так беспомощны, как в послевоенные годы, что они сплочены в усилиях по защите своих интересов и получают всестороннюю поддержку прогрессивного мира?

Рискованный курс Дж. Картера вызывает растущую озабоченность у союзников США по НАТО. «Их главное сомнение, — писал профессор Нью-Йоркского университета Артур Шлезингер, — судя по всему, состоит в том, имеют ли они дело со слишком неуравновешенным президентом, или же с президентом бессовестным, преувеличивающим или эксплуатирующим международные кризисы ради внутривластной выгоды, независимо от того, во что это обойдется с точки зрения интересов его союзников»³.

Эта мысль высказывалась и наблюдателями ближневосточных стран. Большинство людей, писал бывший редактор каирской газеты «Аль-Ахрам» Мохаммед Хейкал, считает, что американская внешняя политика в 1980 году определялась «тактическими соображениями президента Картера в условиях предвыборной кампании»⁴.

Американская политика «с позиции силы» преподносилась неискушенному наблюдателю в качестве «вынужденной контрмеры», призванной будто бы защитить либо национальную безопасность стран

² Аргументы и факты, 1980, № 4, с. 18.

³ The New Republic, 1980, Apr. 12.

⁴ Ibid.

«свободного мира», либо национальные интересы США. Фактически же эти несъедобные пропагандистские пироги с «силовой начинкой» готовились на политической кухне Вашингтона исключительно для маскировки истинных целей правящих кругов США. А эти глобальные цели сводятся к тому, чтобы, говоря словами З. Бжезинского, активно участвовать в «формировании быстро изменяющегося мира», такого мира, который надежно отвечал бы американским интересам и соответствовал американским целям. Если эту дипломатическую тираду, от которой сильно отдает гегемонистским духом, перевести на обыкновенный язык, то намерения Вашингтона по отношению к развивающемуся миру предстанут перед общественностью в их истинном виде. Они сводятся к тому, чтобы сдержать размах национально-освободительных движений, помешать странам, сбросившим колониальное иго, добиться укрепления суверенитета, изменения принципов международных политических отношений и экономического сотрудничества на равноправной и взаимовыгодной основе и тем самым обеспечить интересы межнациональных корпораций, прежде всего американских монополий, рассчитывающих неопределенно долго эксплуатировать природные и людские ресурсы азиатских стран, располагающих крупнейшими запасами таких ценных видов сырья, как нефть, олово, каучук и др., а также многочисленной и дешевой рабочей силой.

В конце концов именно к захвату этих богатств, приносящих огромные прибыли американским монополистам, и сводится главный смысл силовой дипломатии, активно используемой Вашингтоном в своей политике на азиатском континенте на протяжении всего нынешнего века.

В заключительных двух главах книги сделана попытка на отдельных примерах показать растущее сопротивление американской экспансии со стороны народов азиатского континента, которые пользуются в этом последовательной поддержкой Советского Союза и других братских стран социализма.

Хотя раскрытие роли социалистических стран в борьбе народов Азии за подлинную национальную независимость не является непосредственной темой

книги, необходимо подчеркнуть, что именно Советский Союз и другие страны социалистического содружества представляют собой главную силу, противодействующую реализации гегемонистских планов американского империализма и китайского великодержавного шовинизма во всем мире, в том числе и в Азии. Именно социализм находится на переднем крае борьбы всех народов за нормализацию международных политических отношений и экономическое сотрудничество на равноправной и взаимовыгодной основе, за обеспечение устойчивого мира и безопасности в Азии.

После провозглашения независимости в 1776 году Соединенные Штаты длительное время не проявляли большого интереса к другим континентам, в том числе и к Азии. Позднее внешнеполитический курс страны складывался в основном в русле положений «доктрины Монро» (1823 г.), которая практически ограничивала экспансию американского империализма рамками Западного полушария. Однако начиная с 30-х годов прошлого века США начали проявлять интерес и к Старому свету, участвовать в акциях Запада по захвату и укреплению своих позиций. Вашингтон подключился, например, к англо-китайской войне 1839—1842 годов. Двумя годами позже, угрожая новой войной, США принудили китайское правительство подписать договор в Ванся, по которому они получали в Китае все привилегии, коими пользовалась Англия, и даже еще более широкие «права» экстерриториальности.

Не прошло и десяти лет, как американская военная экспедиция Мэтью К. Перри оказалась у берегов Японии. Угрожая применением силы, американский адмирал вынудил японское правительство подписать договор, открывавший для американских судов доступ в порты Симода и Хокадата. «Открытие» американцами Японии вылилось в навязывание последней неравноправных соглашений с США и европейскими державами, известных под названием Ансейских договоров.

Вместе с другими империалистическими государствами Соединенные Штаты принимали участие в подавлении Ихэтуанского («боксерского») восстания в Китае и других экспансионистских шагах мирового империализма в Азии. Тем не менее эти и другие

подобные акции носили до поры до времени эпизодический характер и не являлись отражением определенных стратегических планов.

Однако к концу прошлого века, когда США превратились в одну из крупнейших держав мира, обладавших колоссальным по тому времени экономическим и военным потенциалом, у американских капиталистов появился соблазн приумножить прибыли за счет людских и природных ресурсов других континентов. Растущие запросы американских монополий со временем вылились в притязания США на роль политического, экономического и военного лидера всего мира.

Появилось и «теоретическое» обоснование экспансионистских устремлений. В Америке заговорили о «превосходстве англосаксонской расы» над другими народами, о «цивилизаторской миссии Нового света», об «особой ответственности» американцев за судьбы мира и т. п.

Наиболее откровенно эти бесцеремонные притязания были сформулированы сенатором Альбертом Бевеиджем. В 1900 году с трибуны сената он заявил, что всевышний сотворил американцев сведущими в вопросах управления, и потому возложил на американскую нацию обязанность руководить «дикими и пришедшими в упадок народами», спасти их от «варварства и темноты»¹.

Это откровение прозвучало как бы в оправдание первой развязанной Соединенными Штатами войны за передел мира. В 1898 году США вытеснили Испанию из Кубы и Пуэрто-Рико, Гуама и Филиппин и превратили эти территории в свои колониальные владения. В ходе этих захватнических войн американцы проявляли присущую колонизаторам жестокость по отношению к коренному населению. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует один из варварских приказов тогдашнего командующего войсками США на Филиппинах. В ответ на сопротивление филиппинцев он требовал от подчиненных: «Жгите

¹ Цит. по: Bartlett R. The Record of American Diplomacy. N. Y., 1947, p. 387.

и убивайте, теперь не время брать в плен. Чем больше вы убьете, тем лучше. Убивайте всех, кто старше десятилетнего возраста»². Приказ выполнялся скрупулезно. Войска США беспощадно расправлялись с филиппинскими патриотами, расстреливали не только партизан, выступивших против новых колонизаторов, но и мирных жителей. «Усмирение» продолжалось несколько лет и стоило филиппинцам сотен тысяч жизней. «У нас не было иного выхода, — оправдывался президент США Мак Кинли, — кроме как овладеть всеми островами и просветить филиппинцев, поднять их дух и приобщить к цивилизации»³.

«Приобщение к цивилизации» сопровождалось навязыванием местному населению английского языка и «американского образа жизни». Эта миссия первоначально была возложена на специальный 6-тысячный отряд «просветителей», направленных на Филиппины в 1901 году. За ними последовали чиновники и всякого рода дельцы, стремившиеся обогатиться за счет эксплуатации людских и природных ресурсов Филиппин.

Аппетит американской буржуазии возрастал. Она требовала от своего правительства новых сфер влияния в Азии, и эти требования не оставались без внимания. Еще в 1899 году государственный секретарь Джон Хэй направил правительствам Великобритании, Германии, Франции, России и Японии идентичные ноты, в которых высказывалось пожелание американского правительства сохранить в Китае «открытый рынок для всей мировой торговли». Один из наиболее воинственных президентов США Теодор Рузвельт сделал недвусмысленное заявление на этот счет: «Мы не можем оставаться в пределах наших границ и открыто признавать себя просто преуспевающими торговцами, которые не интересуются происходящими в мире событиями. В борьбе за морское и коммерческое превосходство мы должны крепить нашу мощь за пределами наших границ». «Америка может говорить мягко, — учил он американцев азам

² Аргументы и факты, 1980, № 4, с. 17.

³ Цит. по: Charnwood L. Roosevelt and Caribbean. Chi., 1927, p. 1.

силовой дипломатии, — но должна держать при этом в руках большую дубинку»⁴.

Со временем внешнеполитическая практика США в Азии все чаще включала в себя силовые компоненты, призванные подкреплять широко применяемую Вашингтоном «долларовую дипломатию». С периода правления президента У. Тафта, пустившего в обиход этот термин, доллар стал символом завоевания зарубежных рынков сбыта.

Еще до первой мировой войны Соединенные Штаты активно включались в подавление антимоноархической революции в Китае 1911 года, в укрепление там позиций международного империализма. При поддержке Вашингтона у власти был поставлен «сильный человек» — Юань Шикай. Западные монополии навязали ему на кабальных условиях крупный заем. Монополии США, действовавшие наиболее активно, основали в 1912 году китайско-американское общество для эксплуатации горных богатств Китая, получили право на постройку Цзинчжоу-Айчунской железной дороги. Используя Юань Шикая, американское правительство приобрело в долгосрочную аренду архипелаг Чжоушань.

После первой мировой войны, когда западноевропейские конкуренты оказались ослабленными, а Советская Россия решительно порвала с экспансионистской политикой царизма, Вашингтон вновь обратил внимание на Китай, видя в нем гигантский рынок сбыта товаров и обширную сферу приложения капитала. Для расширения здесь своих позиций Соединенные Штаты использовали демократическую революцию в Китае 1924—1927 годов. 30 мая 1925 г. в Шанхае была расстреляна демонстрация рабочих и студентов. Террор вызвал в стране волну бурного протеста. Начались демонстрации, политические забастовки в Шанхае и других крупных городах. Революция грозила уничтожить господство западных монополий в Китае.

Объединенные общими интересами наживы, западные державы прибегли к совместной вооруженной

⁴ Цит. по: Правда, 1979, 17 дек.

интервенции. В Шанхае началась высадка военно-морских десантов. Через неделю после начала беспорядков у причалов Шанхая находилось уже 26 иностранных военных судов, из них 13 — под американским флагом.

Государственный департамент в своих публичных заявлениях пытался оправдать действия США обычными в таких случаях ссылками на необходимость «защитить жизнь и собственность» американских граждан. Однако из телеграмм государственного секретаря США своему генеральному консулу в Шанхае следовало, что главной целью интервенции было подавление революционного движения в Китае, сохранение и укрепление американских позиций в стране. США, говорилось в одном из посланий внешнеполитического ведомства, заинтересованы в принятии «всех необходимых мер» для предотвращения дальнейшего распространения беспорядков⁵ и, стало быть, сохранения навязанных Китаю соглашений.

Тогдашний председатель муниципального совета международного квартала Шанхая американец У. Фесенден проявил особую активность в «наведении порядка». С помощью морских десантников он проводил массовые аресты рабочих и студентов, расстреливал бастовавших трудящихся. Американские вооруженные отряды были брошены на разгон демонстраций в Пекине и Ханьчжоу.

Вашингтон сыграл тогда зловещую роль в подавлении демократической и освободительной борьбы китайского народа, ставившей под угрозу срыва планы империалистической экспансии в одной из наиболее крупных стран Азии.

Несколько иной, можно сказать, «мирный» характер носило на первых порах проникновение американского капитала в районы Западной Азии, где долго до появления американцев прочно обосновались англичане. Но и здесь долларовая дипломатия приносила свои плоды. Под нажимом Вашингтона, ссылавшегося на политику «открытых дверей», Лон-

⁵ Paper Relating of the Foreign Relations of the U. S. Wash., 1940, p. 651.

дон в период между двумя мировыми войнами был вынужден шаг за шагом уступать сферы влияния своему могущественному конкуренту.

Особое внимание американских монополистов здесь привлекал Иран, точнее его богатые природные ресурсы, и прежде всего нефть. В 1911 году в Тегеране появилась первая финансово-экономическая миссия США. Она состояла сначала из нескольких финансовых советников, подобранных государственным департаментом США. Под давлением шахского двора, напуганного революционными событиями 1905—1911 годов и искавшего поддержки Соединенных Штатов, иранский меджлис (парламент) предоставил миссии, возглавлявшейся Морганом Шустером, исключительные полномочия, вплоть до права контроля над всеми финансовыми операциями правительства, включая сбор налогов, ревизию и отчетность.

Закон практически передавал все государственное казначейство в ведение этого американца, без подписи которого не мог быть произведен ни один прямой расход или открыт какой-либо кредит. В функцию главного казначея входило и составление государственного бюджета. Для этого все иранские министерства и ведомства обязаны были представлять Шустеру все необходимые сведения о масштабах их деятельности. Ему предоставлялось также право разрабатывать и вносить через правительство в меджлис проекты изменений существовавших финансовых законов, изыскивать новые источники доходов.

Ставленник американского бизнеса получил широчайшие полномочия в отношении личного состава подведомственных ему учреждений. Исключительно широкие права, которыми он наделялся, фактически ставили под его контроль не только финансы и экономику, но и в определенной степени политическую жизнь страны.

Миссия Шустера отнюдь не содействовала укреплению финансовой и экономической самостоятельности Ирана. В результате ее деятельности экономическое положение страны стало более неустойчивым, так как значительно увеличилась финансовая зависимость Ирана от иностранного, в основном американского, капитала. И этого следовало ожидать.

Ведь Шустер проводил линию Вашингтона в направлении укрепления позиций американских монополий в стране. Он пытался поставить под американский контроль внешнюю торговлю Ирана, подчинить себе таможенное управление, оказывать влияние на вооруженные силы страны, поскольку одновременно занимал должность советника военного министерства. Позднее Шустер начал создавать воинские подразделения, которые целиком подчинялись только ему. Правда, он относил такие части численностью в 12—15 тыс. солдат к числу «финансовой жандармерии», предназначенной якобы для сбора налогов. Нетрудно себе представить влияние такой жандармерии на политику страны, если иметь в виду, что войска центрального иранского правительства состояли тогда из небольших недисциплинированных отрядов.

Постепенно М. Шустер начал прибирать к рукам все рычаги государственной машины. Он вел переговоры о займах, концессиях на строительство дорог, закупке оружия. Войдя в доверие к шаху, Шустер во многом поставил себя над правительством и часто отказывался выполнять предписания кабинета.

Вопреки действовавшим в стране законам М. Шустер организовал специальный суд из числа чиновников своего ведомства для разбора дел лиц, нарушавших его инструкции и не выполнявших его распоряжений. Американский советник содержал собственную тайную полицию, в том числе осведомительную службу для шпионажа в различных министерствах и государственных учреждениях Ирана.

Впоследствии М. Шустер писал в своих мемуарах, что он взял под свое управление все отделы министерства финансов, оставив министра, его заместителя, а также главу кабинета министров «свободными от беспокойства и необходимости» отдавать какие-либо распоряжения или подписывать какие-либо правительственные бумаги⁶.

Миссия М. Шустера в Иране в 1911 году представляла собой одну из серии попыток американского империализма осуществить в азиатских странах да-

⁶ См. Shuster M. The Strangling of Persia. N. Y., 1912, p. 66.

леко идущие экспансионистские планы. Ее можно рассматривать и как зондаж характера реакции и возможного отпора притязаниям США со стороны европейских колониальных держав.

Первая мировая война явилась важным этапом на пути развития мирового капитализма. В. И. Ленин писал, что «война как громадный исторический процесс неслыханным образом ускорила социальное развитие. Капитализм, развившийся в империализм, т. е. в монополистический капитализм, превратился под влиянием войны в государственно-монополистический капитализм»⁷. И хотя в Соединенных Штатах тенденция к развитию государственно-монополистического капитализма наметилась гораздо раньше, война придала ей новый стимул. В послевоенный период экспансионистская политика американских монополий становится государственной политикой со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Объектом наиболее пристального внимания американского империализма в этот период продолжает оставаться Азия. В годы интервенции империалистических держав против молодой Советской Республики Вашингтон предпринял попытку овладеть некоторыми районами советского Дальнего Востока. Получив достойный отпор, американский империализм активизировал поиски других объектов своей экспансии в Азии. Правда, какое-то время он не решался вступать в открытую схватку с конкурентами из Англии, Франции и других колониальных держав за их заморские владения. Опираясь на свою экономическую мощь, он пока предпочитал лишь теснить своих конкурентов в странах азиатского континента, прикрывая разворачиваемую экспансию, с одной стороны, тезисами «равных возможностей» и «открытых дверей», а с другой — сдерживанием «красной опасности». И американской администрации, поддерживавшей курс монополий, удавалось добиваться «локальных» побед, потому что истощенные войной европейские империи были не в состоянии противостоять обогатившейся на войне Америке. «Америка сильна,—

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 169.

говорил тогда В. И. Ленин, — ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше ненавидят, она грабит всех, и она грабит очень оригинально...»⁸. Он назвал подобный способ экспансии «экономической аннексией»⁹.

Новые экспансионистские шаги Вашингтон вновь предпринял в Иране и Китае — странах, попавших в зависимость от мирового империализма, но официально еще не являвшихся чьими-либо колониями.

Вторая американская финансовая миссия хозяйничала в Иране с 1922 по 1927 год. Ее возглавил Артур Мильспо, который ранее заведовал отделом нефти в государственном департаменте и был тесно связан с американскими нефтяными магнатами.

В Тегеране Мильспо содействовал передаче американским компаниям нефтяных концессий, составил проект постройки трансиранской железной дороги, которую предполагалось построить при участии американских фирм. Именно поэтому, вероятно, члены миссии — соотечественники Мильспо умышленно завышали стоимость строительства отдельных объектов. Ведь от этого выигрывали не только подрядчики, но и официальный Вашингтон. Иранское правительство, вынужденное просить у Соединенных Штатов все новые займы, вело страну к полной финансовой зависимости.

А. Мильспо, как и его предшественник Шустер, не ограничивал сферу своей деятельности финансами. Он содействовал внедрению американских советников в другие министерства и ведомства Ирана. Американцы руководили строительством шоссежных дорог, осуществляли управление государственными имениями. Американский капитал при Мильспо получил право контроля значительной части производства знаменитых иранских ковров, пытался проникнуть в табачную промышленность страны и т. п. Однако и миссия Мильспо не сумела существенно помочь американским магнатам подобраться к нефтяным скважинам юга Ирана, где хозяйничал английский капитал.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 67.

⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 95.

Американские монополии усиленно внедрялись и на противоположном берегу Персидского залива. В 1928 году нефтяные концерны «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (ныне «Экссон»), «Мобил» и «Галф» получили 23,75% акций в «Тэркиш петролеум компани», у которой были крупные концессии в Ираке.

В том же году управляющий компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Уолтер Тиги на встрече в Эчнакери договорился с двумя другими «королями нефти» Джоном Кэдменом из «Англо-ирианиен ойл компани» (АИНК) и Генри Детердингом из «Ройал датчшелл» о разделе сфер влияния и принципах совместной нефтяной политики. В 30-х годах американские нефтяные монополии предприняли шаги и по захвату нефтяных позиций в Саудовской Аравии.

Нетрудно заметить, что практические дела в Азии крупнейшей империалистической державы постоянно расходились с декларативными заявлениями практически всех хозяев Белого дома, будто США в своей политике руководствуются исключительно гуманными соображениями.

Такой на словах вполне привлекательный характер имела, например, Атлантическая хартия, подписанная президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Англии У. Черчиллем в августе 1941 года. В ней, в частности, говорилось, что ни США, ни Англия «не стремятся к территориальным или другим приобретениям». США и Великобритания, как утверждалось в ней, «уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить», и готовы содействовать восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые «были лишены этого насильственным путем».

К этой хартии присоединились многие страны Европы, в том числе такие колониальные империи, как Франция и Голландия.

Однако как Соединенные Штаты, так и европейские империи каждая по-своему трактовали смысл Атлантической хартии и пытались использовать ее в своих интересах. Соединенные Штаты, например, еще в годы войны начали выдавать «политические авансы» народам Азии. 22 февраля 1942 г. Америка

отмечала день рождения Джорджа Вашингтона. Президент Франклин Д. Рузвельт в своем публичном выступлении заявил о намерении США содействовать достижению независимости азиатских наций. Атлантическая хартия, сказал он, распространяется не только на страны, прилегающие к Атлантике, но и на весь мир. Рузвельт счел необходимым еще раз подчеркнуть, что американцы прекрасно понимают надежды колониальных народов, так как американский народ сам пережил колониальные времена.

Государственный секретарь Кордел Хелл, развивая идею своего президента, заявил в июле того же года, что Соединенные Штаты всегда верили и верят сейчас в право на свободу для всех народов без различия расы, цвета кожи, религии. Он подчеркнул, что США «всегда хотели и хотят сегодня содействовать и оказывать помощь всем, кто стремится к свободе»¹⁰. Однако, видимо, не зря бытует пословица: «Добрыми намерениями вымощена дорога в ад». Мир очень скоро убедился в том, что Вашингтон имеет собственный подход к такому понятию, как свобода. Практически Соединенные Штаты под прикрытием Атлантической хартии стремились к внедрению новых форм колонизации народов. Они ратовали всегонавсего за ликвидацию традиционного колониализма западных держав и рассчитывали создать в Азии свою «невидимую империю».

Примером тому может служить Иран. После вступления США в войну на Тихом океане Пентагон высадил на территории Ирана 30-тысячный десант с тем, чтобы охранять пути доставки грузов в Советский Союз и сдерживать проникновение фашистской Германии в регион. В то же время США пытались максимально использовать свое военное присутствие в Иране для упрочения политических и экономических позиций здесь в послевоенный период. Уже в годы войны в Иран хлынули многочисленные военные и гражданские миссии из США. В 1943 году в Тегеране вновь появился Артур Мильспо. Он возглавил финансовую миссию, на которую, видимо, делалась

¹⁰ Far Eastern Survey, 1944, Dec. 13.

большая ставка. «Меня информировали, — отмечал он в своих мемуарах, — что иранское правительство оказалось довольно слабым и находилось на пороге краха. Госдепартамент надеялся, что я укреплю правительство»¹¹.

В условиях фактической военной оккупации Ирана Вашингтону удалось использовать неприязнь иранской верхушки к Англии и навязать молодому шаху Мохаммеду Реза Пехлеви кабальные условия «содружества». Обязанности американской миссии были определены специальным соглашением, подписанным правительствами двух стран, в соответствии с которым Мильспо получил должность генерального администратора. Ему предоставлялись права по составлению государственного бюджета, реорганизации министерства финансов и других правительственных учреждений. Он получал доступ ко всем финансовым документам и право присутствовать на заседаниях комиссий меджлиса или правительственного кабинета, на которых должны были обсуждаться финансовые вопросы. Никакие финансовые обязательства иранского правительства не считались действительными, если под соответствующими документами не стояла подпись Мильспо.

Особая статья двустороннего соглашения предоставляла ему исключительное право найма иностранных специалистов для работы в министерстве финансов. Это право Мильспо использовал весьма активно. Менее чем за год миссия возросла с 7 до 52 американцев. Сам Мильспо добился чрезвычайных полномочий, что давало ему возможность вмешиваться практически во все сферы иранской экономической да и политической жизни. Используя продовольственные затруднения, Мильспо, как он потом писал, регулировал деятельность «продажных карьеристов», мог «низвергать и создавать» правительственные кабинеты¹².

Вашингтон внимательно следил за деятельностью миссии и, по словам Мильспо, «не делал никакого секрета из того, что мы проводим политику амери-

¹¹ Millspaugh A. *Americans in Persia*. Wash., 1946, p. 47.

¹² *Ibid.*, p. 99.

канского правительства»¹³. А она по-прежнему была нацелена на главное богатство Ирана — нефть. Однако и на этот раз американским монополиям не удалось потеснить еще весьма сильные политические и экономические позиции Англии в Иране.

Наряду с практическими шагами, направленными на усиление влияния американского империализма в Азии, в Вашингтоне еще в годы войны разрабатывались новые замаскированные формы и методы проникновения на континент, которые могли бы быть эффективно применены в послевоенный период. Особенно настойчиво пропагандировалась идея «международной опеки». Американская администрация предполагала, говорил по этому поводу государственный секретарь К. Хелл, что в результате войны народы в различных районах мира, еще не подготовленные для полной независимости, будут освобождены от связей с нациями, которые прежде были ответственными за их судьбу, и «объединенные нации» возложат на себя эту заботу.

В 1943 году американская «комиссия по изучению организации мира», в которую входили видные промышленники и политические деятели страны, опубликовала доклад, в котором, в частности, говорилось, что после войны такие термины, как «колония» и «империализм», не будут отвечать требованиям времени. Концепция опеки, по мнению авторов доклада, может лучше обеспечить принципы «равных возможностей» и «партнерства» в рамках «содружества наций».

Концепция опеки вызвала критику со стороны старых колониальных держав и протесты со стороны национальных деятелей Азии. «С тех пор как Америка вступила в войну, — говорил Шарль де Голль, — Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира...»¹⁴.

В этом же духе высказывался и У. Черчилль. «Если американцы хотят оставить себе Японские острова, которыми они завладели, — писал он своему ми-

¹³ Ibid., p. 222.

¹⁴ Де Голль Ш. Военные мемуары, т. 2. М., 1960, с. 95.

нистру иностранных дел А. Идену, — пусть они это делают с нашими добрыми пожеланиями и с любыми приемлемыми для них словесными формулировками. Но руки прочь от Британской империи — таков наш принцип»¹⁵.

С других позиций, но тоже с осуждением американской концепции опеки выступали те, кто находился в колониальном порабощении и жаждал действительной свободы. Выдающийся индийский национальный деятель Дж. Неру писал тогда, что, учтя опыт и трудности старых колониальных империй, Соединенные Штаты совершенствуют методы. Они не дают себе труда аннексировать какую-либо страну, подобно тому как Англия аннексировала Индию. Америку интересует только выгода, а потому она старается поставить под свой контроль богатство другой страны. Добившись этого, подчеркивал Дж. Неру, «нетрудно подчинить контролю население страны, да, собственно говоря, и всю страну». Таким образом, без особых хлопот или столкновений с активным национализмом американцы ставят страну под контроль и получают свою долю ее богатства. «Страна может показаться свободной, если судить о ней по учебнику географии. Но загляните поглубже, — предостерегал Дж. Неру, — и вы обнаружите, что она находится в когтях другой страны или, вернее, ее банкиров и крупных предпринимателей. Вот такой невидимой империей и владеют Соединенные Штаты Америки»¹⁶.

Дальновидные национальные лидеры порабощенных народов прекрасно понимали далеко идущие замыслы, содержащиеся в американской идее «освобождения» Азии от колониализма и передачи зависимых народов под опеку «объединенных наций». Они сознавали, что «невидимая империя» Соединенных Штатов меняла лишь формы закабаления, но фактически не разрывала колониальных цепей. Империализм рассчитывал и впредь эксплуатировать людские и сырьевые ресурсы стран Азии.

¹⁵ Цит. по: Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962, p. 531.

¹⁶ Nerhu G. Glimpses of World History. N. Y., 1942, p. 478.

Эскалация экспансионизма после второй мировой войны

Победа социалистических и антифашистских сил во второй мировой войне не только преградила путь коричневому мракобесию, зародившемуся в центре Европы, но и создала благоприятные условия для успешной борьбы поработенных народов за национальное освобождение. Победы патриотов Индонезии и Вьетнама, провозгласивших независимость в августе 1945 года, и успехи их вооруженной борьбы в защиту государственного суверенитета укрепляли решимость народов стран Азии, еще остававшихся колониями.

Начавшийся развал колониальной системы империализма предвещал полный крах чужеродной политической и экономической структуры бывших колоний, изменения в характере взаимоотношений вновь нарождавшихся независимых государств с западными монополиями. На повестку дня перед Западом встал вопрос о выработке в новых условиях новых форм и методов этих взаимоотношений, которые позволили бы так же прибыльно и безнаказанно, как и раньше, эксплуатировать природные и людские ресурсы бывших колоний.

Погоня за сверхприбылями

Анализируя особенности империализма, В. И. Ленин пришел к выводу, что к многочисленным «старым мотивам» колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за сферы влияния, то есть за сферы выгодных сделок, концессий, монополистических

прибылей и пр., наконец за хозяйственную территорию вообще¹.

Соединенные Штаты обладают богатыми природными ресурсами. Но американские исследователи пытаются внушить миру мысль о том, что в некоторых довольно важных видах сырья страна испытывает постоянную нужду. По данным журнала «Бизнес уик», например, на долю США падает всего 5% мировых запасов нефти, но потребляет страна почти треть этого топлива, добываемого во всем мире. Практически более половины потребляемой в США нефти ввозится из-за границы.

Американские нефтепромыслы могли бы обеспечить экономику страны собственными ресурсами, но Вашингтон предпочитает беречь свое «черное золото», причислив его к категории «стратегических запасов». Определенное влияние на сохранение режима экономии оказал, видимо, и пессимизм, вызванный анализом состояния дел с энергоресурсами в США в ближайшем будущем. Геологическое управление сделало оценку минимальных потребностей страны в минеральном сырье в 1973—2000 годах и взвесило возможности собственных запасов. Оно пришло к неутешительным выводам. Общий спрос американских потребителей нефти за указанный период составит 33 млрд. т, а объем собственного производства будто бы ограничится 5 млрд. т. Природного газа потребуются 22 000 млн. куб. м, а производство, по данным журнала, составит лишь 17 000 млн. куб. м. Положение с ураном определяют цифры (соответственно) 975 и 260 тыс. т.

Американские ученые мужи любят оценивать запасы природных богатств в Азии. Они довольно часто подчеркивают, например, что только на страны Ближнего и Среднего Востока приходится 63% разведанных запасов нефти капиталистического мира. Это в 12 раз превышает запасы США, напоминают они.

В США, разумеется, не только исследуют и подсчитывают чужие богатства, но и делают практиче-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 421—422.

ские выводы о том, как сберечь свое, используя чужое.

Основной поток «черного золота» поступает в США из стран Ближнего и Среднего Востока — Саудовской Аравии, Ирана, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта, — а также из Индонезии. К началу последней четверти XX века оттуда поступало около 1 млрд. т нефти в год.

В Азии действуют такие монополистические концерны, как «Экссон», «Мобил», «Тексас», «Сокал» и др. Почти все они объединены с национальными нефтяными компаниями других стран. Примером такой кооперации может служить АРАМКО.

До 1973 года четыре крупнейшие американские нефтяные компании, объединенные в АРАМКО, безраздельно владели почти всеми нефтяными приисками в Саудовской Аравии. С пяти крупных и нескольких мелких месторождений АРАМКО ежедневно перекачивалось около 8 млн. баррелей сырой нефти, которая поступала на очистительный завод, расположенный в порту Рос-Танура, и далее потребителю.

Среди этих четырех компаний значится такой гигант, как «Экссон» (до 1973 г. — «Стандард ойл оф Нью-Джерси»). Концерн занимается разведкой, добычей, переработкой и транспортировкой нефти и газа, добычей угля, урана, нефтехимическим производством. Под его контролем находится примерно $\frac{1}{10}$ часть добычи и переработки нефти капиталистического мира. Через систему дочерних предприятий концерн добывает нефть и газ более чем в 40 странах мира и продает свою продукцию в более чем 100 странах.

«Экссон» контролирует нефтяные месторождения, содержащие 5 млрд. т нефти, 90% которых расположены за пределами США. Ей принадлежат 70 нефтеперерабатывающих предприятий в 37 странах мира, а также трубопроводы протяженностью более 60 тыс. км пропускной способностью около 400 млн. т в год. Более 24 млн. т перевозится ежегодно собственным и фрахтуемым танкерным флотом².

² Мировая экономика и международные отношения, 1976, № 8, с. 149.

Пять американских нефтяных компаний, среди них и «Экссон» (под старым названием), находились в числе участников, разделивших в 1954 году иранский «нефтяной пирог», после того как было свергнуто правительство Мосаддыка, национализировавшее Англо-Иранскую нефтяную компанию.

Американские фирмы протянули свои щупальца во все районы Азии, откуда извлекают ценнейшие природные ресурсы и сельскохозяйственное сырье. В Юго-Восточной Азии, например, они получают 85% природного каучука и 80% олова.

Район Индийского океана, как известно, дает 77,3% мирового производства каучука, 76,2 — чая, 42 — шерсти, 26 — хлопчатобумажной ткани и 19% кофе. Помимо сельскохозяйственной продукции, в прибрежных странах Индийского океана производится 80,7% мировой добычи золота, 56,6 — олова, 32,5% нефти, значительные доли марганца, сурьмы, никеля, свинца, железной руды, цинка и других природных ископаемых³.

Стремление американских бизнесменов внедриться на других континентах, в том числе в Азии, разумеется, связано не столько с патриотическими чувствами, проявляемыми к собственной стране во имя сохранения национальных запасов природных ресурсов, сколько с желанием получать наивысшие прибыли. А условия для этого в развивающихся странах самые подходящие. Азия богата ценными видами сырья, и здесь производится специфическая сельскохозяйственная продукция (каучук, кофе, чай, табак и др.); страны континента располагают и дешевой рабочей силой.

Прибегая к новым формам эксплуатации, Соединенным Штатам за период с 1951 по 1970 год удалось увеличить свой товарный экспорт с 10 до 42 млрд. долл., а частные инвестиции за границей возросли за этот период с 17,5 до 104,7 млрд. долл. Американские фирмы инвестировали, например, в Индонезии около 10 млрд. долл. Там действуют филиалы 34 американских нефтяных компаний, и на их долю приходится 70% добываемой в стране нефти.

³ См. Pacific Community, 1976, No 2.

Около 400 американских компаний с общим капиталом примерно в 2 млрд. долл. действуют на Филиппинах. 88 компаний США функционируют в Индии.

Все это позволяет вкладчикам капитала получать наивысшие прибыли. В начале 70-х годов средний международный показатель прибыли равнялся 13,2%, в то время как прибыль американских компаний в Азии в 1972 году составила в среднем 43,5%. В 1978 году эти цифры составляли соответственно 14 и 65,7%⁴.

В ряде случаев компании получают стопроцентную и даже еще большую прибыль. По подсчетам индонезийских экономистов, каждый вложенный в нефтяной сектор страны доллар дает американским компаниям прибыль в 2 долл. Компания «Галф ойл» сообщила, что за первые девять месяцев 1979 года ее прибыли по заграничным операциям увеличились на 400%, тогда как в США — только на 36%⁵.

По данным журнала «Бизнес уик», прибыли 1200 корпораций США составили в 1978 году огромную сумму в 118 млрд. долл., что на 16% больше, чем в предыдущем году. Большая доля прибылей в размере 98,2 млрд. долл. падает на 25 крупнейших монополий.

Упомянутый энергетический концерн «Эксон», протянувший свои щупальца через весь азиатский континент, в 1976 году получил 2,6 млрд. долл. прибыли, в 1977 — 2,4 млрд. и в 1978 году — 2,763 млрд. долл.⁶

В эти же годы компания «Мобил» получала ежегодно более 1 млрд. долл. прибыли. Прибыли «Тексако» колебались вокруг миллиардной отметки, однако в третьем квартале 1979 года они возросли на 211% по сравнению с этим же периодом предыдущего года⁷. По данным бюллетеня министерства торговли США «Сэрвей оф каррент бизнес», в истекшем десятилетии (70-е гг.) американские монополии ежегодно переводили в банки Америки примерно 6—

⁴ Новое время, 1979, № 20, с. 14.

⁵ U.S. News and World Report, 1979, Nov. 5.

⁶ Ibid.

⁷ Time, 1978, Sept. 11.

7 млрд. долл. чистой прибыли, полученной в развивающихся странах только от операций с нефтью. Но это не все. В сейфах американских банков оседают значительные суммы так называемых нефтехолдеров, поступающих в основном из прибрежных стран Персидского залива. По подсчетам американских финансистов, к 1980 году эта сумма достигла примерно 100 млрд. долл. Нужно ли говорить, какой огромный барыш получают американские банкиры от оборота нефтехолдеров?

Деловые люди США утверждают, что ни один район мира не приносит им таких огромных прибылей, как Ближний и Средний Восток. Именно поэтому прежде всего район Персидского залива назван администрацией Дж. Картера «жизненно важным для безопасности США».

Значение этого района для американского империализма возрастает еще и потому, что именно оттуда поступают огромные прибыли в сейфы американских военно-промышленных корпораций. Объем сделок по поставкам оружия только в 1979 году составил сумму в 120 млрд. долл. Примерно половина этой суммы падает на оборот американских военных компаний за счет внешнего рынка, при этом 35 млрд. долл. приходится на долю сделок со странами развивающегося мира⁸. По мнению американских экономистов, в частности М. Фридмана, администрация Дж. Картера намерена и впредь «поощрять и стимулировать» деятельность американских корпораций и банков за рубежом, рассматривая этот вид деятельности как «важный инструмент» укрепления внешнеэкономических и валютных позиций США в условиях охватившего страну энергетического кризиса и начавшегося экономического спада.

Впрочем, подобная политика характерна не только для администрации Дж. Картера. Развитию и расширению американского бизнеса за рубежом официальный Вашингтон содействовал на протяжении всего нынешнего столетия, особенно в послевоенные годы. Именно ради этого США создавали военно-политиче-

⁸ Le Matin, 1980, 21 jan.

ские блоки, навязывали развивающимся странам «помощь» и «услуги» «по обеспечению безопасности», оружие и советников, развязывали локальные конфликты и вели агрессивные войны, бряцали оружием и вмешивались во внутренние дела освободившихся от колониализма стран, используя самые разнообразные формы и методы проникновения. Притязания к Ирану представляют собой наиболее характерный пример подобной политики, от которой американский империализм не отказался до сих пор.

Под флагом «доктрины Трумэна»

Обстановка в Азии в первые годы после окончания второй мировой войны складывалась далеко не в пользу ни европейских держав, ни американских претендентов на мировое господство. Разгром Советской Армией Квантунской группировки — основной силы милитаристской Японии предопределил решающее изменение соотношения политических сил в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в пользу демократии и социализма и обусловил успех народно-демократических революций во Вьетнаме, Северной Корее и Китае. Революции в этих странах оказали глубокое воздействие на обострение национально-освободительной борьбы в других азиатских странах.

При разработке послевоенной стратегии Вашингтон ставил во главу угла задачу сдерживания ширившегося антиимпериалистического движения во всех районах азиатского континента. Провозглашение независимости Индии в августе 1947 года и образование Китайской Народной Республики в октябре 1949 года нанесли сильнейший удар по планам западных неокolonизаторов. Их надежды на удержание прежних позиций в Азии становились все менее реальными по мере того, как народы, боровшиеся за национальную независимость, демократию и социальный прогресс, встречали возрастающую с каждым годом морально-политическую поддержку, а затем и экономическую помощь со стороны набиравшего силу мира социализма.

Послевоенная экспансия США в азиатских странах проходила по-разному — с учетом специфики положения в той или иной стране, но почти всюду она лежала в русле заранее разработанной схемы. На первых порах американская тактика характеризовалась заигрыванием с национальными лидерами, сопровождавшимся призывами предоставить народам Азии формальную независимость, что на деле означало стремление США потеснить в этих странах позиции старых колониальных держав, получить равные с ними возможности грабежа этих стран.

После того как Вашингтон почувствовал упорное нежелание крупнейших стран Азии, освободившихся от старых колонизаторов, поставить над собой новых и к тому же натолкнулся на ощутимое сопротивление европейских колониальных держав, в американском экспансионизме стала преобладать тактика запугивания, угроз, наращивания политического и экономического давления на молодые азиатские страны, а также откровенная атака на позиции своих конкурентов.

Обогатившийся и окрепший на дивидендах от второй мировой войны американский империализм в погоне за ценным сырьем и рынками сбыта бесцеремонно теснил в азиатских странах позиции обессилевших в этой войне Великобритании, Франции и Нидерландов.

Американский эксперт по азиатским проблемам Оуэн Латтимор довольно точно, хотя и, может быть, недостаточно полно, определил суть американской политики периода первых послевоенных лет. Она состояла в том, писал он, чтобы допускать и даже поощрять движение к политической независимости поработанных стран настолько быстро, насколько это может быть сделано без беспорядков, приносящих убытки капиталовложениям и торговле, но и «без опасности неожиданных поворотов от политической эволюции к социальной революции»⁹.

В чем конкретно выражалась такая политика? Прежде всего в попытках дискредитации идей ком-

⁹ Lattimore A. The Situation in Asia. Boston, 1949, p. 182.

мунизма и практики социалистического строительства. Пропагандистская машина Запада на все лады твердила о «надвигавшейся угрозе свободному миру со стороны коммунистических режимов». Соединенные Штаты, звучало в эфире, пестрело на страницах буржуазных газет, намерены поддерживать свободные народы, «сопротивляющиеся попыткам подчинения со стороны вооруженного меньшинства или внешнему давлению».

Администрация Г. Трумэна готовила общественность к акциям, которые смогли бы сдержать демократическое и освободительное движение народов. 12 марта 1947 г. президент обратился к конгрессу с просьбой ассигновать 400 млн. долл. для оказания «срочной помощи» Греции и Турции. Вашингтон не скрывал ни военного характера намечавшейся «помощи», ни стремления США обосноваться в странах, избранных в качестве объекта для оказания «помощи». Г. Трумэн предложил послать в Грецию и Турцию американский военный и гражданский персонал для «оказания помощи в реконструкции» и «наблюдения за продвижением финансовой и материальной помощи»¹⁰.

14 марта конгресс одобрил законопроект об ассигнованиях на «помощь» Греции и Турции, и «доктрина Трумэна» стала официальной политикой США. Истинная суть этой политики легко просматривается в таком, например, заявлении Г. Трумэна: «В нынешний момент мировой истории почти каждая страна должна сделать выбор между исключаящими друг друга путями жизни... Мы не можем допустить изменений в сложившемся статус-кво»¹¹.

Острые борьбы было направлено против Советского Союза. «Мы выбрали Турцию и Грецию не потому, что они являются блестящими образцами демократии, а потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море, к сердцу Советского Союза»¹², — писал по этому поводу извест-

¹⁰ См. Правда, 1947, 14 марта.

¹¹ Цит. по: Правда, 1947, 14 марта.

¹² Lippman W. The Cold War. N. Y., 1947, p. 29.

ный американский политический обозреватель Уолтер Липпман.

Вашингтон предпринял шаги к распространению «доктрины Трумэна» на другие районы мира, прежде всего на страны Азии и Африки, народы которых боролись за право самостоятельно выбирать пути своего дальнейшего развития. В январе 1949 года, вступая во второй срок президентства, Г. Трумэн уточнил в программной речи принципы своего внешнеполитического курса. Они теперь включали в себя четыре основных положения, в том числе, как он выразился, «новый смелый план» осуществления технической «помощи» зарубежным странам, известный под названием «4-й пункт Трумэна».

Вашингтон не скрывал истинных целей такой «помощи». Судя по высказываниям представителей американского руководства, суть ее сводилась к дискредитации идей социализма, завладевавших умами самых широких масс международной общественности, к сдерживанию расширявшегося процесса освободительной борьбы. «Доктрина Г. Трумэна», говорил тогда государственный секретарь США Дин Ачесон, сможет «усилить и объединить свободные народы».

Привязка азиатских источников сырья к американской экономике предполагала также укрепление политического влияния США в развивающихся странах и в итоге, как заявил тогда Г. Трумэн, обеспечивала новые рынки для огромных промышленных мощностей Запада, для расширения сферы приложения американского капитала.

Еще более откровенно высказался на этот счет тогдашний руководитель программы американской технической «помощи» Б. Беннетт. В одном из своих выступлений в сенатской комиссии по иностранным делам он заявил, что программа «4-го пункта Трумэна» — это не просто программа, чтобы «делать добро». Как уточнил Беннетт, эта программа служит прежде всего собственным интересам США, поскольку Америка все больше и больше зависит от слабо развитых стран, откуда американская промышленность получает 73% необходимого сырья. Кроме того, как отмечает Беннетт, эти районы дают «величайшие

надежды» на использование их в качестве емких рынков для продукции Соединенных Штатов¹³.

Последующие события показали, что реализация программы «помощи», одобренной конгрессом в 1950 году, использовалась Вашингтоном как повод не только для экономического прорыва, но и политического, а также идеологического проникновения. В рамках этой «помощи» Соединенные Штаты заключили с рядом стран Азии соглашения о строительстве дорог, портов, аэродромов, что позволяло им засылать многочисленные контингенты своих «советников» и «специалистов».

Годом позже конгресс США принял закон «обеспечения взаимной безопасности». Этот закон формально касался стран Ближнего Востока и Африки, но практически он распространялся и на другие развивающиеся страны. Его основная мысль зафиксирована в ст. 511, где говорится, что никакая военная, экономическая или техническая «помощь» не будет предоставляться ни одному государству, пока президент США не убедится в том, что такая «помощь» будет содействовать укреплению безопасности Соединенных Штатов, и пока страна, получающая такую «помощь», не согласится выполнять обязательства, которые она взяла на себя по двусторонним или многосторонним соглашениям, в которых принимают участие Соединенные Штаты¹⁴.

Как показала практика, наибольшие суммы «помощи» выделялись марионеточным режимам Южного Вьетнама и Южной Кореи, а также странам, связавшим себя с Соединенными Штатами двусторонними или многосторонними военно-политическими союзами, таким как Израиль, Иран, Пакистан, Таиланд, Филиппины и Япония.

Однако Индия и ряд других азиатских стран не вписывались в установленные Вашингтоном жесткие, политически обусловленные рамки «помощи». Индия, например, получила относительно значительную сумму, не будучи объединенной в каком-либо союзе

¹³ Documents on American Foreign Relations. N. Y., 1953, p. 175.

¹⁴ Documents on American Foreign Relations. N. Y., 1951, p. 134.

с Америкой. Более того, она с первых дней своего независимого существования занимала твердую позицию неприсоединения и решительно отказывалась следовать в фарватере политики старых и новых колонизаторов. И тем не менее Вашингтон, видимо, не терял надежды, что ему со временем удастся включить эту крупнейшую страну Азии в русло своей политики, содействовать, говоря словами помощника государственного секретаря Макги, «преодолению Индией чувства нейтральности». А пока администрация США делала все возможное, чтобы предотвратить «сползание Индии влево».

Как известно, в Индии наблюдался значительный рост влияния прогрессивных сил, заметно проявившийся в ходе первых всеобщих выборов в законодательные органы. В 1951 году страна приняла первый пятилетний план экономического развития. Соединенные Штаты предложили свои услуги, и между странами было заключено соглашение о техническом сотрудничестве сроком на пять лет. Из заявления государственного секретаря США Дина Ачесона следовало, что это соглашение, нарушавшее американские условия предоставления «помощи», следует рассматривать как контрмеру, направленную на снижение влияния прогрессивных сил в стране¹⁵.

Но, как правило, Вашингтон строго придерживался установленного порядка предоставления «помощи» и резко реагировал на проявление «непослушания» со стороны национальных деятелей стран Азии. Об этом красноречиво свидетельствует демонстрация решимости Вашингтона в отношениях, например, с Рангуном. В 1950 году США подписали договор с Бирмой об экономической помощи. Через год Вашингтон потребовал включить в соглашение военно-политические условия, а когда бирманская сторона отказалась принять их, американская администрация объявила о прекращении экономической «помощи» Бирме.

Стойкое сопротивление встретили Соединенные Штаты и на пути проникновения в Индонезию. Как известно, бывшая «Нидерландская Индия» почти че-

¹⁵ См. The Department of State Bulletin, 1952, March 24, p. 470.

тыре года была вынуждена с оружием в руках отражать неоколониалистские притязания Голландии, поддержанные Лондоном и Вашингтоном. В конце концов США попытались использовать новые формы порабощения. И в этом случае «помощь» фигурировала как разменная монета в глобальной стратегии Вашингтона. В одно время Джакарта, как говорится, соблазнилась на приманку, содержащуюся во внешнеполитической программе президента Джона Кеннеди. В Индонезию по договоренности с Сукарно была направлена группа американских экспертов для разработки конкретной программы экономического развития страны и изыскания средств для ее финансирования. Одобренные индонезийским правительством рекомендации американских экспертов были утверждены в Вашингтоне и, таким образом, приобрели силу официального документа, включавшего в себя американскую финансовую «помощь» в размере до 225 млн. долл. на пятилетний период. Однако эта программа осталась замороженной из-за отказа Вашингтона выполнить принятые на себя обязательства. Мотивировка? Самая обыкновенная: Америке не нравилась независимая внешнеполитическая позиция правительства Индонезии. Не нравилось то, что оно имело свою собственную точку зрения на дипломатические маневры Запада в Юго-Восточной Азии, резко расходившуюся со взглядами Вашингтона. К тому же оно продолжало настаивать на возвращении Западного Ириана. «Мы дали ясно понять индонезийскому правительству, — заявил тогда директор американского Управления международного развития Д. Белл, — что Соединенные Штаты могут помогать другим странам только в том случае, если их лидеры ведут себя благоразумно в международных делах». Принципиальная антиимпериалистическая позиция Сукарно особенно сильно раздражала американских «ястребов». Они переходили на оскорбительный тон. «Давайте поможем индонезийцам избавиться от этого дурного человека, — призывали американские экстремисты. — Сукарно представляет угрозу миру, является поджигателем войны»¹⁶.

¹⁶ Life, 1963, Oct. 4.

После трагических событий в Индонезии, начавшихся в сентябре 1965 года, Соединенные Штаты предприняли еще одну попытку проникнуть в «страну трех тысяч островов», используя такой козырь, как «помощь». Вашингтон предоставил военному режиму «чрезвычайный заем» на сумму 10 млн. долл. Он возглавил международный фонд, названный Межправительственной группой по Индонезии (ИГГИ), который до сих пор предоставляет кредиты на «становление экономики» Индонезии в размере нескольких сот миллионов долларов в год.

«Помощь» использовалась Вашингтоном в качестве рычага для нажима и на правительство Цейлона (Шри Ланки), когда оно в 1962 году поставило под свой контроль часть собственности американских нефтяных компаний «Эссо» и «Калтекс», и на арабские страны, отказывавшиеся связать себя с Западом путями военно-политических блоков.

Короче говоря, в послевоенные годы «демократическая Америка», на словах протянувшая руку помощи борющимся за независимость народам, на деле пыталась другой рукой задушить национально-демократическое движение в азиатских странах, надеть на них ярмо неокOLONиализма, сделать из них своих послушных марионеток. Но эта политика терпела провал. И не только из-за решительного сопротивления объектов притязаний.

С первых послевоенных лет народы стран Азии получали подлинную помощь и поддержку в борьбе с колониализмом и неокOLONиализмом со стороны Советского Союза. Так, именно СССР на I сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 году призвал Великобританию немедленно признать независимость Индии. В 1947 году, еще до официального провозглашения независимости Индии, Советский Союз обменялся с нею нотами. Такая дипломатическая поддержка содействовала международному признанию Индии, ее суверенному развитию. Бескорыстная поддержка Советским Союзом Индии не ограничивалась политическими акциями. В 1951 году, когда страна была охвачена голодом, СССР срочно поставил Индии 100 тыс. т пшеницы. Своевременная, дружественная советская помощь сорвала планы западных монопо-

лий навязать Индии, пользуясь ее тяжелым положением, кабальные условия поставок продовольствия.

Подписание два года спустя первого советско-индийского долгосрочного торгового соглашения во многом содействовало независимому экономическому развитию Индии. Успешное развитие в дальнейшем советско-индийских отношений обрекло на провал неоднократно предпринимавшиеся американским империализмом попытки подчинить эту крупнейшую страну Азии своему влиянию.

Принципиальная линия советской внешней политики на поддержку национально-освободительной борьбы за право самостоятельного и независимого развития, воплощавшаяся в конкретную помощь борющимся народам Азии, явилась эффективным залогом на пути реализации планов американской экспансии на этом континенте.

«Корейская война в любом месте»

Корейская война — это первая в послевоенное время открытая проба сил США в борьбе против идей социализма и освободительного движения в Азии. Она готовилась долго и на первоначальном этапе предстала перед международной общественностью в форме внутреннего конфликта.

В мае 1948 года американские оккупационные власти вопреки воле корейского народа провели на юге страны сепаратные выборы в «национальное собрание» и сформировали марионеточное правительство.

В ответ на эту акцию прогрессивные силы Севера и Юга провели выборы по всей стране в Верховное народное собрание. В сентябре того же года первая сессия ВНС, проходившая в Пхеньяне, провозгласила Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Создание КНДР наносило удар по агрессивным планам империализма в Азии. Не желая мириться с этим, американская и южнокорейская реакция развернула подготовку нападения на КНДР, имея целью распространить реакционный марионеточный режим на всю страну.

25 июня 1950 г. южнокорейская военщина, подталкиваемая Вашингтоном, развязала агрессивную войну против демократических сил на Севере. И уже через несколько дней американские солдаты вступили в боевые действия на стороне южнокорейского режима. Американский империализм рассчитывал также использовать конфликт, чтобы ликвидировать КНДР и тем самым ослабить позиции социализма и освободительного движения в Азии.

В ходе агрессивной войны в Корее Пентагон взвешивал возможности использования крайних мер. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур настаивал на расширении военного конфликта, вплоть до применения атомного оружия. И только энергичные протесты международной общественности и самого американского народа свели на нет коварные замыслы американской военщины.

«Война господина Трумэна», как окрестила американская пресса эту агрессию, завершилась с приходом к власти в США нового президента. Дуайт Эйзенхауэр, обещавший в ходе предвыборной кампании закончить непопулярную войну, выехал в декабре 1952 года в Корею. Убедившись в безнадежности затеянной авантюры, Вашингтон пришел к выводу о необходимости свернуть военные действия. В июле следующего года было подписано соглашение о перемирии.

В Совете Безопасности ООН, рассматривавшем вопрос о событиях в Корее, Соединенным Штатам удалось протащить тогда резолюцию, объявлявшую Северную Корею «агрессором». На этом основании войска США и некоторых других стран в Корее стали именоваться войсками ООН, а их действия — «полицейской акцией». Но эта «дымовая завеса» не в состоянии была скрыть ответственность Вашингтона за агрессивные действия на Корейском полуострове. И чем больше мы удаляемся от даты начала конфликта, тем больше вскрывается фактов, подтверждающих роль США, как главного зачинщика этой войны. В книге А. Стоуна «Закулисная история корейской войны», например, приводится любопытное признание американского генерала Ван Флита. Ко-

рейская война, считал представитель Пентагона, «была благословением», она, по его мнению, «должна была вспыхнуть либо здесь, либо в каком-то другом месте земного шара...»

Зачем? Затем, чтобы использовать эту провокацию прежде всего для раздувания антикоммунистической истерии. Размахивание жупелом коммунизма должно было содействовать, по мнению Вашингтона, усилению гонки вооружений, вступлению на этот путь Японии и Западной Германии. Вдохновители корейской войны рассчитывали также создать впечатление, что в Азии существует некий «вакуум силы» и что во избежание всякого рода случайностей вроде «второй Кореи» необходимо создать на континенте политические, экономические и военные организации под эгидой Запада. Корейская война мыслилась и как удобная ширма, за которой планировалась реализация таких тактических доктрин Вашингтона, как «отбрасывание коммунизма» и «балансирование на грани войны». Именно под аккомпанемент антикоммунистической истерии Вашингтон рассчитывал сдержать размах освободительного движения, набравшего силу на континенте. Но далеко идущим планам агрессоров не суждено было сбыться. После неоднократных инициатив Советского Союза и других миролюбивых стран урегулировать корейский конфликт мирным путем, которые участники агрессии игнорировали, народная армия КНДР и китайские добровольцы, опираясь на всестороннюю помощь СССР и других стран социализма, дали решительный отпор интервентам. Советский народ оказывал необходимую помощь, поставляя оружие и боеприпасы, транспорт, направляя военных советников. Готовность СССР прийти на помощь Китаю предотвратила военное нападение на эту страну. В годы корейской войны Советский Союз обеспечил эффективную воздушную оборону КНР.

Решительные дипломатические акции СССР и других социалистических стран содействовали резкому осуждению агрессоров международной общественностью. 23 июля 1953 г. благодаря настойчивым усилиям стран социализма было достигнуто соглашение о перемирии. Прекращение войны в Корее яви-

лось серьезным ударом по планам американских экспансионистов добиваться своих целей в Азии методами открытого использования силы.

Растоптанные идеалы Мосаддыка

Империалистические монополии, как известно, постоянно ведут ожесточенную конкурентную борьбу между собой за рынки сбыта, сферы приложения капитала, за максимальные прибыли. Но когда над ними нависает опасность оказаться за пределами страны или района, сферы влияния которых они оспаривают, бывшие конкуренты быстро находят общий язык и, используя служащую их интересам правящую верхушку, применяют весь набор средств, в том числе и военную силу, против тех, кто встает у них на пути. По такой примерно схеме проходила конкурентная борьба американских и английских монополий за иранскую нефть.

Трагическим событиям, в которых главную роль сыграло Центральное разведывательное управление США, предшествовал довольно длительный период «мирного» американского проникновения в Иран, нацеленного на вытеснение английского конкурента. Как писал в 1943 году редактор американского еженедельника «Нейшн» Освальд Виллард, еще задолго до начала второй мировой войны Вашингтон заслал в Иран тысячи людей и создал там свою материальную базу. Эта работа проводилась тайно, и о ней знало лишь ограниченное число американцев¹⁷.

Разумеется, точными сведениями о количественном и, если можно так выразиться, качественном составе американской агентуры в Иране располагало действительно «ограниченное число американцев». Однако общая картина, характеризующая темпы американского засилья в этой богатой нефтью стране, была известна не только некоторым официальным лицам Вашингтона. Как говорит народная мудрость, шила в мешке не утаишь. Финансовая миссия Моргана Шустера, две финансовые миссии, возглавлявшие

¹⁷ См. The American Mercury, 1973, Oct., p. 459.

ся Артуром Мильспо, американские «советники» в иранской армии и жандармерии создавали благоприятные условия для дополнительного прилива американской агентуры самых различных рангов, классов и специальностей. В результате уже к концу второй мировой войны американский империализм занимал прочные позиции в Иране.

В 1946 году американцам удалось поставить у власти в Иране своего давнишнего сторонника Кавам-а эс-Салтанэ. С его помощью Соединенные Штаты в 1947 году навязали Ирану 10-миллионный заем для закупки американского вооружения и снаряжения, а через несколько месяцев Вашингтон учредил в Иране свою военную миссию. Ей предоставлялись огромные полномочия. Глава миссии и ее члены имели право посещать и инспектировать любое учреждение иранской армии, знакомиться с любыми документами, планами, докладами и перепиской воинских частей. Американским офицерам предоставлялось право старшинства по отношению к иранским офицерам того же ранга. Они получали повышенное жалованье, которое к тому же освобождалось от всех налогов. Иранскому правительству запрещалось пользоваться услугами военных советников других стран.

В 1948 году был продлен срок действия ирано-американского соглашения, подписанного еще в ноябре 1943 года, об американских «советниках» в иранской жандармерии. Теперь наставникам иранской полиции предоставлялись те же полномочия и условия, коими пользовались их военные коллеги.

В ходе конкурентной англо-американской борьбы, развернувшейся в Иране в первые послевоенные годы, американцам удалось захватить позиции и в иранской экономической жизни. Американские фирмы подготовили предложения по семилетнему плану развития Ирана, который был утвержден меджлисом в феврале 1949 года. Очевидно, что при подготовке этого плана далеко не в последнюю очередь учитывались американские интересы.

В самом конце того же года шах Мохаммед Реза Пехлеви посетил Вашингтон. В результате его переговоров с президентом Трумэнном на свет появилось двустороннее соглашение «о взаимной помощи в целях

обороны». Оно повлекло за собой новую партию американских «советников» и «технических специалистов». Не менее важную роль в усилении американских и ослаблении английских позиций сыграло американо-иранское соглашение «о технической помощи Ирану для развития сельского хозяйства», подписанное в октябре 1950 года. Это соглашение, так же как и все предыдущие, предусматривало направление в Иран новой большой группы американских «советников», которым на этот раз предстояло осесть в глубинных районах страны.

Занимая важные посты практически во всех сферах государственной деятельности Ирана, американцы вели упорную борьбу против английского влияния в стране. Еще в годы правления Кавама эс-Салтанэ был арестован или снят со своих постов ряд высокопоставленных чиновников, придерживавшихся проанглийской ориентации. Среди них такие видные политические фигуры, как начальник генерального штаба генерал Арфа, губернатор Тегерана, лидер партии «Эдалат» Али Дашти, опытный политический деятель Сеид Зия эд-Дин. При загадочных обстоятельствах был убит проанглийский премьер-министр Али Размара. Об обострении англо-американских противоречий говорит и факт довольно частой смены премьер-министров, а стало быть, и правительственных кабинетов, занимавших либо проанглийские, либо проамериканские позиции.

15 марта 1951 г. меджлис принял закон о национализации нефтяной промышленности страны. А через пять дней этот закон был одобрен сенатом. Парадоксально, но факт: позитивное решение принято при содействии американской агентуры.

Этот акт имел прогрессивное, историческое значение для Ирана. В соответствии с законом в стране должен был прекратить деятельность один из сильнейших нефтяных концернов, который в течение полувека расхищал национальные богатства Ирана и нещадно эксплуатировал иранский народ. Вот почему широкие слои иранской общественности вышли на улицы Тегерана и на массовом митинге перед зданием меджлиса одобрили принятое решение. Они требовали быстрого проведения в жизнь принятого закона.

Именно такого результата ждали и американские монополии, вложившие немало средств, использованных для расшатывания английских устоев в Иране. Нефтяные компании США начали наперебой предлагать Тегерану свои услуги. «Тексас ойл компани» выразила готовность выплачивать Ирану 60% от суммы чистых прибылей, если ей будут переданы права на разработку нефти. «Сокони вакуум ойл компани» предложила 65%, а АРАМКО — даже 72%.

Притязания американских компаний вызвали резкие протесты со стороны иранской общественности, требовавшей преградить путь заокеанскому «благодетелю», протянувшему руки к национальным богатствам страны.

Правительство Хосейна Ала, в прошлом посла Ирана в США, содействовало осуществлению планов Вашингтона. Оно ввело в стране военное положение, запретило митинги и демонстрации. Однако эти меры не смогли остановить или сдержать размах антиимпериалистического движения. «Национальное общество борьбы против АИНК», переименованное в «Национальное общество борьбы против империалистических нефтяных компаний в Иране», развернуло массовое движение за реализацию закона о национализации нефти. Одним из активных участников и инициаторов движения выступила Народная партия Ирана, которая предложила всестороннюю помощь пришедшему к власти Национальному фронту во главе с Мохаммедом Мосаддыком.

Размах народного движения грозил ликвидацией в стране позиций обеих империалистических держав. В этих условиях Вашингтон изменил тактику. В апреле 1951 года он организовал тайную встречу с английскими нефтепромышленниками, на которой конкуренты договорились о плане раздела иранских нефтяных приисков, о совместных действиях, которые позволили бы монополиям сохранить свои позиции в Иране.

Только после этого Белый дом открыто выступил в защиту английских «прав» на иранскую нефть. В конце мая 1951 года президент Г. Трумэн обратился с письмом к премьер-министру Мохаммеду Мосаддыку, в котором выражал «большое беспокойство»

правительства США в связи с конфликтом между Ираном и Великобританией, «связанным с деятельностью АИНК». Американский президент призывал Мосаддыка «найти приемлемый путь, выгодный иранскому народу, стремящемуся к национализации своих ресурсов, и вместе с тем учитывать интересы Великобритании и важность иранской нефти для мировой экономики»¹⁸.

Г. Трумэн призывал М. Мосаддыка вступить в новые переговоры с Великобританией, в ходе которых «целесообразно не ограничиваться исключительно техническими мелочами», а разрешить все спорные вопросы между сторонами.

Жесткие дипломатические послания подкреплялись силовой дипломатией. Вашингтон и Лондон объединили усилия и организовали экономическую блокаду Ирана: они закрыли рынки сбыта иранской нефти, блокировали пути ее доставки в другие страны, остановили работу нефтеперегонного завода в Абадане.

Вашингтону удалось заставить Иран сесть за стол переговоров с делегацией АИНК, однако, как и следовало ожидать, состоявшаяся в начале июня 1951 года в Тегеране встреча конфликтовавших сторон закончилась провалом. Иран отверг и решение так называемого международного суда, вынесенное в пользу Запада. Из Вашингтона последовал еще один окрик. К Мосаддыку вновь обратился Трумэн с письмом, в котором настоятельно рекомендовал принять к исполнению решение международного суда, «не вызывающее сомнений». Американский президент также предложил Мосаддыку принять в качестве своего личного представителя А. Гарримана для «переговоров относительно трудностей», возникших между Ираном и Великобританией по нефтяному вопросу.

Тегеран встретил Гарримана стотысячной демонстрацией протеста. Иранская реакция, группировавшаяся вокруг шахского двора, откровенно встала на

¹⁸ Аснад-и-нафт, Сборник документов по нефти. Тегеран, 1951, с. 117.

сторону Запада, организовав в ходе демонстрации вооруженную провокацию, вызвавшую многочисленные человеческие жертвы.

В августе 1953 году ЦРУ, опираясь на свою агентуру из числа иранцев, совершило государственный переворот и свергло национальное правительство Мосаддыка. Причем официальный Вашингтон не скрывал своего самого непосредственного участия в этой насильственной акции. Американский посол Гендерсон посетил Мосаддыка после первой, неудавшейся попытки государственного переворота и рекомендовал ему немедленно уйти в отставку. Он открыто предупредил, что Америка всеми силами будет препятствовать его дальнейшему пребыванию на посту премьер-министра. Не менее угрожающе высказался и Дж. Ф. Даллес, заявивший на пресс-конференции, что Соединенные Штаты считают невозможным иметь дело с Мосаддыком¹⁹.

Генерал Фазлолла Захеда, поставленный Вашингтоном у власти, сразу же взял курс на сближение с Соединенными Штатами, на урегулирование отношений с Англией. В частности, он восстановил с Лондоном дипломатические отношения, прерванные в ходе борьбы с АИНК.

Дележ иранской нефти завершился в апреле 1954 года. Восемь монополий Запада образовали Международный консорциум для разработки иранских нефтяных месторождений. 40% акций консорциума захватили американские компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» («Экссон»), «Стандард ойл оф Калифорния», «Тексас ойл компани», «Сокони вакуум ойл компани» и «Галф ойл корпорейшн».

Свержение М. Мосаддыка и захват иранской нефти представляют собой наиболее характерное проявление силовой дипломатии Вашингтона, использовавшего в послевоенные годы самые грязные методы с целью неокolonизации народов и захвата сырьевых ресурсов развивающегося мира. События развивались по апробированному сценарию, включавшему в себя

¹⁹ См. подробнее Лаврентьев А. К. Империалистическая политика США и Англии в Иране. М., 1960, с. 38—67.

такие компоненты, как заигрывание с национальными деятелями и запугивание их, нажим на конкурента и сговор с ним о совместных действиях, раскол политических сил страны и подкуп части компрадорской буржуазии и бюрократической верхушки, запугивание «коммунистической опасностью» и жестокая расправа с лидерами национальных сил. В этих акциях принимали участие не только дипломаты и государственные деятели на самом высоком уровне, но и специальные службы США, широко использовавшие свою агентуру как американского, так и местного происхождения.

Еще в ходе второй мировой войны Соединенные Штаты пытались внушить миру «непрезвзойденность» мощи Америки и продемонстрировать решимость активного вмешательства в формирование модели послевоенного общества по своему образу и подобию.

Заполучив атомную бомбу, президент Трумэн решил непременно использовать ее, хотя, как утверждали сами американцы, военной необходимости в этом уже никакой не было. Комитет начальников штабов, например, считал, что Япония и без того была готова к безоговорочной капитуляции. Такого мнения придерживался и тогдашний командующий союзными вооруженными силами в Европе, впоследствии преемник Г. Трумэна на посту президента генерал Д. Эйзенхауэр. Японцы, утверждал он, были готовы к сдаче, и не было никакой необходимости бить по ним «этой ужасной штукой». Тем не менее Трумэн принял крайне опасное решение и приказал разрушить Хиросиму и Нагасаки.

Преднамеренная демонстрация военной мощи со всей очевидностью свидетельствовала о том, что президент Г. Трумэн еще в годы войны пытался припугнуть демократические и национально-освободительные силы, всех тех, кто мог проявить непослушание Вашингтону. После окончания войны он развил бурную деятельность с тем, чтобы поставить под контроль Вашингтона освободившиеся страны, прежде всего страны азиатского континента.

В период между 1945 и 1949 годами Соединенные Штаты заключили двусторонние «оборонительные» соглашения с 42 государствами мира.

В 1947 году были обнародованы «доктрина Трумэна» и «план Маршалла», призванные, по утвержде-

нию американских лидеров, предотвратить «сползание к коммунизму», а на самом деле сдержать развитие демократического движения в Европе и локализовать освободительное движение в Азии.

Тогда же был учрежден Совет национальной безопасности (СНБ) США и создано Центральное разведывательное управление. Впоследствии Трумэн нередко выражал вслух свое восхищение действиями ЦРУ, любовно называя его сотрудников «парнями плаща и кинжала».

Лозунг «к миру через силу» широко рекламировался воинственными реакционными кругами и получал поддержку со стороны официального Вашингтона. Американские «ястребы» призывали к наращиванию вооружений, к созданию «истинной системы коллективной безопасности» под эгидой американских «сил возмездия».

В январе 1950 года Совет национальной безопасности одобрил «совершенно секретную» директиву № 68, которая явилась одним из основных документов, направивших внешнеполитический курс страны в русло «холодной войны». Как стало потом известно, директива официально зафиксировала намерение США единолично решать судьбы мира и предписывала всем службам бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела других государств, выступая в роли защитника «свободного мира»¹.

Особое внимание Вашингтон уделял Азии, где наиболее успешно развивалось движение за национальное освобождение, за укрепление суверенитета. Как говорилось выше, еще в августе 1945 года независимость провозгласили народы Вьетнама и Индонезии. Более четырех лет вел вооруженную борьбу за сохранение провозглашенной независимости индонезийский народ. Почти 30 лет сражался за свою свободу героический Вьетнам. В 1947 году политическую независимость обрели Индия и Пакистан. Годом позже в ряды суверенных государств вступили Бирма и Шри Ланка.

¹ См. Иванян Э. А. Белый дом. Президенты и политика. М., 1975, с. 269.

Народы Азии возлагали большие надежды на будущее. Завоеванную независимость они рассматривали не только как символ свободы, избавляющий их от иностранного господства, но и как фактор, создающий потенциальные возможности для самостоятельного экономического и социального развития. Вашингтон опасался такого развития событий и пытался втиснуть движение народов в прокрустово ложе неоколониалистских концепций. Как отмечал президент Трумэн в конгрессе, в настоящее время более важно, чем когда-либо прежде, чтобы в Азии возобладала идея «свободы и представительной демократии». Очень скоро стало ясно, что эти идеи предполагалось внедрять в Азии с помощью силы, разобщения народов, навязывания молодым государствам неравноправных соглашений.

Государственный секретарь США Дин Ачесон заявил в январе 1950 года, что границы обороны США проходят через Алеутские острова, Японию, острова Рюкю и Филиппины. Соединенные Штаты предложили свои услуги в защите азиатских народов от «внешней угрозы» и «внутренней контрреволюции».

Экспансионистские устремления США в послевоенный период распространялись не только на страны, освободившиеся от колониальной зависимости. Они включали в себя и такую крупную державу капиталистического мира, как Япония. Проблему мирного урегулирования с Японией американские правящие круги рассматривали с позиций «холодной войны», ставя своей целью превращение Японии в активного участника сколачиваемого США агрессивного военно-политического союза в Азии, нацеленного против стран социализма и национально-освободительного движения, в проводника американской политики в этом регионе. Осуществлению этих целей служила так называемая «Сан-Францисская система», включавшая Сан-Францисский мирный договор (1951 г.), японо-американский «договор безопасности» (1951 г.) и Административное соглашение (1952 г.). Каждый из этих документов служил укреплению позиций США в Японии и усилению зависимости последней. Эта зависимость еще более укрепилась после подписания в 1954 году соглашения о предоставлении Япо-

нии американской военной помощи. Под видом контроля за использованием предоставляемой помощи США получили возможность осуществлять контроль над вооруженными силами Японии через своих советников, прибывших сюда в соответствии с соглашением. Более того, соглашение дало возможность Соединенным Штатам вмешиваться и во внутреннюю политику Японии, например, в составление государственного бюджета. В свою очередь Япония получила возможность ассигновать больше средств для развития промышленности. Альянс американского империализма и японского монополистического капитала привел к возрождению милитаризма в Японии, к усилению ее зависимости от США.

Сколачивание военных блоков

Большинство стран Азии справедливо расценило «покровительство» США как попытку сдержать размах освободительного движения на континенте, ограничить суверенные права национальных государств. Именно поэтому большинство лидеров стран Азии отказывалось от участия в так называемой системе коллективной безопасности, которую Вашингтон пытался внедрить на континенте в форме региональных военно-политических организаций.

Первая попытка создания таких организаций была предпринята в мае 1950 года, когда в филиппинском курортном городке Багио состоялась конференция некоторых стран Азии с целью оформления военно-политического блока. Однако замысел Запада тогда провалился из-за активного противодействия Индии, Индонезии, Бирмы и Шри Ланки (Цейлон).

Соединенным Штатам удалось заключить двусторонние соглашения лишь с Таиландом и Филиппинами — бывшей колонией, все еще находившейся в экономической, политической и военной зависимости от США. В 1951 году вступил в силу договор «о взаимной обороне» между Австралией, Новой Зеландией и Соединенными Штатами (АНЗЮС), который был призван оказывать давление на страны азиатского континента, борющиеся за национальную независимость.

После окончания войны в Корее Соединенные Штаты начали новый раунд своих усилий по опустыванию стран Азии военно-политическими односторонними и многосторонними соглашениями. Государственным секретарем при президенте Эйзенхауэре стал известный экстремист Дж. Ф. Даллес, зарекомендовавший себя «рыцарем холодной войны». Он находился на этом посту шесть лет и сыграл зловещую роль на международной арене периода 50-х годов. Это он сформулировал доктрину «массированного возмездия» и проводил политику «балансирования на грани войны». Именно Даллес был инициатором агрессивного курса США в отношении Индокитая.

Женевские соглашения по Индокитаю 1954 года, казалось бы, должны были содействовать уменьшению напряженности в Юго-Восточной Азии. Ведь в них регламентировались пути достижения мира и политического урегулирования проблем стран Индокитая. Они основывались на предоставлении Вьетнаму права на независимость, единство и территориальную целостность. Предусматривалось, что внутренние проблемы должны решаться на условиях свободных выборов под контролем международной комиссии. Благоприятное решение было принято и относительно других бывших французских колоний в Индокитае. Намечалось, что уже в 1955 году в Камбодже и Лаосе будут проведены свободные выборы.

Хотя Вашингтон отказался присоединиться к Женевским соглашениям, правительство США тем не менее заявило, что оно примет к сведению эти документы и будет воздерживаться от такой угрозы силой или ее применения, которая могла бы привести к их нарушению².

Однако уже 20 августа 1954 г. Д. Эйзенхауэр одобрил доклад Совета национальной безопасности, содержащий программу мер, направленных на срыв женевского урегулирования³. Потеря Индокитая, писал потом Д. Эйзенхауэр в мемуарах, «означала бы установление коммунистического господства над

² См. The Department of State Bulletin, 1954, Aug. 2, p. 163.

³ См. The Pentagon Papers. N. Y., 1971, p. 15.

многомиллионным населением трех стран. С материальной же точки зрения это представляло бы собой потери ценных запасов олова и огромных ресурсов каучука и риса»⁴.

Программа Совета национальной безопасности очень скоро дала о себе знать. В сентябре 1954 года в Маниле состоялась конференция ведущих империалистических держав и некоторых стран Азии. Участники встречи пришли к соглашению о создании Организации договора Юго-Восточной Азии — СЕАТО, которая рекламировалась как союз для обеспечения «коллективной обороны» региона.

В СЕАТО вошли Англия и Франция, еще лелеявшие надежду на возврат утерянных позиций в Азии, а также Соединенные Штаты, делавшие ставку на неокolonизацию континента, но в новых формах и под своей эгидой. Там оказались Австралия и Новая Зеландия, придерживавшиеся проимпериалистических позиций и уже проявившие себя в роли орудия Запада в качестве членов АНЗЮС. Из числа азиатских стран в сети СЕАТО попались лишь Таиланд и Филиппины, уже подписавшие до этого двусторонние договоры о военном сотрудничестве с США, а также Пакистан, связавший себя союзом с членом НАТО — Турцией и соглашениями с Соединенными Штатами.

Но империалистам не удалось втянуть в свой союз наиболее влиятельные страны Азии, такие как Индия и Индонезия, которые твердо стояли на независимых позициях.

За рамками СЕАТО оказались также Южный Вьетнам, Камбоджа и Лаос, так как в соответствии с Женевскими соглашениями по Индокитаю этим странам запрещалось участвовать в военных союзах или группировках. Однако Запад произвольно распространил на них действие некоторых наиболее важных статей договора. Именно об этих странах в первую очередь говорилось в ст. 4 Манильского соглашения, где предусматривалось возможное вмешательство СЕАТО во внутренние дела стран Юго-Восточной Азии, даже не входящих в эту организацию. Члены

⁴ Eisenhower D. Mandate for Change. N. Y., 1963, p. 332.

СЕАТО, говорилось в § 1 этой статьи, будут отражать вооруженное нападение «на любое государство или территорию» района, охватываемого договором. В том случае, говорилось в § 2 ст. 4, если, «по мнению какой-либо из сторон», целостность территории, суверенитет или политическая независимость района, охватываемого договором, окажутся под угрозой «каким-либо иным путем, кроме вооруженного нападения», или если этому району будет угрожать какая-либо ситуация, которая может нарушить мир в данном районе, то стороны обязаны «немедленно проконсультироваться» между собой и договориться о мерах, необходимых для «совместного обеспечения обороны».

Вероятно, нет надобности пояснять, что под «какими-либо иными путями» подразумевались так называемые внутренние беспорядки. Речь идет, разумеется, о демократическом движении в освободившихся странах, о борьбе за социальные реформы или против прозападных марионеточных режимов.

Впрочем, этого не скрывали и на Западе. Еще накануне подписания соглашения о создании СЕАТО тогдашний вице-президент США Ричард Никсон утверждал, что вооруженная агрессия против стран Азии не является больше серьезной опасностью. Величайшей опасностью для Запада он назвал тогда возможные «внутренние перевороты и революции». В этой связи он видел главную задачу Вашингтона в отношении азиатских государств, завоевавших независимость, в том, чтобы предохранить их от попадания в руки «местных» коммунистов. Манильский договор, констатировал французский журнал «Монд дипломатик», содержит прежде всего антикоммунистическую сущность. В то же время блок гарантирует стремление Запада «остановить революционное движение», то есть сдержать процесс прогрессивного развития событий в Азии. Однако СЕАТО не оправдала надежд ее организаторов, и Запад усматривал причину ее неэффективности в том, что крупнейшие страны континента оставались за рамками организации. Поэтому Вашингтон продолжал оказывать нажим с целью затащить их в СЕАТО.

Сильнейшее давление испытывала на себе Индия.

В начале 50-х годов в адрес Дели неоднократно направлялись настойчивые рекомендации Вашингтона присоединиться к сколачиваемому блоку или заключить двустороннее соглашение. В этих целях в мае 1953 года Индию посетил Дж. Ф. Даллес, в ноябре — вице-президент Р. Никсон. В феврале 1954 года президент Д. Эйзенхауэр обратился к Дж. Неру с письмом, в котором предложил военную помощь.

Нажим Вашингтона проявлялся и в косвенной форме. Индия подверглась третированию, например, в связи с борьбой за освобождение ее территорий Гоа, Дамана и Диу, находившихся в колониальной зависимости от салазаровской Португалии. Вашингтон официально поддержал колониальную державу. Эта поддержка нашла отражение в совместном коммюнике, подписанном в декабре 1955 года государственным секретарем США и министром иностранных дел Португалии. А через несколько дней Даллес подтвердил позицию Вашингтона, заявив на пресс-конференции, что названные индийские территории являются «законными» португальскими провинциями и, как он подчеркнул, «не может быть никакого другого суждения на этот счет».

Этим шагом американская администрация не только публично продемонстрировала свое негативное отношение к политическому курсу правительства Неру, проявлявшего стойкость в отражении прискоров империализма, но и, видимо, рассчитывала использовать территории, находившиеся под контролем члена НАТО, в своих неокOLONIALИСТСКИХ целях, в частности для строительства там военных баз, с которых можно было бы угрожать прежде всего самой Индии.

В противостоянии проиСкам американского империализма независимая Индия опиралась на поддержку Советского Союза, который осудил провокации колонизаторов и выступил на стороне индийского правительства. После того как Индия в 1961 году силой выдворила оккупантов, СССР воспрепятствовал в Совете Безопасности попыткам вмешательства в конфликт покровителей Португалии.

После того как все эти притязания были отвергнуты, Вашингтон попытался использовать в своих це-

лях проблему Кашмира, а затем — конфликт на китайско-индийской границе, имевший место в 1959 году. Совет национальной безопасности США считал, что ухудшение китайско-индийских отношений создает удобный случай для пересмотра Индией своей политики. К этому моменту был приурочен визит в Индию президента США Д. Эйзенхауэра. Но и на этот раз индийское правительство проявило принципиальность и в тяжелый для страны период отвергло рекомендации Вашингтона влиться в русло его курса в Азии.

Примерно такой же тактики придерживался Вашингтон и в отношении Индонезии, в частности в ее споре с Голландией из-за Западного Ириана. Пока у Запада оставалась надежда на вовлечение Индонезии в СЕАТО, Соединенные Штаты формально оставались в стороне от обсуждения этого вопроса в ООН. Вашингтон откровенно встал на сторону Голландии и почти открыто начал поддерживать мятежников только после того, как правительство Сукарно сказало решительное «нет!» неокOLONIALИСТСКИМ притязаниям Запада, в частности намерениям Вашингтона затащить Индонезию в СЕАТО и использовать территорию Западного Ириана под военные базы Пентагона.

Характерен в этом отношении один из эпизодов в американско-индонезийских отношениях, имевших место в самом конце правления Г. Трумэна. Соединенным Штатам тогда удалось навязать индонезийскому правительству соглашение о предоставлении «помощи» на основании закона «о взаимном обеспечении безопасности», что со стороны Индонезии было равносильно отказу от активной независимой внешней политики и присоединению к англо-американскому блоку. По сообщениям голландской печати, государственный секретарь США Д. Ачесон заявил тогда, что индонезийское правительство обязалось «не протестовать» против мероприятий со стороны США и сотрудничавших с ними стран в отношении Западного Ириана, осуществление которых необходимо в интересах Америки. Как полагал Д. Ачесон, в силу подписанного соглашения Западный Ириан теперь можно было считать в системе военных баз на линии

Япония — Тайвань — Филиппины — Австралия. Но Ачесон поспешил с выводами. Американско-индонезийское соглашение не вступило в силу, а подписавшее его индонезийское правительство было вынуждено уйти в отставку⁵.

Краху планов колонизаторов в отношении Западного Ириана содействовала принципиальная позиция Советского Союза в ООН, выступившего в поддержку интересов индонезийского народа.

Не дали результата и расширявшиеся провокации против Бирмы. Давление на бирманское правительство Вашингтон сначала оказывал с помощью гоминдановских войск, бежавших после образования Китайской Народной Республики в восточные районы Бирмы. 12-тысячная армия Чан Кайши, имевшая американских инструкторов и снабжавшаяся специальными самолетами, принадлежавшими ЦРУ, держала под своим контролем восточную и северо-восточную части Бирмы, терроризировала местное население и оказывала давление на Рангун.

Соединенные Штаты пытались использовать в своих целях нависшую над Бирмой угрозу и навязать стране соглашения об экономической и военной «помощи». Бирманское правительство отвергло предложения Вашингтона, справедливо считая лицемерием одновременное предложение своих услуг двум конфликтующим сторонам.

В эти трудные для молодого государства времена важное значение имела поддержка со стороны Советского Союза, который с трибуны ООН решительно осудил действия гоминдановских банд, вторгшихся в страну при покровительстве американского империализма.

Еще одна попытка по втягиванию Бирмы в СЕАТО была предпринята в конце 50-х годов. На этот раз использовалось сепаратистское движение шанских и каренских феодальных кругов. С помощью ЦРУ Вашингтон подстрекал сепаратистов на отторжение ряда провинций от Бирманского Союза и образование «автономных государств». Совет СЕАТО, заседавший

⁵ См. Кессельбреннер Г. Западный Ириан. М., 1960, с. 129.

в Бангкоке в ноябре 1957 года, принял специальное решение о расширении поддержки сепаратистов Бирмы, о снабжении их войсковых подразделений оружием и боеприпасами.

Такие же грязные методы использовал Вашингтон и в Западной Азии, когда предпринимал попытки создать другую региональную военно-политическую организацию типа СЕАТО сначала под названием Средневосточное командование. Первоначально в эту организацию предполагалось втянуть Турцию, Египет, Сирию, Ливан, Ирак, Саудовскую Аравию, Йемен, Иорданию, а также Израиль. И здесь инициатива Запада сопровождалась пропагандистской шумихой о «коммунистической угрозе», о необходимости в этой связи создания системы коллективной безопасности в форме союзов о военном сотрудничестве. Только с помощью «подлинной коллективной безопасности», говорил помощник государственного секретаря США Дж. Макги в 1951 году, малые государства, в том числе и ближневосточные, «могут надеяться выжить» в случае «агрессии с Севера». После того как арабские страны отвергли притязания Запада на их суверенитет, Дж. Макги прибег к еще одному неблагоприятному приему. Он попытался запугать арабов тем, что их нейтралитет неизбежно явится причиной, которая «вызовет агрессию Советов», поскольку «присущая нейтралитету слабость станет для них соблазном».

И тем не менее арабы стойко выдержали нажим Запада и отвергли предлагавшиеся им военные союзы. Тогда Вашингтон попытался использовать в своих целях образовавшиеся в регионе разногласия, такие как осложнение отношений между Индией и Пакистаном, неустойчивая внутривосточная обстановка в Иране, прозападные настроения в Турции. Ему удалось заключить с Пакистаном соглашение о военной «помощи», связать в апреле 1954 года Турцию и Пакистан военным пактом. Дипломатические представительства США в странах Ближнего и Среднего Востока активизировали пропаганду за их вступление в турецко-пакистанский союз. Вашингтоном выдвигались также идеи образования «средиземноморского блока», «мусульманского пакта» и других

военно-политических организаций с прозападной ориентацией.

Особое внимание уделялось Ирану. Сразу же после свержения Мосаддыка и прихода к власти проамериканского правительства генерала Ф. Захеда в Иран зачастили с визитами американские высокопоставленные военные и гражданские лица.

В марте 1954 года в Тегеране побывал командующий военно-морскими силами НАТО в Южной Европе американский вице-адмирал Райт. Вслед за Райтом Иран посетил генерал Грувер и контр-адмирал Бигер, командовавший тогда военно-морскими силами США на Среднем Востоке. А в начале мая в Тегеране оказался специальный посланец Пентагона генерал Трудо. Иранская пресса отмечала, что при встрече с шахом и министрами Трудо заявил о «большой заинтересованности» Соединенных Штатов в присоединении Ирана к оси Анкара—Карачи.

Нажим на Иран не ограничивался формой «дружественных» рекомендаций. Давление приобретало характер все более неприкрытого вмешательства во внутренние дела страны. Вашингтон широко использовал, например, тяжелое экономическое положение Ирана, в котором он оказался в результате экономической блокады, организованной американскими и английскими монополиями после национализации иранской нефти. Приманка под названием «помощь» вновь была взята на вооружение заокеанскими политическими «рыбаками». Вашингтон на этот раз откровенно потребовал не только уступок в нефтяном вопросе, но и присоединения к турецко-пакистанскому военному союзу.

В Иране прекрасно понимали, что вступление в сделку с Анкарой и Карачи противоречит национальным интересам страны. Уж слишком было заметно, что одной из главных целей этого военного союза является реализация планов Пентагона, стремившегося любыми средствами разместить свои войска в регионе и заполучить новые военные базы. К чему это могло привести? Прежде всего, предостерегала тегеранская газета «Доньяйе эмруз», к потере национальной независимости страны. Как поясняла газета, вступление в любой военный союз превратит Иран в

орудие неоколониалистской политики американского империализма, а стало быть, приведет к изоляции страны от большинства своих соседей, отвергших притязания Запада. Причастность Ирана к американским планам усиления военного присутствия США в Западной Азии, по мнению газеты, могла серьезно осложнить и международную обстановку.

И все же Вашингтону удалось, используя проамериканские силы политической верхушки страны, затащить ее в военный союз. В августе 1955 года премьер-министр Ирана Хоссейн Ала, занимавший прежде пост посла в США, заявил корреспонденту тегеранской газеты «Эттелаат», что иранское правительство примет любые меры, которые оно сочтет необходимыми для защиты своих интересов. В конечном счете, подчеркнул он, присоединение Ирана к «региональным пактам, носящим исключительно оборонительный характер», не встречает никакого препятствия⁶.

Иранская реакционная печать, подхватившая эту идею, начала восхвалять «благие намерения» шахского правительства. Некоторые государственные деятели заговорили о стремлении властей при помощи пакта сблизиться с теми соседями, судьбы которых «тесно связаны» с судьбой Ирана. На одной из пресс-конференций заместитель премьер-министра Хамзави утверждал, что Иран от участия в пакте получит большие выгоды. Многие наши затруднения, заявил он, могут быть разрешены благодаря усилению «оборонительной мощи страны».

Правящие круги Ирана зашли слишком далеко и не хотели принять во внимание ни разумные доводы соотечественников, ни добрые советы своих соседей. 12 октября 1955 г. Хоссейн Ала направил своему иракскому коллеге Нури Саиду послание, в котором информировал его о присоединении «шахиншахского правительства» к Багдадскому пакту, переименованному в СЕНТО в 1959 году, после того как из него вышел Ирак.

Таким образом и в этом случае, так же как и в вопросе о нефти, Вашингтону удалось одержать

⁶ См. Эттелаат, 1955, 28 авг.

верх, поскольку продажная правящая верхушка во главе со свергнутым и ныне покойным шахом М. Р. Пехлеви вновь предала подлинные интересы иранского народа.

Помимо АНЗЮС, СЕАТО и СЕНТО, Западу удалось сколотить в Азии и другие военные союзы. В 1966 году, например, было объявлено об образовании так называемого Азиатско-Тихоокеанского Совета (АЗПАК) в составе Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда, Южной Кореи, Южного Вьетнама, Тайваня и Японии. В основном с этими же странами Соединенные Штаты заключали и перезаключали двусторонние соглашения в области «совместной обороны».

В соответствии с этими соглашениями и обязательствами в рамках СЕАТО, СЕНТО и АНЗЮС Пентагон построил на территориях азиатских стран многочисленные военные базы. Только в акватории Индийского океана, начиная от Саймонстауна (на юге Африки), Бахрейна (в Персидском заливе) и Джибути (в северо-западной части бассейна) и кончая Кокберн-Саунд (на западном побережье Австралии), сохраняются 22 крупные военно-морские и военно-воздушные базы. Более 200 бронированных гнезд Пентагона насчитывается на территории Японии, Южной Кореи, Тайваня. На Филиппинах американское военное ведомство содержит крупнейшие за пределами США военно-морскую базу Субик-Бей и военно-воздушную базу Кларк-Филд. До июля 1976 года в Таиланде функционировало семь крупных и десятки мелких военных баз Пентагона, на которых несли службу 50 тыс. американских солдат и офицеров и находили пристанище 750 боевых самолетов.

До подписания Парижского соглашения по Вьетнаму в январе 1973 года Соединенные Штаты только на участке от Японии до Таиланда содержали 815 тыс. солдат и 1500 боевых самолетов. Кроме того, там действует 7-й американский флот. Пентагон продолжает укреплять свои позиции и в Западной Азии. Он модернизирует крупные военные базы на островах Диего-Гарсия в центре Индийского океана, а также Масира близ Омана, содержит 25 военно-воздушных пунктов в Турции, планирует широко использо-

вать в своих целях территории Израиля, Египта, Пакистана, Кении, Сомали, Саудовской Аравии.

Военно-политические пакты, навязанные Вашингтоном некоторым странам Азии, выставлялись в качестве юридического прикрытия для вмешательства во внутренние дела стран континента, для использования их военно-экономического и людского потенциала в целях неокolonизации народов. В соответствии с условиями, включенными в соглашения о пактах, на территории стран — участниц блоков создавались военные базы, которые будто бы должны сдерживать мифическую «коммунистическую угрозу». В действительности же именно американские базы являются постоянным источником военной угрозы для независимых азиатских государств и используются как для демонстрации силы, так и для крупных агрессивных актов в поддержку американского экспансионизма, как это имело место в годы американской агрессии против стран Индокитая.

Тайная война против Индонезии

Индонезия и Вьетнам оказались в авангарде освободительной борьбы, развернувшейся в Азии, а затем и в Африке в послевоенные годы. Старые колониальные державы Голландия и Франция предприняли после войны операции с целью «вторичного завоевания» территорий, входивших когда-то в их империи. В одном строю с ними оказалась и Великобритания, опасавшаяся «дурного примера», который мог бы быть воспринят народами ее колониальных владений. Может быть, именно поэтому первыми в Индонезию в послевоенные годы прибыли именно английские войска. Они заняли важные стратегические пункты — Джакарту, Бандунг, Семаранг, Сурабаю. Лондон заявил, что он признает на территории Индонезии только власть Нидерландов, и пригласил голландский экспедиционный корпус для разоружения индонезийских повстанцев. Английское военное командование к тому времени уже использовало для этой цели японские армейские части, для разоружения которых они формально прибыли.

Больше четырех лет индонезийский народ с оружием в руках отстаивал завоеванную свободу и все же снова оказался в зависимости от Голландии. В соответствии с соглашениями «круглого стола», подписанными в Гааге в ноябре 1949 года, на территории Индонезии были образованы так называемые Соединенные Штаты Индонезии в составе 16 «самостоятельных государств». Новое государственное образование включалось в Голландско-Индонезийский Союз и обязывалось «вечно» сотрудничать с Голландией в области внешней политики, обороны и финансово-экономических отношений. Специальное военное соглашение предусматривало направление в Индонезию голландской военной миссии в составе 2 тыс. человек с целью «обучения» индонезийской армии. Соглашение обязывало каждую из сторон союза предоставлять «в случае надобности» в распоряжение другой стороны свои вооруженные силы.

Политические, военные и финансовые оковы, наложенные Индонезии Гаагскими соглашениями, вызвали массовое движение протеста со стороны индонезийской и международной общественности. Какую позицию занимали тогда Соединенные Штаты?

Официальный Вашингтон выжидал. Видимо, с его точки зрения дела в Индонезии развивались в русле американской стратегии. Во-первых, старым колониальным державам удалось сдержать размах освободительного и демократического движения, грозившего серьезными последствиями. А во-вторых, состоявшаяся схватка и кабальные соглашения несомненно восстановили Индонезию, формально получившую независимость, против Голландии и тем самым увеличили шансы американских монополий на усиление своих позиций в этой богатой минеральными ресурсами стране. Ведь до войны из общей суммы иностранных капиталовложений в 2 млрд. долл. на долю американских монополий приходилось всего лишь 10%, тогда как голландский капитал в Индонезии занимал доминирующее положение.

Надо полагать, что именно поэтому Вашингтон относился терпимо, может быть, даже и с чувством некоторого удовлетворения к решениям первого президента страны Сукарно, направленным на ослабле-

ние «мертвой хватки» Голландии. Ведь в других обстоятельствах такие акции, как провозглашение в августе 1950 года унитарной Республики Индонезии, расторжение в августе 1954 года Голландско-Индонезийского Союза и, наконец, односторонний отказ Индонезии от выполнения всех соглашений конференции «круглого стола», считались бы Вашингтоном «крамольными». Здесь же, видимо, следует искать и разгадку американской «нейтралистской» позиции в вопросе о Западном Ириане. Как известно, представитель США в ООН воздерживался от голосования на IX и X сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, когда решался вопрос о воссоединении Западного Ириана с Индонезией.

Позиция Соединенных Штатов по отношению к Индонезии стала носить откровенно враждебный характер после того, как Вашингтон убедился в крахе своих надежд изменить независимый курс этой крупнейшей страны Юго-Восточной Азии.

Осенью 1955 года состоялись первые в истории независимой Индонезии выборы в парламент и учредительное собрание. Они еще раз продемонстрировали единство народа, стремившегося к укреплению суверенитета. В числе политических партий, собравших наибольшее число голосов, оказалась Коммунистическая партия Индонезии, зарекомендовавшая себя ведущей силой в антиколониальной, антиимпериалистической и демократической борьбе.

Категорический отказ Индонезии присоединиться к СЕАТО, стойкая решимость придерживаться принципов Бандунгской конференции и результаты первых в истории всеобщих выборов, проведенных в условиях демократии, не оставляли надежд у Вашингтона на «мирное» проникновение в Индонезию, как это имело место в Иране во времена Мосаддыка. В этих условиях Вашингтон отесняет Голландию с переднего края борьбы против индонезийских национальных сил и занимает ведущую роль в усилиях западных держав по неокolonизации Индонезии. В ход пускаются самые разнообразные формы и методы борьбы, начиная с шантажа и подкупа государственных деятелей и кончая организацией откровенных антиправительственных мятежей.

В 1956 году Соединенные Штаты сократили «помощь» Индонезии с намеченной суммы в 35 млн. долл. до 15 млн. Западная печать со ссылкой на «хорошо осведомленные источники» утверждала, что причиной сокращения «помощи» явились «крамольные» речи президента Сукарно в адрес империализма, олицетворяемого Соединенными Штатами Америки.

Тогда же была предпринята попытка совершить государственный переворот. В сентябре 1956 года Индонезию посетил тогдашний глава американской разведки Аллен Даллес. Он встречался с реакционными политическими и военными деятелями. Во время таких встреч, отмечала индонезийская пресса, разрабатывались конкретные планы свержения режима Сукарно.

В конце 1956 года вспыхнул мятеж на Северной Суматре. Тогдашний командующий северосуматранским военным округом полковник М. Симболон заявил, что он порывает с центральным правительством и берет власть в свои руки. Полковник Симболон заявил также о намерении вернуть иностранным компаниям национализированные нефтяные промыслы и передать Соединенным Штатам один из островов, лежащих севернее Суматры, для использования под военные базы СЕАТО⁷.

В начале 1957 года военные мятежи против центрального правительства вспыхнули на Центральной и Южной Суматре, а также на Сулавеси (Целебес). По сообщению американской прессы, представители США и Голландии в ООН провели консультации после окончания XI сессии Генеральной Ассамблеи, на которых договорились о совместной поддержке сепаратистов в Индонезии и о разделе сфер контроля. На Голландию возлагалась «опека» над мятежниками Южно-Молуккских островов. Америка брала на себя соответствующие обязательства относительно западных районов Индонезии.

Государственный департамент США, сообщил вскоре корреспондент индийского журнала «Блиц»

⁷ Подробнее см. Лаврентьев А. К. Тайная война против Индонезии. М., 1960, с. 43.

из Сингапура со ссылкой на достоверные источники, решил «не щадить усилий», направленных на подрыв индонезийского правительства Сукарно. Америка, подчеркивал он, намерена поддержать сепаратистское движение в Индонезии, с тем чтобы превратить многоостровную страну в неустойчивую федерацию «банановых республик»⁸.

Вскоре стало известно о секретном совещании в Сингапуре представителей американских компаний в странах Юго-Восточной Азии, на котором было решено создать «общий фонд» для субсидирования деятельности мятежников в Индонезии. А через некоторое время в Сингапуре был создан англо-американский центр по осуществлению связей с Суматрой. Центр выполнял роль своеобразного штаба, руководившего перевалочным пунктом по поставкам в Индонезию специально подготовленной агентуры, оружия и боеприпасов.

В подрывной деятельности против Индонезии был уличен и тогдашний посол США в Джакарте Дж. Алиссон. В перехваченных телеграммах в адрес госдепартамента он рекомендовал поставлять индонезийским сепаратистам оружие без обозначения торговой марки. Оно должно быть упаковано, советовал Алиссон, в ящики, в которых обычно перевозят сельскохозяйственные машины, консервы, текстиль и т. п.⁹

Специальное задание получила и американская пресса. Тогдашний помощник государственного секретаря США по делам Дальнего Востока У. Робертсон рекомендовал редакторам ведущих газет поддерживать сторонников «федеральной Индонезии». Раздробленность страны, пояснил Робертсон, ослабит центральное правительство и облегчит Соединенным Штатам осуществление «своих планов» в Индонезии.

После того как на XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН западные страны в очередной раз блокировали проект резолюции, предусматривавший воссоединение Западного Ириана с родиной, в Индо-

⁸ Там же, с. 44.

⁹ Там же, с. 45.

незии с новой силой развернулась борьба за территориальную целостность и подлинную независимость страны. В течение короткого времени индонезийское правительство поставило под свой контроль более 500 голландских предприятий и столько же каучуковых, масличных, табачных и кофейных плантаций, принадлежавших голландским компаниям. На долю последних приходилось около $\frac{3}{4}$ всей обрабатываемой площади страны.

Эти вполне закономерные и оправданные действия индонезийского правительства вызвали бурную волну ярости неокolonизаторов, которая вылилась в новые враждебные акции против законных властей. В декабре 1957 года в Индонезии появился некий Гордон Мейн. По сообщению индийской газеты «Дели таймс», он привез еще один разработанный в Вашингтоне план свержения индонезийского правительства. Этот «мастер-план» обсуждался в Джакарте с лидерами оппозиции и был ими одобрен. Вашингтон обещал военную и экономическую помощь любому другому правительству Индонезии, которое гарантировало бы защиту иностранного капитала в стране, согласилось бы на создание военных баз СЕАТО на Суматре и отложило бы решение вопроса о Западном Ириане по крайней мере на 25—30 лет.

Вскоре заговорщики начали стекаться на Суматру. Они выступили с новыми нападками на центральное правительство, возглавлявшееся К. Джуандой, и потребовали его отставки. Государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес открыто поддержал мятежников. Он обрушился с нападками на президента Сукарно и обещал помощь его противникам.

Заявление Даллеса прозвучало как сигнал к действию. 15 февраля 1958 г. в столице провинции Центральная Суматра Паданге было провозглашено «революционное правительство» Республики Индонезии во главе с подполковником Ахмадом Хусейном. Через месяц заговорщики подняли мятеж в Медане — столице провинции Северная Суматра. Заместитель начальника штаба военного округа майор Найнголан, получивший военную подготовку в США, объявил себя командующим округом и заявил о неповиновении центральному правительству.

Вашингтон снова делает поощрительные жесты в адрес мятежников. На очередной сессии совета СЕАТО, состоявшейся в Маниле, Даллес заявил, что государственный департамент изучает вопрос о признании «революционного правительства» в Падаанге.

Американская буржуазная печать подняла новую шумную кампанию против «правительства Джакарты» и рекламировала «благие» намерения мятежников. Пропагандистская машина подогревала аппетиты монополистов. Средства информации взвешивали выгоды, которые можно получить от природных богатств и стратегического положения Индонезии. Цепочка островов, раскинувшаяся между Азией и Австралией и лежащая на пути из Индийского в Тихий океан, писал тогда военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Х. Болдуин, имеет «колоссальное значение для Запада». Он призывал Соединенные Штаты и другие западные государства предпринять «решительные меры» для расширения влияния Запада в Индонезии.

Подобные голоса раздавались и в стенах Капитолия. Сенатор Ботлер, например, открыто высказался за «максимально возможную» поддержку мятежников, которых он назвал «революционерами».

К открытому выступлению против Индонезии призывали политические деятели и послушная им пресса Англии и Голландии. Оживились и азиатские марионетки США. Южнокорейский диктатор Ли Сын Ман заявил, что он готов послать свои войска в Индонезию в максимальном количестве и предпримет этот шаг, «как только получит соответствующую команду».

На базы мятежников потекло оружие, боеприпасы. Индийская газета «Дели таймс» сообщила, что в течение февраля и марта 1958 года из Бангкока на Центральную Суматру было доставлено 200 тыс. винтовок и пулеметов, 140 т боеприпасов и другого вооружения. В стане мятежников появились «белые военные инструкторы», а затем и воинские подразделения некоторых стран СЕАТО. На сосредоточения правительственных войск посыпались бомбы с самолетов, не имевших опознавательных знаков.

В конце 1958 года Индонезию посетил начальник

штаба американской армии генерал Тэйлор. По сообщению индийского журнала «Блиц», он приехал туда с целью выяснения боеспособности войск мятежников и возможности активизировать их деятельность, с тем чтобы создать трудности правительству Сукарно и в конечном счете «подготовить почву для переворота, с тем чтобы поставить у власти в Джакарте людей, верных Западу».

Вышеприведенных фактов вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что Соединенные Штаты на протяжении двух десятков лет вели активную подрывную деятельность в Индонезии. Убедившись в несостоятельности старых колонизаторов сдержать размах освободительного движения, Вашингтон перехватил инициативу в свои руки и развернул по сути дела тайную войну против молодой республики. Соединенные Штаты не отказались от своих неокониалистских притязаний и после того, как мятежники были разгромлены. Характерно в этом отношении письмо вице-адмирала ВМС Соединенных Штатов Л. Фроста на имя одного из мятежных главарей полковника Кавиларанга.

В письме высказывалось беспокойство Америки в связи с намерениями мятежников капитулировать и содержались рекомендации продолжать борьбу против центрального правительства. Фрост обещал и впредь оказывать помощь мятежникам и предупреждал, что не следует отчаиваться, если Соединенные Штаты время от времени будут делать официальные заявления о невмешательстве в гражданскую войну в Индонезии. Американская «помощь», информировал он, как и прежде, будет предоставляться через «Китайскую Республику» (Тайвань), Филиппины и другие каналы. «Если наши действия окажутся результативными, — заключал Л. Фрост, — Америка будет играть роль посредника в будущих переговорах между центральным правительством и революционными силами»¹⁰.

¹⁰ Ismuwil I. Hantu Subversi. Djakarta. 1958, h. 30.

Силовой компонент в «доктрине Эйзенхауэра»

Ни искусственно развязанная империализмом война в Корее, ни расправа с М. Мосаддыком, ни силовые приемы, использовавшиеся в связи с намерением вернуть Индонезию в лоно «свободного мира», уже были не в состоянии сдержать лавину освободительного движения народов Азии и Африки. После Бандунгской конференции освободительное движение приняло форму конкретных требований и действий, нацеленных на ослабление империалистических позиций, на защиту национальных интересов.

В июле 1956 года президент Египта Гамаль Абдель Насер издал декрет о национализации Суэцкого канала. Законная акция Египта вызвала в столицах Запада кампанию враждебной пропаганды, а затем и вооруженное вторжение на территорию суверенного государства. В нападении приняли непосредственное участие Англия, Франция и Израиль. Однако из мемуаров государственных деятелей Запада и документов позднее стало известно, что к этой агрессии был причастен и Вашингтон. Как рассказал Селвин Ллойд, занимавший в период суэцкого кризиса пост министра иностранных дел Англии, государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес принимал самое непосредственное участие на всех этапах организации сговора против Египта. На тройственной встрече представителей США, Англии и Франции, состоявшейся в Лондоне 31 июля 1956 г., Даллес призвал своих коллег незамедлительно изыскать средства, чтобы заставить Насера «отрыгнуть то, что он проглотил», то есть вернуть Суэцкий канал. Он подчеркнул, что правительство США не исключает применения силы, если другие средства не дадут нужного эффекта.

Операция «Мушкетер» началась 29 октября 1956 г. нападением Израиля на Египет, к которому потом присоединились войска Англии и Франции. Она натолкнулась не только на военный отпор египетской армии, но и на гневные протесты международной общественности. Срочно созванная чрезвы-

чайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН осудила агрессию, рекомендовала агрессорам прекратить военные действия и вывести войска с захваченной территории Египта. Англия, Франция и Израиль, подстрекаемые Вашингтоном, игнорировали и общественное мнение, и рекомендации ООН. Однако последовательная позиция Советского Союза, других стран социализма, решительно выступивших на стороне правого дела развивающегося мира, заставила агрессоров умерить свои аппетиты. После того как Советское правительство предупредило о том, что «продолжение войны может повлечь за собой опасные последствия», и категорически потребовало от Лондона, Парижа и Тель-Авива немедленно прекратить военные действия, агрессоры ушли восвояси.

Соединенные Штаты не принимали непосредственного участия в агрессии против Египта, национализировавшего Суэцкий канал. Администрация Д. Эйзенхауэра готовилась занять Белый дом на второй срок и опасалась потери голосов в случае, если ввяжется в непопулярную кампанию, которая осуждалась многими американскими избирателями.

Судя по признаниям английского министра иностранных дел, Вашингтон хотел бы усугубить международную обстановку в ходе конфликта вокруг Суэцкого канала.

Английская газета «Санди таймс», опубликовавшая отрывки из книги Селвина Ллойда, приводит характерный диалог на этот счет между руководителями внешнеполитических ведомств США и Англии. «Селвин, почему вы остановились? Почему вы не пошли дальше и не покончили с Насером?» — спросил Даллес своего коллегу. «Фостер, — ответил Ллойд, — мы пошли бы дальше, если вы хотя бы мигнули!». Даллес ответил, что он тогда не мог этого сделать¹¹. Не мог, потому что, если бы сработала дирижерская палочка Вашингтона, она могла бы выбить из рук американских избирателей бюллетени

¹¹ См. The Sunday Times.

с именем его шефа — Эйзенхауэра, а стало быть, и его собственным именем.

«Корейская война в любом месте» дала осечку и в районе Юго-Западной Азии. Но Вашингтон, видимо, не терял надежды. Компонент силовой игры не устранялся из его внешнеполитического курса. Она лишь меняла формы и объекты опасных претензий к сторонникам мира, народам, порвавшим колониальные цепи.

Несмотря на провал суэцкой авантюры, Вашингтон вовсе не собирался отказываться от использования силовых методов в реализации своего внешнеполитического курса. Президент США Д. Эйзенхауэр обратился к конгрессу с просьбой предоставить ему полномочия использовать по своему усмотрению вооруженные силы на Ближнем Востоке. Конгресс согласился с доводами Белого дома о том, что «сохранение независимости и территориальной целостности» стран Ближнего Востока является «жизненно важным» для национальных интересов США и для всеобщего мира.

Против такого утверждения вряд ли кто может возражать. Следует лишь добавить, что, во-первых, такую формулу уместно применять к любому району мира и, во-вторых, сохранение суверенитета молодых государств важно не столько для национальных интересов США, сколько для самих развивающихся стран, добившихся права на самостоятельное развитие, а также для всех народов планеты. Однако, как показывает исторический опыт, Вашингтон всегда смотрел на интересы развивающихся стран сквозь призму своих неокOLONиалистских притязаний и гегемонистских устремлений. Как бы в пояснение того, каким образом США намерены «сохранять независимость и территориальную целостность» стран Ближнего Востока, на свет появилась резолюция, принятая обеими палатами американского конгресса в марте 1957 года. «Если президент признает необходимым, — говорилось в ней, — США готовы использовать вооруженные силы для оказания помощи какой-либо стране или группе стран, которые попросят о таковой, чтобы дать отпор вооруженной агрессии со стороны любого из государств, находящихся под

контролем международного коммунизма»¹² (подчеркнуто мною. — А. Л.).

Этот документ получил название «доктрины Эйзенхауэра». Его острие в то время было направлено против стран Ближнего Востока, его сущность представляла собой неокOLONиалистский план превращения этого района в стратегический плацдарм и сырьевую базу американского империализма. Но, как показал опыт, «доктрина Эйзенхауэра» представляла непосредственную угрозу военного вторжения американских «джи-ай» в любую развивающуюся страну, если это сочтут нужным в Вашингтоне.

«Доктрина Эйзенхауэра» оказалась настолько живучей, что сумела пройти сквозь десятилетие разрядки и вновь возродиться в начале 1980 года, когда президент Дж. Картер вступил на скользкий путь, ведущий мир ко второму раунду «холодной войны». Выступая перед конгрессменами 23 января, он заявил, что «любая попытка какой-либо посторонней силы установить свой контроль над районом Персидского залива будет рассматриваться как покушение на жизненно важные интересы США и подобному покушению будет дан отпор любыми средствами — в случае необходимости с помощью вооруженной силы»¹³.

Те же слова, что и в «доктрине Эйзенхауэра!» Впрочем, в дипломатических кругах обратили внимание на существенную разницу запросов двух президентов, правление которых разделяется временным отрезком в четверть века. Если Д. Эйзенхауэр просил лишь предоставить ему право использовать вооруженные силы для оказания «помощи» в том случае, когда за таковой обратятся потенциальные объекты агрессии, то Дж. Картер, как заметил американский политический обозреватель Джеймс Рес-тон, заявил о намерении применить силу «по собственному почину», когда Белому дому покажется, что кто-то намеревается установить свой контроль над районом Персидского залива, включенным Вашинг-

¹² The New York Times, 1980, Jan. 28.

¹³ Ibid.

тоном в реестр территорий, представляющих «жизненно важные» интересы США¹⁴.

За более чем два десятка лет, прошедших со дня вступления в силу «доктрины Эйзенхауэра», к Вашингтону никто, за исключением марионеток типа Тхиеу в Южном Вьетнаме, не обращался за помощью в отражении агрессии. И тем не менее Белый дом не раз использовал попустительство конгресса главным образом для прикрытия агрессивных акций Пентагона. Да и сам Д. Эйзенхауэр не удержался от соблазна реализовать свою идею. В 1958 году он послал морскую пехоту в Ливан, которая якобы пыталась урегулировать распри между мусульманами и христианами. Эту акцию вряд ли можно квалифицировать иначе, как вооруженное вмешательство во внутренние дела Ливана, тем более что противоречия между религиозными группировками искусственно разжигались и разжигаются специальными службами США и Израиля. Истинная цель США здесь совершенно очевидна. Она состояла в демонстрации американской мощи на Ближнем Востоке для обеспечения интересов нефтяных монополий.

Тень Д. Эйзенхауэра, а точнее его доктрины, витала и над Вьетнамом, когда туда вторглись американские войска, вооруженные самыми совершенными видами истребительной техники.

Индокитай — апогей курса «к миру через силу»

Еще до провозглашения своей доктрины, формально касавшейся Ближнего Востока, и до Женевских соглашений по Индокитаю, а именно в апреле 1954 года, Д. Эйзенхауэр выступил с изложением военно-политической концепции, названной «теорией домино». Смысл ее сводился к предостережению западного мира об «опасности коммунизма», распространение которого будто бы может в конце концов привести к «капитуляции перед коммунизмом»

¹⁴ Ibid.

стран, освободившихся от западного влияния. В концепции содержался призыв к «сдерживанию коммунизма», к которому причислялись и национально-освободительные движения. Уточняя эту задачу, в августе 1954 года, сразу же после подписания Женевских соглашений, Дж. Ф. Даллес высказался за «необходимость позаботиться» о том, чтобы «потеря Северного Вьетнама не привела к распространению коммунизма по всей Юго-Восточной Азии». «Забота» была проявлена довольно быстро. Уже в ноябре 1954 года Вашингтон направил в Южный Вьетнам 500 военных советников под командованием генерала Коллинза. В ответ на протесты международной общественности Даллес вызывающе заявил, что он не намерен принимать во внимание чувства и настроения людей, живущих в других странах. В противном случае он не сможет выполнять функции государственного секретаря США.

Эти акции шли явно вразрез с Женевскими соглашениями, запрещавшими использовать территорию Южного Вьетнама в военных целях. Но Вашингтон шел дальше. В октябре 1955 года на территории Южного Вьетнама была провозглашена так называемая Вьетнамская Республика, а через полгода были проведены сепаратные выборы в парламент. Спешка вполне объяснима. Если бы во Вьетнаме были проведены всеобщие выборы в соответствии с Женевскими соглашениями, признавал в своих мемуарах Д. Эйзенхауэр, то «80% населения проголосовало бы за Хо Ши Мина»¹⁵.

Последующие события показали, что поставленная под контроль американского империализма сайгонская администрация представляла собой новый тип марионетки, выполнявшей роль послушного агента неокOLONиализма Соединенных Штатов, которые поставили своей целью превращение Южного Вьетнама в плацдарм для расширения американской экспансии в Юго-Восточной Азии.

Выполняя волю Вашингтона и местных реакционных кругов, американский ставленник Нго Динь

¹⁵ Цит. по: Кобелев Е., Коваленко И. Торжество правого дела народов Индокитая. М., 1975, с. 7.

Дьем за короткий срок превратил Южный Вьетнам в военно-полицейское государство. Он обрушил чудовищный террор и репрессии на бывших участников освободительной войны против французских колонизаторов, на всех южновьетнамских патриотов, выступивших против американского вмешательства, за демократическое развитие и объединение родины.

Марионеточный режим в Сайгоне грубо отвергал неоднократные предложения правительства Демократической Республики Вьетнам обсудить меры по проведению всеобщих выборов, как это было предусмотрено Женевскими соглашениями.

В создавшихся условиях у южновьетнамского народа не оставалось другого выхода, кроме как подняться с оружием в руках против ненавистного диктатора и его заокеанских покровителей. Первое крупное выступление патриотов относится к началу 1960 года. Вооруженное восстание, вспыхнувшее в одной из провинций, быстро распространилось на многие районы Южного Вьетнама. В конце того же 1960 года был создан Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) во главе с Нгуен Хыу Тхо. А через несколько месяцев были образованы народные вооруженные силы.

НФОЮВ и его армия ставили своей целью ликвидацию навязанного Вашингтоном марионеточного сайгонского режима, создание демократического Южного Вьетнама и мирное воссоединение родины. Патриоты вели мужественную борьбу и добились замечательных успехов. К началу 1965 года под их контролем находились уже $\frac{4}{5}$ территории Южного Вьетнама.

Трещали по швам как американская доктрина так называемой особой войны, так и «план Стенли — Тэйлора», предусматривавший целый комплекс военных, политических и социально-экономических акций, направленных на «умиротворение» населения Южного Вьетнама.

Критика опасной политики правительства Д. Эйзенхауэра, начавшегося вмешательства во Вьетнам росла из года в год, в том числе и в самой Америке. Кандидат в президенты Джон Ф. Кеннеди, выступая в сенате 14 июля 1960 г., утверждал, что американ-

ская «политика освобождения», гордо провозглашенная восемь лет назад, «оказалась ловушкой и заблуждением»¹⁶.

Однако в Соединенных Штатах звучали и голоса «ястребов», призывавших к гегемонизму, к возрождению идеи об «исторической миссии» США вести за собой весь остальной мир.

Кандидат в президенты, видимо, не мог игнорировать такие настроения и тем самым лишиться голосов части избирателей. Дж. Кеннеди ответил сторонникам экспансии через журнал «Кэтолик уорлд». Пенсильвания-авеню (улица, на которой расположен Белый дом), писал он, более не является улочкой местного значения. Она ныне проходит через Париж и Лондон, Анкару и Тегеран, Нью-Дели и Токио. И если Вашингтон является столицей «свободного мира», делал резюме Кеннеди, то президент США должен быть его лидером. «Этого требует наша конституция, — подливал он масла в огонь, раздувавшийся гегемонистами, — этого требует наша история, этого требует наше выживание»¹⁷.

В каком же случае Кеннеди был искренен? Это стало ясно после программной речи, произнесенной им 30 января 1961 г. при вступлении на президентский пост. А она оказалась выдержанной в духе великодержавия и призывала американцев быть готовыми к самопожертвованию во имя реализации гегемонистских устремлений. Комментируя первое выступление нового президента, известный американский политический обозреватель Уолтер Липпман заметил тогда, что его речь содержала всю философию исполнителя обязанностей мирового жандарма.

Вьетнам стал главной заботой президента Кеннеди, витриной его внешнеполитического курса. Из Белого дома то и дело звучало, что США должны доказать свою силу. И Вьетнам, как подчеркивал Кеннеди, — «самое подходящее для этого место».

В первые же дни правления Дж. Кеннеди число американских «советников» в Южном Вьетнаме было увеличено сначала до 10 тыс., а затем — до

¹⁶ Kennedy J. Strategy of Peace. N. Y., 1960, p. 8.

¹⁷ Lie H. The Kennedy Promise. N. Y., 1961, p. 69.

18 тыс. Эти «советники» и «специалисты» полностью контролировали южновьетнамскую армию и полицию, особенно в таких вопросах, как операции против партизан и «умиротворения мирного населения», как именовались карательные расправы.

Защита Южного Вьетнама от «коммунистической опасности» практически превратилась в необъявленную войну и с годами все глубже засасывала США в трясины агрессии и разбоя. Преемник Кеннеди Линдон Джонсон продолжал опасный курс. В одной из бесед с послом США в Сайгоне Генри Кэботом он заявил, что «не намерен терять Вьетнам».

7 августа 1964 г. конгресс предоставил правительству широкие полномочия на ведение войны в ЮВА. 8 марта 1965 г. у южновьетнамского побережья появились крупные силы американского флота. Началась высадка морского и воздушного десанта. Взяв под полный контроль сайгонский режим и его вооруженные силы, США начали беспощадную войну против вьетнамского народа.

В оправдание агрессии Вашингтон сделал официальное заявление о «вынужденном» контрударе. Фальшивая версия, пропущенная через пропагандистскую машину США, гласила, будто бы американские эсминцы «Мэддокс» и «Тернер Джой» подверглись «неспровоцированным атакам северовьетнамских торпедных катеров» в международных водах Тонкинского залива.

Позднее, уже в разгар войны, капитан «Мэддокса» заявил, что никакой атаки на его корабль не было. Но тогда вокруг «тонкинского инцидента» была поднята шумная кампания, имевшая, видимо, целью не только оправдать нападение на ДРВ, но и возбудить у рядовых американцев антивьетнамские настроения.

Правда, в ходе предвыборной борьбы Л. Джонсон еще хотел выглядеть миролюбцем. В сентябре 1964 года он заявил, что Соединенные Штаты не хотят «завязнуть в наземной войне в Азии». Месяцем позже он выразился более определенно: «Мы не собираемся посылать американскую молодежь за девять или десять тысяч миль от дома для выполнения

задачи, которая должна быть выполнена азиатскими парнями в их собственных интересах»¹⁸.

Но как только Джонсон вторично занял президентское кресло в Белом доме, то сразу же заговорил иначе, хорошо известным языком «ястребов»: если мы уйдем из Вьетнама, утверждал он теперь, завтра нам придется сражаться на Гавайских островах, а на следующей неделе мы должны будем вести бои в Сан-Франциско. Знакомые рассуждения! Об этом же говорил и Д. Эйзенхауэр, автор пресловутой «теории домино».

Эскалация американской агрессии в Южный Вьетнам продолжалась. В 1964 году там было уже 23 тыс. военнослужащих США.

Мировая общественность все решительнее требовала прекратить агрессию против Вьетнама. Широилось недовольство грязной войной и в самой Америке. Молодые американцы демонстративно отказывались идти на призывные пункты. Джонсона обвиняли в том, что он позволил войне в Индокитае «стать американской войной», за которую приходится платить американскими людскими жертвами и огромными материальными расходами. Джонсон, упрекала газета «Нью-Йорк таймс», пытается выиграть войну для вьетнамцев, используя американское оружие и американских солдат¹⁹.

Инцидент, спровоцированный в Тонкинском заливе в августе 1964 года, видимо, имел и побочные цели: во-первых, ошеломить и заставить замолчать тех американцев, которые осуждали агрессию, и, во-вторых, вложить козыри в руки сторонников жесткого американского курса. Последние не заставили себя ждать. На страницах печати в США появились резкие суждения, призывавшие официальный Вашингтон проявить решимость и в конце концов расширить эскалацию войны в Индокитае. Уход из Вьетнама, говорилось в заявлении специального комитета республиканской партии США, опубликованном 2 июня 1965 г., вызовет целую цепь аналогичных

¹⁸ Цит. по: *Draper T. Abuse of Power. N. Y., 1969, p. 22.*

¹⁹ См. *The New York Times, 1965, Apr. 9.*

войн в Южной и Юго-Восточной Азии, на Среднем Востоке, в Латинской Америке и Африке. А поражение, запугивали республиканские партийные активисты, имело бы последствия мирового значения, которые коснулись бы НАТО, СЕАТО и СЕНТО.

Необходимость продолжать войну республиканцы аргументировали и тем, что Вьетнам — не только пробный камень американских обещаний союзникам на Дальнем Востоке, но и пробный камень американской способности противодействовать «коммунистическому империализму».

Некоторые официальные лица, имевшие отношение к военному ведомству, начали взвешивать шансы США в случае, если Вьетнам повлечет за собой начало третьей мировой войны.

«Степень готовности вооруженных сил США сейчас больше, и они размещены выгоднее, чем когда бы то ни было накануне большого военного конфликта, — провокационно рассуждал заместитель министра обороны США Р. Гилпатрик на страницах журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин». — Значительная часть нашей боевой мощи сосредоточена на Дальнем Востоке или поблизости от него: 7-й американский флот, крупнейшее военно-морское соединение, действует в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Базами для него служат Тайвань и Филиппины».

В районе Тихого океана были размещены три дивизии, в Южной Корее — две и на Гавайях — одна. К этому следует добавить еще воздушно-десантные подразделения и десантников морской пехоты, находившихся в состоянии боевой готовности в Японии, а также на Гуаме, Окинаве и Филиппинах.

«Поскольку на передний край, — излагал свою стратегию Р. Гилпатрик, — уже доставлено огромное количество боеприпасов и военного снаряжения, то в случае, если в какой-либо точке всего периметра вокруг континентального Китая разразится серьезный конфликт, потребуется немного времени, чтобы пустить в ход огромные силы, справиться с которыми будет нелегко».

Если учесть, что правительство США серьезно связало себя обязательствами проводить свой ны-

нешний курс, то, по мнению автора провокационной статьи, маловероятно, чтобы нерешительность или проволочка в принятии решений могли помешать эффективным действиям в поддержку этой политики. По расчетам заместителя министра, общественное мнение США было подготовлено к войне во Вьетнаме. «Существует, — писал он, — значительное, хотя отнюдь и не абсолютное, политическое единство и в правительстве...»

Из всего этого Р. Гилпатрик делает вывод, что Соединенные Штаты вполне готовы претворить в жизнь свою политику «балансирования на грани войны» и идти на риск эскалации²⁰.

Получив необходимую политическую и моральную поддержку со стороны «ястребов», президент Л. Джонсон во всеуслышание заявил, что Соединенные Штаты намерены оставаться в Южном Вьетнаме до тех пор, пока ему не будет гарантирована «настоящая независимость». А пока никакие человеческие силы не смогут заставить Америку покинуть Вьетнам. Соединенные Штаты останутся там столько, пригрозил Л. Джонсон, сколько потребуется, не смотря ни на какой риск и ни на какие расходы.

Министр обороны США Р. Макнамара воспользовался волной воинственного настроения и запросил право применить «любое оружие», которое наилучшим образом подходило бы к создавшейся ситуации.

Эскалация получила новый импульс. В 1965 году в Южном Вьетнаме насчитывалось уже 200 тыс. американских солдат и офицеров, в следующем, 1966, — 358 тыс., в 1967 году — 485 тыс. К 1968 году Пентагон содержал в Южном Вьетнаме уже 550-тысячную армию. Там же находилось 1600 боевых самолетов, 4 тыс. вертолетов и самолетов вспомогательной авиации. У побережья Вьетнама сосредоточилось 80 боевых кораблей²¹.

Резко увеличилась интенсивность артиллерийского обстрела и бомбардировок вьетнамской территории. По подсчетам Стокгольмского международного

²⁰ См. The New-York Times Magazine, 1965, May 30.

²¹ См. Кобелев Е., Коваленко И. Указ. соч., с. 9.

института по исследованию проблем мира, за период с 1965 по 1973 год только на Южный Вьетнам американцы сбросили 11 млн. бомб. Если прибавить к этому 217 млн. артиллерийских снарядов, то общий вес фугасных боеприпасов, примененных Соединенными Штатами в Южном Вьетнаме, составит более 7 млн. т. Это равнозначно 500 атомным бомбам каждая мощностью, равной той, которая была сброшена на Хиросиму²².

Но, несмотря на явное военно-техническое превосходство, американской военщине так и не удалось сломить волю мужественного народа, отстаивавшего законное право на суверенное развитие. В ходе отражения агрессии повышалось военное мастерство бойцов Народно-освободительной армии, крепло единство всех патриотов Южного Вьетнама, росли политическое сознание и моральный дух населения.

В начале июня 1969 года в одном из освобожденных районов состоялся конгресс народных представителей Южного Вьетнама. Опираясь на волю народа, выраженную в ходе выборов народно-революционной власти на местах, конгресс принял решение о провозглашении Республики Южный Вьетнам, создании Временного революционного правительства и Консультативного совета.

Из Вьетнама, социалистических стран, из всех стран мира раздавались требования и призывы в адрес Вашингтона: США должны прекратить агрессивную войну, вывести свои войска из Вьетнама, позволить южновьетнамскому народу решать свои дела без иностранного вмешательства.

Не спадала волна критики правительства и в самой Америке. Здравомыслящие слои населения считали, что Соединенные Штаты не должны увязнуть в низкой, грязной войне на азиатском материке, в войне с применением напалма, отравляющих веществ, химических средств для уничтожения растительности, с сожжением деревень и безжалостным истреблением мирного населения. «Мы должны немедленно понять, — призывали прогрессивные круги США, —

²² См. New Scientist, 1976, Jan.

насколько безумна роль, которую Америка взяла на себя во всем мире».

Белый дом игнорировал требования международной и американской общественности и «искал выход» в расширении агрессии за счет подключения к авантюре других членов СЕАТО под предлогом того, что Южный Вьетнам протоколом от 8 сентября 1954 г. отнесен к району, на который распространяются «оборонительные» статьи договора о СЕАТО.

Если удастся объединить силы блока, взвешивали в Вашингтоне, то у Соединенных Штатов появится несколько важных преимуществ.

Самый важный эффект консультанты Джонсона рассчитывали извлечь из факта превращения войны американской в войну целого ряда наций. Когда войска из Таиланда, Филиппин и Пакистана появятся во Вьетнаме, рассуждали они, начнет меняться представление о характере войны как внутри самого Вьетнама, так и за его пределами. Тогда будто бы будет доказано, что эта война не является империалистической интервенцией Запада, а представляет собой коллективные действия стран Азии без каких бы то ни было следов расизма или колониализма.

Однако из этой явно нереальной затеи практически мало что вышло. Вашингтону удалось использовать под знаменами СЕАТО лишь 65 тыс. наемников из Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин и Южной Кореи. Для широкой международной общественности агрессия против Вьетнама оставалась по существу американской. Трудно было скрыть, что она по-прежнему откровенно преследовала вполне определенные, неоколониалистские цели Соединенных Штатов.

Смена президентской власти в США внесла некоторые изменения в тактику войны во Вьетнаме, но по существу сохранились ее агрессивный характер и неоколониалистские цели. В июле 1969 года была обнародована «гуамская доктрина» нового президента Р. Никсона, которая нацеливала американских союзников в Азии взять на себя основную долю забот «по обороне». Вашингтон отводил себе роль доброго дяди Сэма, готового оказывать союзникам всяческую «помощь и поддержку».

«Вьетнамизация» войны сопровождалась систематическими демонстрациями американской военной мощи, такими как возобновление бомбардировок Северного Вьетнама в конце 1971 года и особенно в декабре 1972 года, массированные вторжения американо-сайгонских войск на территории Камбоджи и Лаоса.

Камбоджа (ныне Кампучия) получила международное признание еще на Женевском совещании по Индокитаю в 1954 году. Тогда камбоджийская делегация заявила, что новое независимое государство намерено воздерживаться от любого военного или политического союза с иностранными государствами и будет проводить миролюбивый внешнеполитический курс.

И действительно, камбоджийское правительство воспротивилось попыткам Запада втянуть страну в военный блок СЕАТО. Оно заявило протест в связи с распространением некоторых статей Манильского соглашения на территорию камбоджийского государства.

Миролюбивая и нейтралистская политика Камбоджи, видимо, не устраивала Вашингтон, который предпринял попытки навязать ей прозападную внешнеполитическую ориентацию. В ответ на грубый нажим Камбоджа отказалась от всех видов американской «помощи» и выдворила за пределы страны некоторые службы США. В частности, она запретила пропагандистскую деятельность ЮСИА на своей территории.

Вместе с тем правительство Камбоджи осуждало американскую агрессию во Вьетнаме. Оно делало все возможное, чтобы не позволить Соединенным Штатам втянуть Камбоджу в военные действия, принимавшие все более широкий и жестокий характер в соседних Вьетнаме и Лаосе.

Пентагон рассматривал Камбоджу как своего рода «брешь» в неустойчивой линии фронта в Индокитае. Американский генералитет настоял перед официальным Вашингтоном перенести военные действия на территорию Камбоджи и тем самым использовал еще один фланг охвата Вьетнама. Президент Никсон прислушался к злобещей рекомендации своих советни-

ков и санкционировал операцию спецслужб по отстранению Нородома Сианука.

В результате государственного переворота, осуществленного в Камбодже с помощью ЦРУ, к власти пришло послушное Вашингтону правительство во главе с генералом Лон Нолом. Оно «позволило» американо-сайгонским войскам вступить в мае 1970 года на территорию Камбоджи.

Агрессия против еще одного суверенного государства вызвала новую волну протестов международной общественности, подняла кхмерских патриотов на борьбу против интервентов и марионеточного правительства Лон Нола. Патриоты создали Национальный единый фронт Камбоджи (НЕФК), куда вошли массовые общественные организации трудового народа, а также представители духовенства.

Национальные патриотические силы развернули широкую партизанскую войну, создали освобожденные районы и угрожали коммуникациям интервентов и марионеточным войскам американского ставленника Лон Нола. Таким образом, попытка президента Р. Никсона заставить воевать азиатов против азиатов оказалась несостоятельной. Больше того, небольшой кхмерский народ развернул героическую борьбу и тем самым серьезно осложнил обстановку в американских тылах. Камбоджа практически превратилась в дополнительную базу, стала тормозом американской военной колесницы, увязшей в джунглях Индокитая. Режим Лон Нола попал в полную изоляцию и оказался прожорливым и обанкротившимся иждивенцем Соединенных Штатов как в экономической, так и военной сферах.

По данным газеты «Нью-Йорк таймс», авиация США сбросила на Камбоджу 500 тыс. т бомб, но Вашингтону так и не удалось получить какие-либо дивиденды от новой авантюры.

Полным провалом завершилась и 20-летняя американская политика интриг, провокаций и террора в Лаосе, третьем государстве Индокитая, получившем в результате Женевского соглашения 1954 года международное признание как независимое, суверенное государство. С его территории выводились все иност-

ранные войска, предусматривалось политическое урегулирование путем проведения в 1955 году всеобщих выборов в Национальное собрание.

Однако грубое вмешательство США во внутренние дела Лаоса привело к срыву Женевских соглашений, а также многих других договоренностей между конфликтующими сторонами Лаоса, в том числе и нового Женевского соглашения 1962 года.

Теперь, после разоблачения грязной деятельности ЦРУ, стало известно, что именно американские спецслужбы систематически ввергали лаосский народ в братоубийственную войну. В Лаосе действовало 20 тыс. американских военнослужащих и разведчиков, которые скрывались под личиной советников, служащих различных компаний. Они обучали армию наемников, руководили вооруженными силами реакционеров и часто принимали непосредственное участие в боевых операциях против патриотов.

Начиная с июля 1964 года Пентагон вел открытую воздушную войну против лаосских партизан. Американская авиация совершала ежедневно до 500 самолето-вылетов на позиции патриотических сил.

Но Лаос оказался таким же крепким орешком, как Вьетнам и Камбоджа, и американская военщина сломала о него зубы.

Здравомыслящие круги Вашингтона все более убеждались в бесперспективности агрессивной авантюры в Индокитае. Успех южновьетнамских патриотов в ходе весеннего наступления 1968 года, с одной стороны, провал планов воздушной войны против ДРВ — с другой, заставили Белый дом прислушаться к растущим требованиям мировой общественности положить конец грязной войне во Вьетнаме. Правящие круги США были вынуждены прекратить необъявленную войну против ДРВ и согласиться на переговоры о политическом урегулировании вьетнамской проблемы. Но Вашингтон намеревался уйти из Индокитая «с почетом».

В мае 1968 года в Париже состоялась первая встреча представителей Демократической Республики Вьетнам и Соединенных Штатов Америки, на которой стороны провели зондаж относительно полити-

ческого урегулирования конфликта. В дальнейшем эти встречи были преобразованы в четырехсторонние переговоры, в которых наряду с США и ДРВ принимали участие представители Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, а также сайгонского режима.

Именно в этих условиях, когда Вашингтон признал банкротство политики прямой агрессии, свое бессилие покорить небольшой, но героический народ с помощью огромной военной машины, и родилась «гуамская доктрина» Никсона. Ее реализация вылилась в процесс «вьетнамизации» войны, то есть практически в вывод американских войск из Южного Вьетнама. Это означало по сути дела начало ухода Соединенных Штатов из Индокитая.

В своих усилиях по справедливому политическому урегулированию вьетнамские патриоты располагали, как и прежде, активной поддержкой со стороны Советского Союза. С трибуны ООН, в ходе советско-американских переговоров на высшем уровне в мае 1972 года и на других переговорах и форумах СССР неизменно подтверждал свою солидарность со справедливой борьбой народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии за свободу, независимость и социальный прогресс и требовал немедленного прекращения американской агрессии.

Четырехсторонние переговоры в Париже привели к подписанию 27 января 1973 г. соглашения по Вьетнаму. Оно предусматривало прекращение всех актов войны против ДРВ, вывод из Южного Вьетнама в двухмесячный срок всех вооруженных сил США и их союзников, отказ воевавших государств от дальнейшего вмешательства во внутренние дела вьетнамского народа.

Четыре стороны, подписавшие Парижское соглашение, договорились и о политическом урегулировании внутренних проблем Южного Вьетнама. В основу согласованной схемы был положен принцип признания фактической расстановки сил на территории Южного Вьетнама. Там, как известно, существовали две администрации — Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам и сайгонский режим так называемой Вьетнамской Республи-

ки, а также две армии при них. На территории Южного Вьетнама действовали три политические силы в лице революционеров-демократов, реакционных проимпериалистических кругов и так называемой третьей силы из числа патриотически настроенных кругов сайгонского режима. Последние активно выступали против войны и продажного коррумпированного режима Тхиеу, прибегавшего к массовому террору и жестоким пыткам инакомыслящих, но они еще были не способны полностью осознать реальные пути выхода из сайгонского тупика. В соглашении говорилось, что «право южновьетнамского народа на самоопределение священо, неотъемлемо и должно уважаться всеми странами».

Важное значение для судьбы вьетнамского народа имела ст. 15 Парижского соглашения, в которой стороны фактически признавали принцип единства и территориальной целостности всего Вьетнама. «Воссоединение Вьетнама, — говорилось в ней, — будет осуществляться шаг за шагом мирными средствами на основе обсуждения и договоренности между Северным и Южным Вьетнамом, без принуждения и аннексии любой из сторон и без иностранного вмешательства. Сроки воссоединения будут согласованы Северным и Южным Вьетнамом»²³.

Мировая общественность с большим удовлетворением восприняла Парижское соглашение. Прогрессивные круги расценили его как констатацию исторической победы вьетнамского народа. Ведь договор фактически гарантировал политическую и юридическую основу законных прав южновьетнамского народа на самоопределение, открывал перед ним новые благоприятные перспективы в его справедливой борьбе за окончательное урегулирование вьетнамской проблемы.

Однако понадобилось еще более двух лет для того, чтобы окончательно сломить сопротивление американского империализма, вылившееся во всевозможные уловки, с помощью которых Вашингтон надеялся сохранить свои позиции в Южном Вьетнаме. Хотя

²³ Кобелев Е., Коваленко И. Указ. соч., с. 7.

американские войска и покинули пределы Южного Вьетнама до 29 марта 1973 г., Пентагон сумел обойти решение конгресса, запрещавшее прямое или косвенное финансирование военных действий США на территориях Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Американское военное ведомство позволило миллионной армии сайгонского режима Тхиеу использовать американское оружие в гражданской войне. А арсенал, специально оставленный Пентагоном в Южном Вьетнаме, был огромным. Он содержал около 1800 боевых самолетов и вертолетов, свыше 2 тыс. танков и бронемашин, около 1500 артиллерийских орудий, 1600 боевых кораблей. В распоряжении марионеточной армии находились также американские военно-воздушные и военно-морские базы, 10 тыс. дотов, дзотов и другое военное оборудование²⁴.

Какую цель преследовал Вашингтон, нарушая отдельные статьи уже выработанного соглашения?

Ответом на этот вопрос может служить публичное заявление марионетки Тхиеу, сделанное в день подписания документа. Он признался журналистам, что не согласен со многими положениями Парижского соглашения и не намерен претворять их в жизнь. И в знак подтверждения своей решимости глава сайгонского режима приказал атаковать на ряде участков войска Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам.

Что это — отсебятина? Вряд ли. Во-первых, марионетка, как правило, всегда действует только по команде своего хозяина. И, во-вторых, последующие события по сути дела пролили свет на истинные намерения Вашингтона в Южном Вьетнаме. Они лежали в русле «гуамской доктрины» Никсона и отвечали неокOLONиалистским притязаниям Вашингтона, пытавшегося сохранить позиции в Азии руками самих азиатов.

Режим Тхиеу предпринял попытки захватить вооруженным путем освобожденные патриотами районы. Уже в первые дни после подписания Парижского соглашения марионеточная армия развернула широ-

²⁴ См. Кобелев Е., Коваленко И. Указ. соч., с. 18.

кие военные действия на линии перемирия с применением авиации и танков.

Видимо, с целью того чтобы рассеять всякие сомнения относительно его решимости и впредь верно служить своему заокеанскому хозяину, Тхиеу ужесточил полицейский произвол на контролируемой им территории. Он активизировал операции по «усмирению» и «чистке», в ходе которых подвергались физическому уничтожению или арестам все, кто выступал за реализацию Парижского соглашения, за мир и национальное согласие. Тхиеу игнорировал важнейшие статьи четырехстороннего документа, в частности отказался освободить свыше 200 тыс. политических заключенных, предоставить населению демократические свободы, вступить в переговоры с другими политическими силами относительно образования коалиционного Национального совета, который подготовил бы всеобщие и демократические выборы в Южном Вьетнаме.

Непримиримая позиция, занятая Тхиеу по воле его заокеанских хозяев, завела в тупик деятельность консультативного совещания двух южновьетнамских сторон в Париже и парализовала работу международной комиссии по наблюдению за перемирием в Южном Вьетнаме. Полная милитаризация жизни привела к катастрофическому состоянию экономики в контролируемых Сайгоном районах.

Продажная и антинародная политика диктаторского режима породила широкое движение протеста, которое приобретало массовый характер. Осенью 1974 года в Сайгоне, Дананге, Хюэ и других городах Южного Вьетнама состоялись многотысячные демонстрации, митинги, собрания общественности, в которых приняли участие самые различные слои населения, в том числе видные буддистские и католические священники.

Хотя подобные выступления жестоко подавлялись, движение патриотов нарастало, приобретало все более решительный характер. Оно воодушевлялось успешным контрнаступлением Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама.

В марте 1975 года освободительные силы при поддержке ряда восставших воинских частей сайгонско-

го режима овладели городом Банметхуот на Центральном плато, имевшем важное стратегическое значение. Последовавшее за этим паническое отступление крупной группировки марионеточной армии Тхиеу внесло элемент деморализации и в другие неустойчивые гарнизоны сайгонского режима. Конец бесславной десятилетней диктатуры марионетки Вашингтона Тхиеу оказался близким. 22 апреля он объявил о своей отставке и бежал на Тайвань. А 30 апреля 1975 г. красно-голубые флаги Народных вооруженных сил освобождения развевались над Сайгоном.

Прекращение войны во Вьетнаме открыло благоприятные перспективы для урегулирования лаосской проблемы. Не прошло и месяца после подписания Парижского соглашения по Вьетнаму, как конфликтующие стороны подписали во Вьентьяне соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе. Затем последовали новые позитивные сдвиги. 14 сентября 1973 г. стороны подписали протокол к Вьентьянскому соглашению, в котором были намечены согласованные действия, ведущие к миру. В частности, была достигнута и вскоре реализована договоренность о нейтрализации двух главных городов Лаоса — Вьентьяна и Луангпранга. Затем было сформировано Временное правительство национального единства всей страны и Национальный политический коалиционный совет.

Национальный политический коалиционный совет разработал конкретную программу из 18 пунктов, в которой были определены задачи лаосского народа по созданию единого суверенного государства. Там же определялась и основа внешнеполитического курса страны. Лаос ставил целью укреплять дружественные связи с другими народами, осуществлять внешнеполитический курс в соответствии с принципами мирного сосуществования, придерживаться политики мира и нейтралитета и не присоединяться ни к какому союзу или военному блоку.

В ходе реализации организационных мероприятий, нацеленных на национальное становление страны, временные коалиционные власти пересмотрели отношения с Соединенными Штатами. Они сочли не-

возможным дальнейшее присутствие американских служб в Лаосе, в том числе миссии так называемого управления международного развития. Было слишком заметно, что многие американцы занимались в Лаосе подрывной деятельностью и оказывали всестороннюю поддержку крайне правым группировкам, тормозившим процесс политической и экономической стабилизации в стране. Как потом стало известно, под прикрытием ряда американских миссий в Лаосе продолжала работать агентура ЦРУ.

Выдворение американской агентуры из страны лишило лаосскую реакцию источника политической и экономической поддержки и тем самым в какой-то степени устранило препятствия, лежавшие на пути реализации программы коалиционных властей из 18 пунктов.

Правда, реакция и ее заокеанские хозяева в лице ЦРУ, видимо, еще питали надежду на сохранение своих позиций в стране. Политические деятели, входившие в коалиционное правительство от вьентьянской стороны — министр обороны Сисук На Чампасак и министр финансов Нгон Сананикон, — намеревались в мае 1975 года организовать путч с целью захвата власти и ликвидации демократических преобразований. Однако замысел внутренней реакции и ЦРУ был заблаговременно разоблачен, и организаторы планировавшегося переворота бежали из страны.

Общественность Лаоса потребовала от временного правительства передать военную и гражданскую власть на местах, в том числе и на юге страны, прогрессивным деятелям, стоявшим на позициях мира и национального примирения.

Последовавшие события развивались исключительно быстро и успешно. К концу лета 1975 года национально-демократическая революция в Лаосе вступила в решающую фазу. 23 августа во Вьентьяне состоялся многотысячный митинг жителей столицы и окрестных районов. Требования, выдвинутые на этой и других многочисленных манифестациях, легли в основу дальнейших преобразований в стране. В соответствии с этими требованиями 1 декабря 1975 г. Национальный конгресс народных представи-

телей Лаоса упразднил монархию и провозгласил Лаосскую Народно-Демократическую Республику.

Это знаменательное событие увенчало 30-летнюю борьбу лаосского народа за национальное освобождение и социальный прогресс. Оно положило конец иностранному вмешательству во внутренние дела страны, в том числе и проидам американского империализма, пытавшегося использовать Лаос в своих неокOLONиалистских целях.

Парижское соглашение по Вьетнаму практически предопределило судьбу марионеточного режима Лон Нола в Камбодже. Патриотические силы этой страны развернули мощное наступление и добились крупных военных успехов именно после того, как в соответствии с Парижским соглашением из страны были выведены американские войска. Отрезанная от американских источников снабжения 40-тысячная армия Лон Нола оказалась в безвыходном положении. Даже два воздушных моста, функционировавшие по приказу Пентагона на линиях Сайгон — Пномпень и Бангкок — Пномпень, оказались не в состоянии спасти от краха режим предателей кхмерского народа. 31 марта 1975 г. Лон Нол вместе с полсотней генералов и политических деятелей покинул Пномпень на американских военных самолетах.

Позорным провалом завершилась американская агрессия против стран Индокитая. Около 57 тыс. человеческих жизней, свыше 300 тыс. искалеченных людей, более 150 млрд. долл., неисчислимый морально-политический урон — такова для американского народа цена главной авантюры, развернутой США в годы «холодной войны»²⁵.

Этот провал был во многом предрепшен благодаря ярко проявившейся в годы агрессии поистине братской солидарности, огромной политической, моральной и военной помощи, оказанной вьетнамскому, лаосскому и кампучийскому народам со стороны Советского Союза и других стран социалистического содружества.

²⁵ Кобелев Е., Коваленко И. Указ. соч., с. 25.

Демонстрация
воинствующих
жестов в годы
разрядки

Во второй половине 60-х и начале 70-х годов благодаря усилиям Советского Союза и других социалистических стран стали складываться положительные условия для коренных перемен в международной обстановке. Большую роль в этом сыграл XXIV съезд КПСС, на котором была разработана конкретная программа внешней политики СССР — Программа мира. Ведущей тенденцией нового этапа развития международных отношений стал поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности. Началась глубокая перестройка всей системы международных отношений под знаком широкого внедрения в практику взаимоотношений государств принципов мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества. Особенно важное значение приобрело согласование основных принципов политико-экономических и научно-культурных отношений между двумя наиболее мощными по своему военному потенциалу государствами мира — Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Советский Союз выступал за мирное сосуществование государств с различным социальным строем с первых дней победы социалистической революции в России. Однако, как отмечал Л. И. Брежнев на митинге в Гаване 29 января 1974 г., «долгое время государственные деятели капиталистического мира оставались глухими к предложениям Советского Союза строить отношения двух систем на принципах мирного сосуществования. Они пытались раздавить первое социалистическое государство с помощью интервенции, задушить его экономической и политической блокадой. Они надеялись разгромить Советский Союз в большой войне. Они думали запугать нас и дру-

гие социалистические страны «холодной войной», рассчитывали навязать нам свою волю с помощью политики «с позиции силы». Но все эти расчеты оказались несостоятельными. Советский Союз и вся мировая социалистическая система превратились в могучую, неодолимую силу».

«В конце концов, — подчеркнул Л. И. Брежнев, — капиталистическому миру пришлось взглянуть правде в глаза. Ему пришлось признать невозможность решения военным путем исторического спора между капитализмом и социализмом. В этих условиях наиболее дальновидные руководители буржуазных стран сочли благоразумным откликнуться на предложения социалистических государств о мирном сосуществовании»¹.

Вслед за такими видными политическими и государственными деятелями Западной Европы, как Ш. де Голль и В. Брандт, принципам мирного сосуществования начали уделять внимание и американские руководители. В мае 1972 года Москву посетил президент США Р. Никсон.

В результате переговоров с руководителями Советского государства был подписан документ, регламентирующий основы взаимоотношений между СССР и США. В нем содержались два принципиально важных положения. Первое: стороны заявили о своей убежденности в том, что «в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования». И второе: «Различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»².

В 70-х годах между СССР и США было заключено в общей сложности более 50 соглашений, а также достигнуты договоренности о сотрудничестве в 150 различных сферах, таких как медицина, сельское хозяйство, исследование космоса и Мирового океана и др.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 408—409.

² Правда, 1972, 28 мая.

The Position of the United States with Respect to Asia

NSC 48/1

December 23, 1949

[Source: U.S. Department of Defense, *United States-Vietnam Relations, 1945-1967* (Washington, 1971), VIII, 226-64]

24. Although European influence has certainly declined throughout Asia and European powers are no longer able fully to shape the course of events in that part of the world, nevertheless the influence of such powers is by no means negligible. This is particularly true of the United Kingdom because of the advanced policies followed in Asia by that nation since the end of the war. With the successful conclusion of the Round Table talks at the Hague¹¹ (for which this Government can claim preeminent credit) the Dutch will undoubtedly regain much of their lost popularity. It would be to the interest of the United States to make use of the skills, knowledge and long experience of our European friends and, to whatever extent may be possible, enlist their cooperation in measures designed to check the spread of USSR influence in Asia. If members of the British Commonwealth, particularly India, Pakistan, Australia and New Zealand, can be persuaded to join with the United Kingdom and the United States in carrying out constructive measures of economic, political and cultural cooperation, the results will certainly be in our interest. Not only will the United States be able thus to relieve itself of part of the burden, but the cooperation of the white nations of the Commonwealth will arrest any potential dangers of the growth of a white-colored polarization.

В 1978 году в США была опубликована книга «Американская политика и стратегия. Сборник документов. 1945—1950». В нее вошли наиболее важные материалы (как правило с грифом «совершенно секретно»), подготовленные госдепартаментом, Пентагоном и Советом национальной безопасности.

В приведенном здесь отрывке из документа министерства обороны, озаглавленного «Позиция США в отношении Азии», в частности, говорится: «Хотя европейское влияние в Азии очевидно уменьшилось и европейские державы более не в состоянии полностью контролировать развитие событий в этой части мира, влияние этих держав тем не менее нельзя ни в коем случае игнорировать. ...В интересах США в максимальной степени использовать умение, знания и большой опыт наших европейских друзей, заручиться их сотрудничеством в осуществлении мер, направленных на сдерживание распространяющегося влияния СССР в Азии.

Если удастся уговорить членов Британского содружества, в особенности Индию, Пакистан, Австралию и Новую Зеландию, объединиться с Великобританией и США., результаты будут несомненно в наших интересах...»

В этих словах проглядывает очевидное беспокойство Вашингтона по поводу неуклонного роста влияния идей социализма и авторитета Советского Союза, внесшего решающий вклад в победу над германским фашизмом и японским милитаризмом и последовательно поддерживающего борьбу народов Азии против старых и новых колонизаторов. Очевидны и замыслы США сохранить и расширить свои позиции на азиатском континенте путем сколачивания вместе с бывшими колониальными державами проимпериалистических группировок.

Очередная бомбардировка
Вьетнама.

**Растрезанная земля
Вьетнама
после
американской
бомбардировки.**

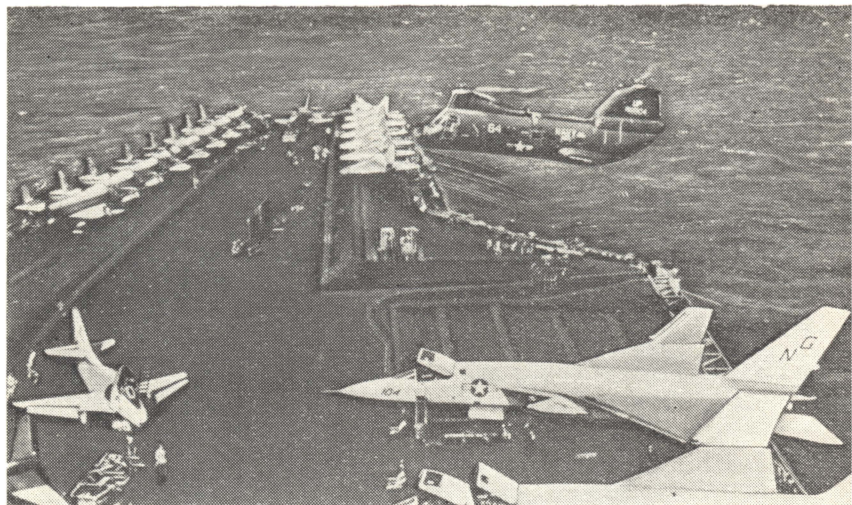
**«Цивилизованные»
варвары
на вьетнамской
земле.**

**Жертвы расправы
американских
головорезов
во вьетнамской
деревне Сонгми.**

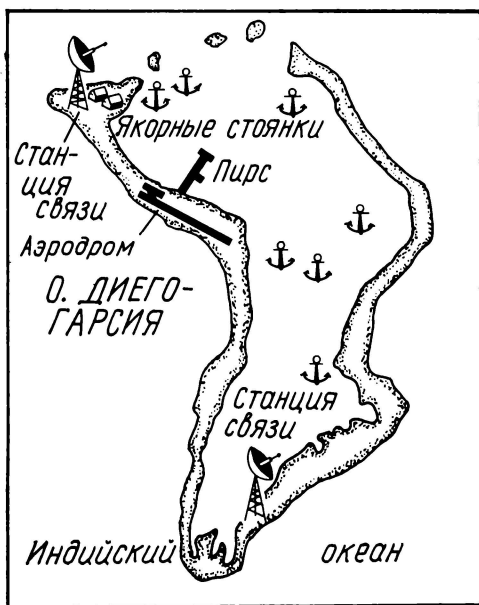
**Демонстрация
американской
военной мощи.
Авианосец
«Энтерпрайз»
у берегов
Индокитая.**

**Последствия
варварской
агрессии Китая
против СРВ.**

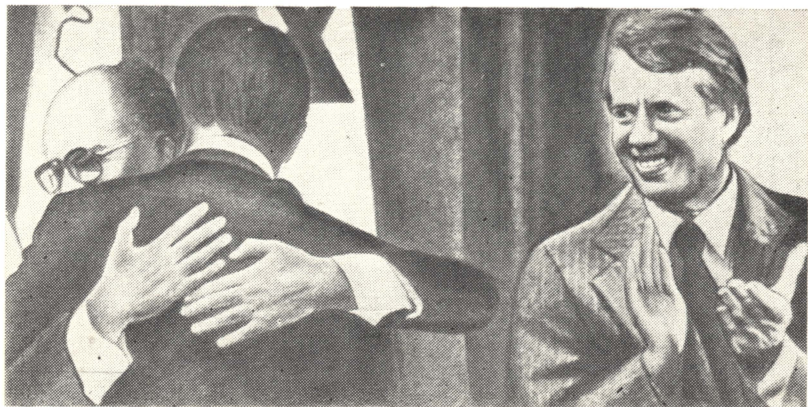

Конец бесславной
авантюры.
Китайские
военнопленные
во Вьетнаме.

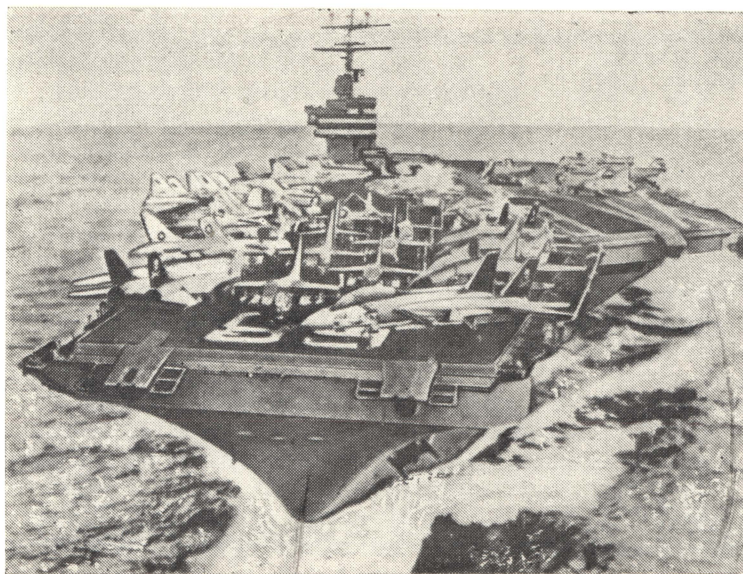

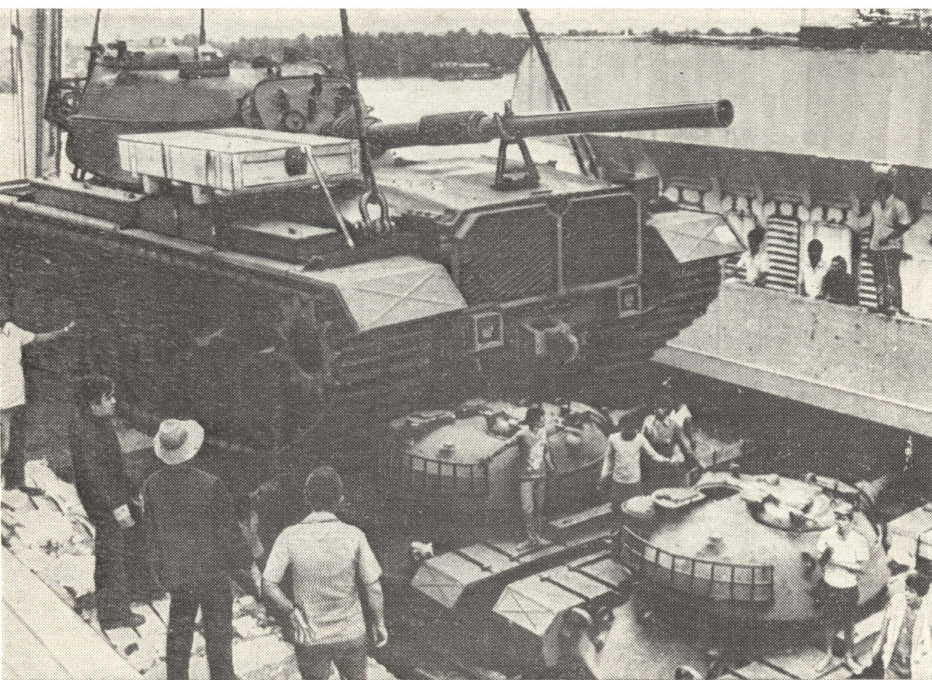
Остров Диего-Гарсия
превращен
Пентагоном
в главное
бронированное гнездо
империализма
в Индийском океане.

Объятия в Кэмп-Дэвиде.

Американский авианосец
«Нимиц»
у берегов Ирана.
Символ «дипломатии канонерок»
80-х годов.

**Разгрузка
американской
боевой техники
в Бангкоке (1979 г.)**

**Фото ТАСС, ЮПИ,
АП, «Тайм», «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «Ньюсуик»,
«Кейстон», «Юманите».**

Нормализация советско-американских отношений во многом способствовала развитию процесса разрядки международной обстановки, который вскоре охватил практически все районы мира. Разрядка содействовала, в частности, прекращению агрессии против стран Индокитая и подписанию Парижского соглашения по Вьетнаму, прекращению огня на Ближнем Востоке, подъему национально-освободительной борьбы, в частности завоеванию независимости африканскими народами бывшей португальской империи.

В условиях разрядки все очевиднее становилось идейно-политическое поражение империализма, сокращение сферы его международного влияния, что толкало американских «ястребов» на новые авантюры в развивающихся странах, в частности на азиатском континенте.

Маневры в «послевьетнамскую эру»

«Юго-Восточная Азия — это замочная скважина, а Индокитай — ключ, которым можно распахнуть двери, открывающие путь на весь азиатский континент», — не раз отмечали американские политические обозреватели.

Так, видимо, продолжали считать в Вашингтоне и после того, как «ключ» перешел в руки законных хозяев — народно-освободительных сил Индокитая. Монополисты США никак не желали мириться с таким положением. Как говорится в народе, волк линяет, но нрав не меняет. Буквально через месяц после падения Сайгона Вашингтон направляет в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток высокопоставленного гонца в лице заместителя государственного секретаря Кеннета Раша с целью реабилитации поведения США в Индокитае.

В качестве стартовой площадки Раш выбрал Веллингтон, где в ходе 23-й сессии совета военного блока АНЗЮС он намеревался заручиться поддержкой союзников в акциях по гальванизации провалившегося курса. Однако его политическая «канонерка», сколоченная из прогнивших досок и основательно потре-

панная в годы индокитайской авантюры, дала течь уже на первых милях плавания. Ни Австралия, ни Новая Зеландия не могли да, вероятно, и не хотели тогда воспринять воинственный настрой Вашингтона, пытавшегося оживить блоковую стратегию и переубедить лейбористские правительства союзников по АНЗЮС отказаться от негативной позиции, занятой ими по отношению к усилению американского военного присутствия в Индийском океане.

Незадолго до этого они во всеуслышание заявляли о намерении изменить внешнеполитический курс и повернуться лицом к Азии. Австралия, заявил премьер-министр Гоф Уитлэм в ходе поездки по некоторым странам ЮВА, предпринятой в феврале 1974 года, в прошлом «слишком зависела» от иностранных держав, в особенности от США. Как подчеркнул Уитлэм, Австралия теперь смотрит на мир не из Вашингтона или Лондона, а собственными глазами. Взгляд же с новых позиций, по мнению Уитлэма, позволяет Австралии отказаться от «иррационального страха за оборону» и перейти к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству со своими соседями.

Впервые за всю послевоенную историю, а именно в годы разрядки, Австралия проявила «непослушание» по отношению к союзникам по военным блокам и устами своего премьер-министра назвала концепцию СЕАТО отжившей. Более того, как Австралия, так и Новая Зеландия солидаризировались тогда со странами Азии и Африки и осудили намерение Пентагона превратить остров Диэго-Гарсия в военноморскую базу.

Расчеты Раша переубедить своих союзников в ходе сессии АНЗЮС результатов не дали. Уже после его отъезда из Веллингтона Г. Уитлэм, выступая в австралийском парламенте, вновь заявил, что упор во внешней политике страны переместился с идеологического подхода и военных союзов к более прочным связям по линии торговли, культуры и экономического сотрудничества. А намерение Австралии расширять отношения со странами Юго-Восточной Азии он назвал одним из важнейших принципов австралийской внешней политики.

В этом же духе по существу высказалась и Новая

Зеландия. В совместном коммюнике, обнародованном в связи с визитом в Веллингтон тогдашнего секретаря по иностранным делам министерства иностранных дел Индии Кевала Сингха, стороны решительно выступили за превращение Индийского океана в зону мира, за расширение экономического и научно-технического сотрудничества в различных областях между странами Южной и Юго-Восточной Азии.

Разъяснения Раша по поводу американской политики в зоне Индийского океана не были благожелательно восприняты и в столицах стран ЮВА, которые он посетил после окончания сессии АНЗЮС. И это вполне естественно. Уж очень откровенно просматривалось в его доводах намерение защитить «жизненно важные» интересы США в Индийском океане, «удешевить» американское военное присутствие в Азии с помощью военной базы на острове Диего-Гарсия. Неубедительно звучали и ссылки на мифическую «угрозу» интересам Соединенных Штатов со стороны советского флота.

«Упорное нежелание» собеседников Раша отнестись к нему с пониманием порой выводило из равновесия высокопоставленного посланца Вашингтона, использовавшего не дозволенный в дипломатической практике тон. В Джакарте он с раздражением заявил, что американские военно-морские силы «должны и будут присутствовать в Индийском океане».

В ответ на такое бестактное заявление прозвучали слова тогдашнего министра иностранных дел Индонезии Адама Малика, сказанные им журналистам 10 марта 1974 г. на джакартском аэродроме после отъезда из Индонезии заместителя министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбина. Выдвинутый Советским Союзом план создания системы коллективной безопасности в Азии, сказал Малик, «отвечает велению времени» и совпадает со стремлением народов этой части мира жить в добрососедстве и согласии.

Разочарование подстерегало Раша и в Бангкоке, где с осени 1973 года ожидали реальных шагов Вашингтона по изменению тайландско-американских отношений, носивших слишком явную военную ок-

раску. В Таиланде, превращенном в годы войны против стран Индокитая в главный опорный пункт военно-воздушных сил США, к его приезду все еще насчитывалось 35 тыс. американских солдат и шесть военных баз, на которых было размещено около 600 боевых самолетов.

Накануне визита высокого гостя таиландская газета «Нейшн» высказала мнение общественности, которое в основном сводилось к требованию ликвидировать в стране американское военное присутствие, расширить экономическое сотрудничество между соседями и нейтрализовать Юго-Восточную Азию.

Эти вопросы поднимались и в ходе встреч с официальными лицами Таиланда. Однако К. Раш не взял на себя никакого определенного обязательства. Из его заявления, сделанного на аэродроме перед вылетом из Таиланда, следовало, что вопреки желанию народов Азии Вашингтон все же намерен «сохранить сильное влияние в этом районе».

Филиппины, по утверждению самого К. Раши, стояли ближе всего к «нынешним и будущим планам» США. Однако его встречи с президентом Ф. Маркосом и министром иностранных дел К. Ромуло, видимо, также оказались безрезультатными. К. Раш остался глух к призыву Филиппин оказать помощь в планах развития страны. В итоговом заявлении сторон эта просьба нашла отражение лишь в неопределенном обещании США укреплять связи с Филиппинами, «особенно в экономической и политической областях».

Командировав К. Раши в Австралию, Новую Зеландию и ряд стран Юго-Восточной Азии, Вашингтон преследовал по крайней мере три цели. Первая — попытаться убедить союзников по АНЗЮС, а также страны АСЕАН в том, что американская администрация выходит из шокового состояния, в котором она оказалась в результате поражения в Индокитае. Вторая — внушить собеседникам мысль о том, что Соединенные Штаты не намерены отказаться от своей экспансионистской политики по отношению к Азии. И третья — запугать лидеров стран Юго-Восточной Азии «коммунистической угрозой», которая будто бы исходит уже непосредственно от Вьетнама.

Однако Вашингтону не удалось тогда добиться желаемых результатов. И это естественно. После окончания войны во Вьетнаме и прекращения огня на Ближнем Востоке, после начавшейся эрозии и даже фактического распада империалистических военных блоков в Азии и, наконец, в ходе расширения процесса разрядки международной напряженности инициатива Вашингтона по укреплению военных блоков, по наращиванию своего военного потенциала вдали от границ США вызвала естественный протест государственных, политических и общественных деятелей стран азиатского континента.

И тем не менее американский империализм, видимо, не собирался отказываться от намеченной стратегии. Через год с небольшим Вашингтон направляет в Юго-Восточную Азию второго специального эмиссара — помощника государственного секретаря Филиппа Хабиба. Он посетил Австралию, Индонезию, Сингапур, Малайзию, Таиланд, Лаос и Филиппины. В ходе переговоров Хабиб использовал то же, что и Раш, — тактику «кнута и пряника», прибегая, однако, к более гибким приемам в одних случаях и более жестким рекомендациям — в других. Выступая в Канберре по телевидению, Ф. Хабиб заявил, что Азия несомненно представляет для Соединенных Штатов «стратегическую важность». Вместе с тем он счел уместным сделать рекомендации лидерам страны о необходимости укрепления и расширения экономических связей с Японией, являющейся, по его утверждению, краеугольным камнем политического и экономического фундамента азиатского континента.

В азиатских столицах Ф. Хабиб пытался убедить своих собеседников в том, что Соединенные Штаты будто бы являются азиатской державой, отделены от континента «всего лишь» Тихим океаном. Мысль, прямо скажем, смелая! В таком случае Соединенные Штаты можно отнести, видимо, и к Европе, и к Африке. Ведь океанские воды соединяют Америку и с этими континентами.

Однако нелады с географией мало смущали посланца из Вашингтона. Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно решимости Америки, Ф. Хабиб во всех своих беседах с лидерами стран Юго-Вос-

точной Азии демонстративно подчеркивал, что Соединенные Штаты по-прежнему имеют «свои интересы в этой части мира» и будут и впредь «выполнять свой долг в соответствии с интересами Америки».

Одиозно прозвучало утверждение Ф. Хабиба и о намерении Пентагона сохранить свои военные базы в странах Юго-Восточной Азии. При этом он почему-то счел нужным добавить, что это намерение Америки, вероятно, совпадает с интересами стран региона.

Поразительно, но Хабиб утверждал, что ему лично неизвестно, чтобы кто-либо из членов АСЕАН выступил с требованием о ликвидации американских баз. Как расценить такое заявление? Трудно предположить, чтобы помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана не знал, что против сохранения американских баз выступали и выступают не только неприсоединившиеся страны АСЕАН, как об этом неоднократно заявляли их лидеры, но и азиатские страны — члены проимпериалистического блока СЕАТО.

Таиланд, например, как еще раз подтвердил тогдашний премьер-министр Кыкрит Прамот в беседе с Ф. Хабибом, не отказался от своего требования и ожидает ликвидации американских баз на своей территории. Настаивал на пересмотре соглашений «об обеспечении безопасности» с Соединенными Штатами и другой член СЕАТО — Филиппины. Заместитель министра иностранных дел Хосе Инглес накануне приезда в Манилу Хабиба еще раз заявил, что Филиппины намерены приложить усилия с целью избавления страны «от очевидного неравенства и неясности» в отношениях с США. Вместе с тем Филиппины предприняли конкретные шаги, направленные на установление нормальных государственных отношений с социалистическими странами, которые оставались замороженными, как писала манильская газета «Бюллетин тудей», «из-за американского влияния».

Ф. Хабиб обо всем этом, разумеется, знал. Но пытался выдать желаемое за действительное, умышленно игнорировал тот факт, что разрядка коснулась и таких отдаленных уголков земного шара, как островные государства ЮВА.

С недоверием были восприняты комплименты Ф. Хабиба и в адрес нейтралистской Индонезии, роль которой, по его заверению, «значительно возросла» после поражения американского империализма в Индокитае. Нынешние руководители Джакарты, подобострастно утверждал Хабиб, «в состоянии расценить международные проблемы под тем же углом, что и руководство США».

И все же Хабибу не удалось встретить полного взаимопонимания в Индонезии да и в других странах региона главным образом потому, что лидеры развивающихся стран убеждались в неискренности заверений Запада и понимали истинные цели империализма. А они в конце концов сводились к неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИМ устремлениям. В азиатских странах знали о многочисленных политических и экономических притязаниях США, часто подкреплявшихся «дипломатией авианосцев». Об этом же свидетельствовали и неоднократные угрозы в адрес развивающихся стран в тех случаях, если их действия не соответствовали интересам американских монополий.

Да и высказывания посланца Вашингтона Ф. Хабиба не оставляли сомнений на этот счет. В его беседах на первом плане всегда находились такие понятия, как «американские интересы в Азии», «наши обязательства перед странами Азии» и т. п.

Нужно ли говорить, что такой подход к «сотрудничеству» выглядел обращением в прошлое. Ведь героическая победа вьетнамского народа оказала неизгладимое воздействие на обстановку в Азии. Она пробудила национальное самосознание азиатских народов, вдохнула в них веру в собственные силы, в свою способность успешно противостоять любым посягательствам иноземцев на их независимость. Именно поэтому после ухода американцев из Индокитае в Азии открыто заговорили о новых возможностях для установления конструктивных и плодотворных отношений между странами континента.

Во время своего визита в Индонезию тогдашний президент Индии Фахруддин Али Ахмед, например, указал на появившиеся в Азии свежие «ветры перемен» и призвал строить межгосударственные отношения на принципах уважения суверенитета, независи-

мости, территориальной целостности и развития взаимовыгодного сотрудничества.

Не удивительно, что в этих условиях миссия Ф. Хабиба, задуманная с целью найти в Азии новые опоры для дискредитировавшей себя политики «с позиции силы», оказалась безуспешной.

«Новая тихоокеанская доктрина»

Поездки высокопоставленных деятелей государственного департамента К. Раша и Ф. Хабиба в страны Юго-Восточной Азии, дополненные переговорами по дипломатическим каналам, хотя и не дали конкретных результатов, но все же подготовили почву для дальнейшего нажима США на страны Азии. В конце ноября 1975 года с официальными визитами в Китай, Индонезию и Филиппины отправился президент США Дж. Форд. На обратном пути он сделал остановку на Гавайских островах и 7 декабря выступил в Гонолулу в здании университетского центра «Восток — Запад». В этом довольно просторном выступлении, названном «новой тихоокеанской доктриной», были сделаны акценты на шести положениях, суть которых сводилась к следующему: 1) «Американская мощь необходима для стабильного соотношения сил на Тихом океане», и долг США состоит в том, чтобы сохранять «гибкую и сбалансированную позицию силы во всем районе Тихого океана»; 2) одной из опор стратегии США является «партнерство с Японией»; 3) Вашингтон намерен продолжать курс на «нормализацию отношений с Китайской Народной Республикой, на укрепление новых связей с этой великой страной»; 4) США «заинтересованы в стабильности и безопасности Юго-Восточной Азии» и будут оказывать поддержку и помощь Индонезии, Филиппинам, Таиланду, Сингапуру и Малайзии, образующим Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии; 5) США будут «поддерживать тесные связи» с Южной Кореей и сохранят там присутствие американских вооруженных сил; 6) Вашингтон планирует создание «структуры экономического сотрудничества» в этом районе.

Дж. Форд счел необходимым заметить, что руководители всех азиатских стран, которые он посетил (КНР, Индонезии и Филиппин), поддержали курс на «дальнейшее твердое и ответственное американское руководство»³. Сначала это дополнение не обратило на себя внимания. Но затем оно обрело конкретное содержание, особенно после того, как Вашингтон начал разыгрывать «китайскую карту» и сумел сохранить военные базы на Филиппинах.

Мнения политических наблюдателей, обсуждавших «новую тихоокеанскую доктрину» Форда, резко разделились. Даже в Соединенных Штатах обозреватели газет и журналов не сразу пришли к единой точке зрения по принципиальным положениям доктрины. Одни утверждали, что в заявлении американского президента не было ничего нового и что в нем отсутствовали какие-либо формулировки, которые могли бы приковать к себе внимание. Другие считали речь Форда в Гонолулу «важной». Такой точки зрения придерживалось большинство буржуазных газет. Во многих из них инициатива Дж. Форда рассматривалась как попытка сформулировать комплексную политику США в Азии и западной части Тихого океана после перемен в Индокитае. Правда, акцент в ряде случаев делался на положениях доктрины, в которых затрагивались проблемы мирного социального, политического и экономического развития в обширной и важной части земного шара.

Совершенно иную оценку получила «тихоокеанская доктрина» Дж. Форда среди наблюдателей азиатских стран. Пхеньянская газета «Нодон синмун», например, назвала новую инициативу Вашингтона «агрессивной стратегией», предпринятой с целью спасения уходящего в прошлое колониализма. По утверждению газеты, «доктрина Форда» призвана прикрыть вмешательство Соединенных Штатов в дела азиатских стран, усилить контроль над ними и в конечном итоге сдержать развитие национально-освободительного движения народов континента.

Политические наблюдатели в Индии отмечали, что

³ Цит. по: За рубежом, 1975, № 51, с. 6.

в «новой доктрине» содержится намерение Соединенных Штатов заверить своих азиатских союзников, а также китайское руководство в том, что Вашингтон не ограничивает свое внимание исключительно европейскими делами и не собирается сдавать свои позиции в Азии.

Многие японские политические обозреватели, в том числе из газеты «Асахи», увидели в новой «доктрине Форда» намерение Вашингтона перенести центр своей азиатской стратегии в Японию, Индонезию, Филиппины и другие островные государства, так как после поражения в Индокитае США оказались вынужденными уйти с азиатского материка.

Характеризуя «доктрину Форда», ханойская газета «Каун дой нян зан» подчеркивала, что новый раунд укрепления американских стратегических позиций в Восточной Азии имеет целью продолжить вмешательство во внутренние дела стран Азии, подорвать движение народов за суверенитет, мир и укрепление безопасности в этом районе.

Советская общественность находилась на стороне тех, кто проявил справедливую настороженность в связи с очевидным намерением продолжать политику «с позиции силы». Смысл «новой тихоокеанской доктрины» Соединенных Штатов, писала в этой связи газета «Правда», заключается в попытке гальванизировать военно-политические блоки и усилить американское военное присутствие в Азии.

И действительно, как иначе можно расценить центральный тезис «доктрины Форда» о том, что «американская мощь необходима для стабильного соотношения сил на Тихом океане»? О чем, как не о гегемонистских устремлениях, говорило намерение США сохранить во всем этом районе «гибкую и сбалансированную позицию силы»?

Эти тезисы напоминают опорочившие себя доктрины Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра, под прикрытием которых Пентагон усердно сколачивал в Азии в 50-х годах военно-политические союзы и строил военные базы вдали от границ своей страны. Зачем? Затем, чтобы под предлогом «сдерживания коммунизма», «защиты национальной безопасности» США сдерживать рост национально-освободительного движения наро-

дов Азии и тем самым сохранить колониальные привилегии западных монополий на континенте.

Народы Азии особенно настораживало то обстоятельство, что на этот раз Вашингтон заручился поддержкой маоистского Китая, откровенно преследующего гегемонистские цели, и Японии, монополисты которой еще лелеют надежду на реанимацию идеи о «сфере процветания великой Азии» под контролем японского капитала.

Вашингтон и Токио с первых послевоенных лет связаны договором о «взаимном обеспечении безопасности», который еще японский премьер-министр Такэо Мики назвал краеугольным камнем японской внешней политики. В «Послании к Америке» в связи с 200-летием США, опубликованном в американском журнале «Тайм», Мики писал, что Япония и Соединенные Штаты — это не просто «самые близкие друзья», поддерживающие тесные двусторонние связи. Они стали, подчеркнул японский премьер-министр, «самыми активными партнерами» в поисках способов создания «более открытой и более справедливой» международной экономической системы и «устойчивого мирового политического порядка»⁴.

Может быть, именно эта готовность Токио следовать в обозе американской неоколониалистской политики особенно насторожила народы азиатских стран. Ведь тень «японского самурая», оставившего кровавые следы в странах Юго-Восточной Азии в годы второй мировой войны, до сих пор маячит перед глазами очевидцев, переживших страшный период японской оккупации. Чувства сохранившейся неприязни к Японии нередко стихийно выходят за рамки дипломатического этикета и общепринятого гостеприимства. Так было, например, в ходе поездки премьер-министра К. Танаки по ряду стран Юго-Восточной Азии в январе 1974 года. Массовые демонстрации протеста ожидали тогда главу правительства Японии в Таиланде и Индонезии, Малайзии и на Филиппинах. В ряде случаев, как это было в Джакарте, Танака был вынужден избегать встреч с населением и сокращать намеченные сроки визита.

⁴ См. Time, 1975, June 7.

Страны АСЕАН с недоверием отнеслись к «доктрине Фукуды», изложенной им в Маниле в 1977 году. Японский премьер-министр в поездке по странам региона давал обещания, включавшие три важных момента: первый — Япония не намерена превращаться в военную державу; второй — она будет содействовать «сердечному взаимопониманию» со странами АСЕАН во всех сферах взаимоотношений; третий — она будет сотрудничать со странами АСЕАН как «равный партнер», помогая их экономическому становлению. Фукуда обещал предоставить 1 млрд. долл. на строительство пяти национальных объектов в странах ассоциации.

Страны АСЕАН не высказали чувства удовлетворения и в связи с заверениями министра иностранных дел Японии С. Соноды, повторившего во время встречи со своими коллегами на индонезийском острове Бали в июле 1979 года тезисы «доктрины Фукуды». И не только потому, что обещание о миллиардном кредите к тому времени никак не реализовалось. В жестах Токио народы Юго-Восточной Азии, вероятно, усматривают коварную западню. Они не могут не видеть, что наряду с заигрыванием со своими соседями Токио поощряет возрождение духа милитаризма, покровительствует воинственным кругам, скучающим по временам былых походов на юг, усиленно развивает военное сотрудничество с Вашингтоном.

Настораживает общественность Азии и сближение американского союзника с маоистским Китаем, получившее новый стимул после того, как 12 августа 1978 г. Пекин и Токио подписали договор «о мире и дружбе». Договор носит антисоветский и антивьетнамский характер: его главное положение, как говорил заместитель премьера Государственного совета КНР Дэн Сяопин, содержится в статье, обязывающей стороны выступать «против гегемонии» других государств в регионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Однако трудно скрыть, что японо-китайское сближение базируется на экспансионистских устремлениях партнеров, поощряемых Вашингтоном. Ведь Пекин уже приступил к «воссоединению утраченных

земель», а в Токио активизировали свою деятельность милитаристские круги, происходит заметное наращивание вооружений, пропагандируются идеи о необходимости использования тактики устрашения потенциального противника. По утверждению, например, начальника управления национальной обороны правительства Т. Фукуды генерала Син Санэмару, Япония не сумеет защитить себя, если ее вооруженные силы не будут создавать опасность для «врагов»⁵.

К «ястребиной» позиции Фукуды и его приближенных подключился и большой бизнес, призывавший к использованию армии в агрессивных целях. Без войны, заявил, например, президент компании «Ниппон стил» И. Инаяма, «невозможно преодолеть экономический спад». Чтобы выйти из депрессии, уточнил он, «нам нужна где-нибудь еще одна война».

За два года пребывания Фукуды у власти резко подскочил военный бюджет страны, достигший в 1978/79 финансовом году почти 9 млрд. долл. «Силы самообороны» превратились в одну из самых крупных армий на азиатском континенте. Насчитывая почти 300 тыс. человек, эта армия на $\frac{3}{4}$ состоит из офицеров и унтер-офицеров и обеспечена новейшими видами вооружений. Программа модернизации расширяется. Управление национальной обороны решило закупить в США сто новейших истребителей-бомбардировщиков «F-15» и 45 противолодочных самолетов «P-3C», на что ассигновано 4,5 млрд. долл. Несмотря на незажившие раны, оставленные атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки, Фукуда высказывался даже за оснащение «сил самообороны» ядерным оружием.

«Укрепление обороноспособности» японская военщина связывает с отражением мифической угрозы со стороны Советского Союза. Однако в откровенных высказываниях Т. Фукуды просматривается совершенно другое стратегическое направление. Япония, по его словам, качественно улучшает свой оборони-

⁵ См. Правда, 1978, 25 февр.

тельный потенциал для того, чтобы «справиться с изменившейся обстановкой в Азии»⁶.

Общественность стран Азии, в том числе и Японии, осудила японо-китайский договор, назвав его «восточным крылом НАТО».

Однако правящие круги Японии продолжают выполнять команды из Вашингтона, приобретающие все более повелительный характер. Япония «должна играть более активную роль в обороне западной части Тихого океана!». Этот императив теперь все чаще можно слышать в высшем эшелоне внешнеполитического аппарата США. Япония, как говорится в коммюнике, подписанном Дж. Картером и Масаеси Охирой в начале мая 1979 года, будет продолжать свои усилия, направленные «на улучшение качественной стороны своего потенциала самообороны». Президент США и премьер-министр Японии на встрече в Вашингтоне еще раз подтвердили, что договор «о взаимном обеспечении безопасности» остается основой японо-американской политики в Азии.

Как известно, между монополиями США и Японии идет острая конкурентная борьба за рынки сбыта и сферы приложения капитала. Но эта борьба не мешает Вашингтону и Токио договариваться о совместном выступлении против общего противника — международного коммунизма и тех развивающихся стран, которые поднимаются на борьбу против всякого иностранного засилья, требуют установления справедливых политических и экономических отношений. Япония особенно рьяно проявила себя в роли младшего партнера США по военным союзам в начале 80-х годов, когда администрация Дж. Картера взяла курс на возврат мира к временам «холодной войны».

Правительство М. Охиры поддержало антисоветские выпады американского президента. Сегодня, с беспокоемством отмечала японская газета «Акахата», Вашингтон рассматривает японские «силы самообороны» не только как оборонительные части, предназначенные для отражения нападения извне, но и как

⁶ Цит. по: Новое время, 1978, № 3, с. 126.

«чрезвычайные вспомогательные войска на стратегическом фланге вооруженных сил США на Дальнем Востоке». Вместе с тем, подчеркивала газета, американские военные базы на территории Японии становятся «опорными пунктами войны и агрессии, развертываемой на Ближнем Востоке и в Африке»⁷.

Впрочем, демонстрация воинствующих жестов возобновилась сразу же после провозглашения «новой тихоокеанской доктрины» как непосредственно самим Вашингтоном, так и его союзниками по военно-политическим группировкам.

Угроза применения силы

Первые жесты в поддержку экспансионистских устремлений США в так называемую послевьетнамскую эру были продемонстрированы в Токио, Пекине, Канберре и Веллингтоне.

Провозглашение «новой тихоокеанской доктрины» совпало по времени со сменой правительственных кабинетов в Австралии и Новой Зеландии. Новые премьер-министры Малькольм Фрейзер (Австралия) и Роберт Малдун (Новая Зеландия) не только благожелательно откликнулись на призывы посланцев Вашингтона в лице К. Раша, Ф. Хабиба и самого Дж. Форда и демонстративно отказались от реалистических внешнеполитических курсов своих лейбористских предшественников, но и поспешили активно проявить себя в роли послушных исполнителей воли старшего партнера по блоку АНЗЮС. Тот и другой громогласно ратовали за усиление военного присутствия США в зоне стыка двух океанов, за модернизацию американской военной базы на острове Диего-Гарсия. Выступавший в свое время за расширение американского вмешательства в Индокитае М. Фрейзер благосклонно разрешил Пентагону шире использовать австралийские военные базы Кокберн-Саунд и Омега. В пространным заявлении, сделанном по австралийскому радио и телевидению, а также с трибуны парламента М. Фрейзер обещал строго сле-

⁷ Акахата, 1980, 27 февр.

довать проамериканскому курсу на международной арене, в частности в ООН, высказался в поддержку агрессивной политики Израиля на Ближнем Востоке, призвал к «сердечным отношениям» с расистским режимом Южно-Африканской Республики.

Важное место в усилиях по реализации «новой тихоокеанской доктрины» США заняли визиты Р. Малдуна, а затем и М. Фрейзера в Японию и Китай, то есть в страны, на которые Вашингтон делал особую ставку при реализации своей новой тактики. В Токио Фрейзер подписал двусторонний договор «о дружбе и торговле», рассматриваемый Канберрой как «зонтичный», под которым будет «расширяться и развиваться» японо-австралийское сотрудничество.

В ходе поездки в Пекин Фрейзер говорил об «общности интересов» между двумя странами, осудил в угоду маоистам разрядку, назвав ее «обманом», проявил подозрительность в отношении Индии и высказал «опасение» по поводу «наращивания» советских военно-морских сил в Индийском океане. Как отмечала пресса, М. Фрейзер фактически ратовал за создание военного союза между Австралией, Китаем, Японией и Соединенными Штатами.

В конце июля 1976 года Фрейзер посетил Вашингтон. В ходе бесед с американским президентом он выразил убеждение, что Соединенные Штаты призваны выполнять «единственную в своем роде руководящую роль» в мире. Он еще раз одобрил твердое намерение США проводить политику «с позиции силы». Лидеры двух стран снова подтвердили важное политическое и стратегическое значение Индийского океана для реализации их совместных целей. Австралия поддержала стремление Соединенных Штатов «повысить уровень объектов» на острове Диего-Гарсия.

Чего же добивались М. Фрейзер и Р. Малдун? Речи, с которыми выступали эти консервативные лидеры, внешне вполне благозвучны: они вроде бы ратовали за сохранение всеобщего мира и укрепление безопасности народов. Однако в их словах легко просматривалось лицемерие. Реализация их предложений могла бы привести как раз к противоположному результату, то есть к рецидиву «холодной войны», к

конфронтации между странами с различным общественным строем, к разжиганию недоверия между народами.

Такой исход настораживал прежде всего общественность Австралии и Новой Зеландии. Влиятельная сиднейская газета «Файнэншл ревью» не без оснований обвинила Фрейзера в том, что он подрывает прогресс, который был достигнут на пути к ослаблению напряженности между великими державами. Газета «Сан» обратила внимание на то, что Фрейзер, называвший своего предшественника Гофа Уитлэма «китайским ставленником», был «более откровенен с китайскими лидерами, чем с австралийским народом»⁸. Сотрудник научно-исследовательского Центра оборонных и стратегических проблем при Австралийском национальном университете Питер Хейстингс счел необходимым предостеречь общественность, заявив о том, что Фрейзер не только меняет стиль и принципы внешней политики страны, но и «возрождает дух холодной войны» 50-х годов, и «в этом его ошибка».

Эту «ошибку» видели не только в Австралии, но и на азиатском континенте. Опыт показывал, что блоковая политика Запада не оправдала себя и что в создавшихся условиях мир можно сохранить, только руководствуясь принципами мирного сосуществования и расширения всестороннего сотрудничества между государствами на равноправной и взаимовыгодной основе. Большую роль в укреплении безопасности в регионе играет миролюбивая внешняя политика Социалистической Республики Вьетнам, направленная на нормализацию и развитие добрососедских отношений между странами Южной и Юго-Восточной Азии. Такие страны Азии, как Индия, Индонезия, Афганистан, Сирия, Шри Ланка, и другие последовательно придерживаются политики неприкосновенности, которая практически носит антиимпериалистический характер.

Официальные круги этих стран оказались «глухи» к новым призывам Вашингтона и его подпевал,

⁸ The Sun, 1976, June 25.

а общественность резко осудила как неблагоприятные инициативы, так и угрожающие жесты претендентов на гегемонизм. Не помогал и «пряник» в форме финансовых подачек. Индонезии, например, Дж. Форд обещал увеличить более чем вдвое военную «помощь» в 1976/77 финансовом году. Кроме того, военные деятели США предлагали Индонезии через генерал-лейтенанта Муртопо, доверенного лица индонезийского президента, ежегодную «помощь» в размере 500—700 млн. долл. в обмен на согласие правительства Сукарно разрешить Пентагону построить на острове Моротай «учебную базу для военных судов стран АСЕАН» с правом захода туда кораблей 7-го флота США. Однако Индонезия не согласилась на приманку. Как во время пребывания в Джакарте высокопоставленных американцев, так и после их отъезда индонезийские лидеры продолжали придерживаться принципиальной позиции: Индонезия, заявляли они, выступает против создания американских военных баз в Юго-Восточной Азии и обращается с призывом к Вашингтону уважать провозглашенную странами АСЕАН зону мира в регионе. Провалилась и попытка Вашингтона втиснуть АСЕАН в военный мундир.

К разряду воинствующих жестов следует отнести также отказ Вашингтона вывести свои сухопутные силы из Южной Кореи. Как известно, Дж. Картер в ходе предвыборной кампании 1976 года сделал на этот счет недвусмысленное заявление: США выведут войска из Южной Кореи, как только он займет президентское кресло. Однако это обещание (как, впрочем, и многие другие, например сдержать поток оружия в развивающийся мир) сначала, как говорится, «повисло в воздухе», а затем обросло такими условностями, что потеряло всякий смысл. В феврале 1979 года в одном из интервью американский президент откровенно заявил, что он намерен воздержаться от вывода войск из Южной Кореи до тех пор, пока не взвесит результаты нового анализа разведанных «об укреплении военной мощи Северной Кореи», а также последствий нормализации китайско-американских отношений и перспектив диалога Север — Юг. Примерно тот же смысл содержался в от-

ветах на вопросы корреспондента южнокорейского агентства Ориент Пресс, заданные Дж. Картеру перед его поездкой в Токио и Сеул в июне 1979 года. На этот раз американский президент связал свое решение о судьбе американских войск в Южной Корее с необходимостью лично познакомиться с ситуацией, а также побеседовать с южнокорейским диктатором Пак Чжон Хи. Однако уже тогда можно было предвидеть окончательное решение на этот счет. Оно сохранилось в ответе на другой вопрос южнокорейского корреспондента. Каждый, кто знаком с американской историей, географией, политикой и экономикой, сказал Дж. Картер, знает, что «Соединенные Штаты не уйдут из Азии». Президент пояснил свою мысль следующими словами: «Мы находимся там, мы являемся одним из главных партнеров в тихоокеанском сообществе, мы являемся тихоокеанской державой, мы исполнены твердой решимости оставаться таковой». Так оно и случилось. Из выступления Дж. Картера в конгрессе в январе 1980 года следует, что решение о выводе американских войск из Южной Кореи замораживается на неопределенно долгое время.

Еще более откровенно угрожающие жесты делались Вашингтоном в адрес народов Западной Азии. Эскалация воинственных акций особенно заметно активизировалась после нефтяного кризиса 1973 года. В январском номере за 1975 год журнала «Бизнес уик» появилось заявление тогдашнего государственного секретаря США Г. Киссинджера, в котором он не исключал возможности использования силы против нефтедобывающих государств. А в феврале того же года, как сообщала западная пресса, американский Совет национальной безопасности закончил детальное рассмотрение «сверхсекретного» плана министерства обороны, предусматривавшего вторжение на нефтепромыслы Саудовской Аравии в случае возникновения на Ближнем Востоке новой войны и установления арабскими странами эмбарго на поставки нефти.

Идея формирования «пожарных команд» получила путевку в жизнь после свержения монархического режима в Иране и подписания «мирного договора»

между Израилем и Египтом. Вашингтон решил создать так называемый корпус быстрого реагирования численностью в 110 тыс. солдат. Предполагается, что он будет состоять из двух воздушно-десантных дивизий морской пехоты, одной тысячи самолетов тактической авиации и военно-морских сил поддержки, включающих авианосцы типа «Констэлейшн».

Народы стран Ближнего и Среднего Востока справедливо усмотрели в этой затее серьезную угрозу военной интервенции. Этого не скрывали и руководители военного ведомства США, заявлявшие, что «корпус быстрого реагирования» предполагается использовать в географически отдаленных и политически неустойчивых районах для «обеспечения бесперебойной поставки нефти из прибрежных стран Персидского залива».

Пентагону, писала в этой связи «Нью-Йорк таймс», дано указание подготовить список возможных вариантов развертывания вооруженных сил в этом районе. Это соединение, как уточнил министр обороны США Г. Браун, создается не только ради возможного применения на Ближнем Востоке. Оно будет находиться в готовности для использования «в любом районе мира».

Итак, несмотря на разрядку международной напряженности, Вашингтон держал «камень за пазухой» и продолжал накапливать потенциал силовых средств для решения политических вопросов в Азии. Об этом красноречиво говорят такие акции администрации Дж. Картера, как приостановка вывода войск из Южной Кореи и продление договора о пользовании военными базами США на Филиппинах, более четкое разделение оперативных функций в рамках американо-японского договора безопасности (Токио в значительной части взял на себя не только тыловое обеспечение военных объектов США на японской земле, но также противовоздушную и противолодочную оборону океанских коммуникаций) и распространение деятельности АНЗЮС на Индийский океан, подталкивание Токио и Пекина на подписание договора о «мире и дружбе» и использование японо-китайского сближения в целях усиления давления на АСЕАН, возня вокруг создания 5-го

американского флота и комплектование 200-тысячного экспедиционного корпуса. Все это свидетельствовало о недвусмысленном «смещении» акцентов в азиатской политике Вашингтона в так называемую послевьетнамскую эру.

К началу 1980 года это «смещение» вылилось в откровенное посягательство на процесс разрядки, на национальный суверенитет стран Азии, в частности Ближнего и Среднего Востока. В январском послании конгрессу Дж. Картер разразился бранью в адрес Советского Союза, который оказал военно-экономическую помощь Афганистану, отражавшему вооруженное вмешательство извне.

Запугивая мифической «советской угрозой», американский президент лицемерно заявлял о необходимости «укрепления безопасности» стран Западной Азии. Но Вашингтону трудно скрыть, что за словами о защите интересов арабов, персов, пакистанцев стоит посягательство американских монополий на нефтяные богатства стран региона. Больше того, администрация Дж. Картера откровенно заявила о намерении лишить нефтедобывающие страны права самим распоряжаться своими природными богатствами. «Отказ поставлять нефть нам или другим, — говорится в январском (1980 г.) послании президента конгрессу, — поставил бы под угрозу нашу безопасность и вызвал бы еще более серьезный экономический кризис, чем великая депрессия 50 лет назад, причем это привело бы к радикальному изменению нашего образа жизни»⁹.

Иными словами, ни одна нефтедобывающая страна не может без разрешения Вашингтона распоряжаться своей нефтью, скажем, приостановить или сократить ее добычу или использовать как-то иначе.

Вашингтон пригрозил поддерживать этот диктат силой. «В прошлом году, — говорится в послании президента, — мы начали расширять свои возможности переброски вооруженных сил в район Персидского залива и сейчас изучаем возможность более активного использования военных объектов в этом районе. Мы увеличили свое военное присутствие в

⁹ Цит. по: За рубежом, 1980, № 6, с. 10.

Индийском океане. Наши силы быстрого реагирования можно было бы использовать в поддержку дружественных правительств в районе Персидского залива и Юго-Западной Азии, в других районах»¹⁰.

Эскалация воинствующих жестов в районе Западной Азии стала особенно заметной во время нефтяного кризиса 1973 года. Она активизировалась в годы навязывания арабам кэмп-дэвидской сделки, вылившейся в египетско-израильский «мирный договор», и приобрела откровенно угрожающий характер в ходе национальной борьбы иранского народа против шахского режима и американского засилья.

Вашингтон использовал события в Афганистане как повод для нового усиления своего военного потенциала в районе Аравийского моря.

Эти приготовления, писала японская газета «Акахата», «свидетельствуют о наиболее опасном проявлении политики с позиции силы, о том, что американский империализм является самым главным источником опасности войны и агрессии в современном мире»¹¹.

Тактика запугивания развивающегося мира приобрела наиболее уродливые формы в ходе предвыборной борьбы претендентов на президентское кресло в 1980 году. Кандидаты двух ведущих партий США словно соревновались в цинизме. Дж. Картер использовал свое пребывание в Белом доме для того, чтобы «убедить» своих будущих избирателей в решимости, которую он намерен предпринять «при защите интересов США». В июле он обнародовал «новую ядерную стратегию», которая допускает ведение «ограниченной» ядерной войны и «предупреждающий» удар по потенциальному врагу. К числу таких врагов Картер, видимо, относит и некоторые развивающиеся страны. В печати появилось сообщение, например, о подготовке Пентагона к нанесению ядерного удара по некоторым странам Ближнего Востока¹².

¹⁰ Цит. по: За рубежом, 1980, № 6, с. 10.

¹¹ Акахата (Токио), 1980, 26 февр.

¹² "Washington Post", 1980, Sept., 24.

Первый английский солдат высадился в Сингапуре в 1824 году. Эсминец «Мермэйд», последний военный корабль бывшей «владычицы морей», покинул это островное, ныне суверенное государство в сентябре 1975 года. А полгода спустя из Сингапура эвакуировался последний английский солдат.

Более века некогда великая колониальная империя бряцала оружием в водах Индийского океана и широко использовала «дипломатию канонерок» в целях расширения своих заморских владений, вывоза оттуда природных ресурсов и нещадной эксплуатации поработанных народов.

Ныне хозяин большей части военных баз в Азии, как известно, сменился. Но их назначение практически не изменилось. Народы, вырвавшиеся из колониальной кабалы, на собственном горьком опыте убеждаются в том, что главная цель военных баз Запада, скажем, в зоне Индийского и Тихого океанов сводится к выполнению все тех же жандармских функций, которые осуществлял некогда грозный британский лев.

«Загрязнение» Индийского океана

«Новая тихоокеанская доктрина», провозглашенная Дж. Фордом в декабре 1975 года, эхом отозвалась и в Индийском океане. В официальных ведомствах США заговорили о необходимости наращивания «мощного присутствия» вооруженных сил «к востоку от Суэца», включая Индийский океан, воды которого раскинулись на 75 млн. кв. км и омывают берега 36 государств.

Особую активность проявил Пентагон. Генералы и адмиралы соревновались в поисках наиболее весомых доводов в пользу наращивания военного присутствия в этом районе. Бывший начальник штаба ВМС адмирал Э. Замуолт связывал стратегическую важность Индийского океана с интересами США не только в Азии, но и в Европе, «с поддержанием всемирного баланса сил». Наращивание военного присутствия США в бассейне Индийского океана шло по двум направлениям: по линии увеличения тоннажа военно-морского флота и его качественного совершенствования, с одной стороны, и модернизации военных баз — с другой.

По данным профессора Делийского университета имени Дж. Неру Р. С. Шарма, опубликованным во втором номере японского ежеквартального журнала «Пасифик комьюнити» за 1976 год, в Индийском океане появились мощные плавучие крепости. Среди них — атомный авианосец «Энтерпрайз» водоизмещением 89 600 т, авианосцы «Китти Хок» и «Констэлейшн» водоизмещением по 80 000 т каждый, авианосцы «Хэнкок» и «Орискани» водоизмещением по 44 700 т, атомный крейсер-ракетоносец «Лонг Бич» водоизмещением 17 500 т и др.

Американская военщина считает, что в нынешних условиях, когда страны Азии и Африки проводят все более независимый внешнеполитический курс, стратегическая значимость военно-морского флота США должна повышаться. Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала несколько лет назад со ссылкой на сведения, полученные из авторитетных военных источников, что командование американского флота планирует создать индоокеанский флот и рассчитывает получать «все больше и больше средств» на строительство новых кораблей, особенно авианосцев и эсминцев сопровождения.

И эта программа вскоре начала осуществляться. Если в 1968 году на строительство новых кораблей в США было израсходовано 1,2 млрд. долл., то в 1974 году эта сумма увеличилась более чем в три раза и составила 3,9 млрд. долл. По данным «ДМС инкорпорейтед» — частной компании, специализирующейся на информации о делах министерства обо-

роны, 10-летний план Пентагона предусматривает увеличение флота США более чем на 200 крупных кораблей, на что планируется израсходовать 50 млрд. долл.

После потери монархического Ирана, выполнявшего роль «главного жандарма» Вашингтона в Персидском заливе и районах западной части Индийского океана, Пентагон приступил к формированию 5-го оперативного флота с главным базированием на острове Диего-Гарсия. Американский военный флот в Индийском океане намечается сколотить из 40—50 боевых и вспомогательных кораблей, в том числе двух авианосцев.

Индийский океан «загрязняется» не только насыщением военной техники, но и строительством новых военных баз, модернизацией старых причалов, дающих пристанище бронированным чудовищам авантюристических рейдов.

Прежде всего, видимо, следует сказать о крупнейшей базе, возводящейся на острове Диего-Гарсия. Крохотный остров длиной 25 и шириной 5 км, входящий в архипелаг Чагос, был удержан Англией при передаче суверенитета Маврикию, а затем передан в 1966 году Соединенным Штатам специально для использования под военную базу. Эта акция была осуждена Организацией Объединенных Наций. XXI сессия Генеральной Ассамблеи, рассмотрев вопрос об отделении архипелага Чагос от территории Маврикия и об аналогичных планах в отношении некоторых из Сейшельских островов, приняла резолюцию 2232 (XXI), в которой было указано, что «любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности колониальных территорий, а также создание военных баз и сооружений на этих территориях, является несовместимой с целями и принципами Устава ООН и резолюции 1514 (XV)» (в которой, как известно, сформулированы принципы о предоставлении независимости колониальным странам и народам).

База по сути дела уже смонтирована. Приспособленная к обслуживанию тяжелых бомбардировщиков «В-52», подводных лодок, несущих ракеты «По-

ларис» и даже «Посейдон», крупных авианосцев типа «Энтерпрайз», она, по замыслам Пентагона, будет выполнять назначение главного промежуточного звена, соединяющего многочисленные американские военные базы в морях Юго-Восточной Азии, Персидского залива и Восточного побережья Африки. А теперь там планируется обосновать штаб-квартиру вновь создаваемого 5-го военного флота США. По подсчетам специалистов, база на Диего-Гарсия позволит быстроходным военным кораблям в течение двух дней достичь самого удаленного уголка Индийского океана.

Концепция так называемого передового базирования осуществляется Пентагоном и в других районах бассейна Индийского океана. Модернизируются, например, базы на острове Масира, лежащем у Северо-Восточного побережья Аравийского полуострова. Американское военное ведомство получило этот остров в конце 1977 года в обмен на оказание помощи султану Омана в его борьбе против национально-патриотических сил Дофара.

Важное значение в глобальной стратегии США на азиатском и африканском континентах придается военно-морской базе в Саймонстауне на юге Африки. На модернизацию этой базы предполагается израсходовать 45 млн. долл., с тем чтобы она могла обслуживать до 50 кораблей одновременно.

В рамках милитаристских приготовлений, тон которым задал президент Дж. Картер накануне вступления в предвыборную борьбу 1980 года, Пентагон активизировал поиски новых пристанищ для десантников из «корпуса быстрого реагирования». Американские стратеги рассчитывают заполучить пункты для длительного базирования войсковых подразделений, техники и средств обслуживания в Саудовской Аравии и Кении, в Пакистане и Сомали, в Египте и Израиле.

Не остается без внимания в этом плане и Юго-Восточная Азия. Вашингтон явно хотел бы усилить военно-политический характер АСЕАН, заменить этой организацией распавшийся блок СЕАТО. Однако асеановская пятерка, особенно Индонезия и Малайзия, продолжает придерживаться независимой

позиции. Единственное, что удалось Пентагону, — это удержать за собой базы на Филиппинах.

Известный американский обозреватель Дж. Рес-тон подчеркивал, что базы Субик-бей и Кларк-филд ныне важнее для обороны Тихого океана и для обеспечения транспортных связей с Ближним Востоком, чем когда-либо после второй мировой войны.

Важное место в политике США в Азии, Индийском и Тихом океанах отводится Австралии и Новой Зеландии — союзникам США по военно-политическому блоку АНЗЮС. В июле 1977 года на очередной сессии совета этого блока США, Австралия и Новая Зеландия декларировали о своей решимости установить более тесное взаимодействие между вооруженными силами стран — участниц АНЗЮС, продолжить совместные маневры, строительство и использование военных объектов. Правительства Австралии и Новой Зеландии подтвердили разрешение атомным военным кораблям США заходить в порты этих стран.

Весной 1978 года во время поездки в Австралию вице-президента США У. Мондейла затрагивался вопрос о распространении сферы действия пакта на зону Индийского океана. Как сказал М. Фрейзер корреспонденту американского журнала «Ньюсуик» в феврале 1980 года, Австралия «активизировала военно-морское патрулирование и разведку в Индийском океане». Не исключено, подчеркнул он, что пятый континент направит туда авианосец в сопровождении оперативного отряда ВМС¹.

Это намерение Канберры было одобрено на 29-й сессии совета АНЗЮС (Вашингтон, февраль 1980 г.), которая, по выражению бывшего государственного секретаря США С. Вэнса, была «одной из самых продуктивных в истории союза».

В настоящее время широким фронтом идут расширение и модернизация военных баз и опорных пунктов США, расположенных на территории Австралии.

¹ Newsweek, 1980, Febr. 6.

Зачем Вашингтон накапливает огромные арсеналы за десятки тысяч километров от границ собственной страны? Затем, чтобы «сдержать советское проникновение», защитить «национальные интересы» США, утверждает американская пропаганда, находящаяся на службе крупного капитала. Ею выдуманная целая система «коварных акций» СССР, которые будто бы направлены на вытеснение американского капитала из Азии и Африки, на ослабление влияния Запада в развивающемся мире. Одно время широко распространялся миф о военно-морских базах, якобы используемых советским флотом, что «создает угрозу» линиям коммуникаций, связывающим богатые сырьем страны с Западом. Все эти лживые утверждения не только ничем не подтвердились, но и опровергаются как государственными деятелями Советского Союза и тех стран, где якобы расположены эти базы, так и хорошо информированными американскими и другими зарубежными наблюдателями.

Директор информационного центра по военным проблемам в Вашингтоне контр-адмирал Джин Ларок, например, заявил в конгрессе США, что руководители военно-морского ведомства «преувеличивают угрозу советских военно-морских сил в Индийском океане», чтобы оправдать увеличение собственных военных расходов. Он пояснил, что разговоры относительно «русской угрозы» представляют собой уловку, призванную повергнуть конгресс в панику и заставить его согласиться на увеличение суммы военных расходов.

Политический обозреватель Д. Пейрис, опубликовавший разоблачительную статью по этому поводу в журнале «Фар Истерн экономик ревью», считает, что ограниченное присутствие русских в Индийском океане имеет оборонительный характер, поскольку военно-морские силы США оснащены ракетами с ядерными боеголовками, способными поразить советскую территорию². Журнал «Ньюсуик» информировал своих читателей, что ракеты «Посейдон», установленные на подводных лодках типа «Пола-

² См. Far Eastern Economic Review, 1974, May 6.

рис», способны поразить не только Москву, но и Ленинград, если они будут действовать из северо-западной части Индийского океана. Они ставят также под угрозу единственный незамерзающий путь между восточными и западными портами СССР³. В то же время, как считают западные специалисты, советские корабли, плавающие в Индийском океане, не угрожают американским городам.

«Доводы» сторонников эскалации американских военно-морских сил в Индийском океане о нарастающей «советской угрозе», стало быть, повисают в воздухе.

Никто не оспаривает того факта, что советские корабли действительно проходят через Индийский океан. И это вполне естественно. Ведь, как правильно замечают объективные наблюдатели, незамерзающий южный путь представляет собой единственную возможность связать советские порты Дальнего Востока и Черного моря. В соответствии с международным правом советские корабли заходят в порты некоторых государств, расположенных на пути их следования, для заправки горючим, пресной водой и продовольствием. Но Советский Союз никогда не имел, не создавал и не создает сейчас каких-либо военных или военно-морских баз в районе Индийского океана. Об этом официально утверждалось в письме постоянного представителя СССР при ООН от 18 июня 1974 г. Это подтвердил и глава Советского государства Л. И. Брежнев с высокой трибуны XXV съезда советских коммунистов.

В этой связи целесообразно, видимо, сделать еще несколько замечаний. Во-первых, советские корабли, плавающие в международных водах, в том числе и в Индийском океане, в отличие от кораблей США и других империалистических государств не занимаются ни демонстрацией силы, ни шантажом в отношении других стран.

Во-вторых, всему миру известно, что Советский Союз уже длительное время прилагает активные уси-

³ Newsweek, 1973, Nov. 12.

лия, направленные на обеспечение безопасности в Азии, на превращение Индийского океана в зону мира.

Эта позиция была предельно ясно выражена, например, в совместной советско-индийской декларации, опубликованной по завершении визита в Индию Л. И. Брежнева в ноябре 1973 года. Обе стороны, говорится в ней, «подтверждают свою готовность участвовать вместе со всеми заинтересованными государствами на равной основе в изыскании благоприятного решения вопроса превращения Индийского океана в зону мира»⁴. Эта же мысль содержится и в других советско-индийских документах.

В-третьих, вряд ли стоит забывать о неоднократных предложениях Советского Союза Соединенным Штатам предпринять двусторонние акции на равной основе. Такое предложение, например, содержалось в речи Л. И. Брежнева перед избирателями Бауманского района Москвы, произнесенной в июне 1971 года. В Вашингтоне, сказал он тогда, усматривают угрозу в том, что наши корабли появляются в Средиземном море, в Индийском океане, в других морях. Но при этом американские политики считают нормальным и естественным, что их 5-й флот постоянно находится в Средиземном море, что называется, под боком у Советского Союза, а 7-й флот — у берегов Китая и Индокитая. «Мы, — подчеркнул Л. И. Брежнев, — никогда не считали и не считаем идеальным положение, при котором военные флоты великих держав подолгу курсируют за тридевять земель от своих берегов. И мы готовы решать эту проблему, но решать, как говорится, на равных»⁵. Выступая на XXV съезде КПСС, Л. И. Брежнев снова призвал Соединенные Штаты следовать примеру Советского Союза и не строить военных баз в Индийском океане⁶.

⁴ Правда, 1973, 28 ноября.

⁵ Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, с. 376.

⁶ См. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 28.

И, наконец, в-четвертых, вполне очевидно, что шумиха вокруг усиления советского военного присутствия в Индийском океане и несостоятельные утверждения о мифических советских военных базах понадобились не для выработки реалистического подхода к решению проблемы, а для других целей.

Истинные причины усиления американского военного флота в районе Индийского океана кроются не в нейтрализации советского присутствия. Об этом пишут и американские объективные наблюдатели.

Бывший американский посол в Индии Честер Боулс, например, считает, что повода для наращивания американского военного потенциала в Индийском океане не существовало. Диего-Гарсия, писал он на страницах «Нью-Йорк таймс», «символизирует новый пример беспричинного вмешательства Америки в Азии». Честер Боулс не совсем прав. Причина конечно, имеется. Но она далека от официальной версии Вашингтона.

Дело в том, что в последние годы в Азии и Африке произошли значительные перемены, которые оказали заметное влияние на оздоровление политического климата в бассейне Индийского океана, с одной стороны, и на усиление антиимпериалистических настроений во внешней и внутренней политике — с другой.

Победа вьетнамского народа над империалистической агрессией и кардинальные перемены в Индокитае, стойкость арабов, отвергающих сепаратную сделку, развал СЕАТО и СЕНТО, революция в Афганистане и крах монархического режима в Иране — все это содействовало сплочению антиимпериалистических сил, утверждению в Азии реалистической политики, направленной на нормализацию отношений между странами континента.

Под воздействием этих позитивных сдвигов в большинстве стран бассейна Индийского океана активизировалось движение за ликвидацию империалистических блоков и военных баз. Народы азиатского континента в условиях расширявшегося процесса разрядки международной напряженности заметно повысили эффективность борьбы за мир, за

укрепление суверенитета, за ликвидацию остатков колониализма и экономической отсталости.

Наращивание военной мощи в бассейне Индийского океана можно рассматривать как традиционную реакцию империализма, обычно прибегающего к «дипломатии канонерок», а теперь к «дипломатии авианосцев» в целях защиты своих империалистических интересов.

Этот вывод не нуждается в особых доказательствах хотя бы потому, что сами американцы не скрывают своих истинных целей, связанных с наращиванием военного потенциала в зоне Индийского океана. Американское военное присутствие в Индийском океане, говорил О. Зурхеллен, будучи на посту заместителя директора агентства США по контролю над вооружениями и разоружением, необходимо, и оно не связано с действиями советского флота в этом районе. Не в политике СССР, поясняют эту мысль американские эксперты Дж. Кэмпбелл и Х. Карусо, а в политике местных правительств лежит реальная угроза западным интересам, как непосредственным, так и долгосрочным⁷. Интересы США в Индийском океане, говорил адмирал Э. Замуолт в бытность начальником штаба ВМС США, связаны главным образом с важнейшими сырьевыми ресурсами и коммуникациями в этом районе. По словам адмирала, миссия военного флота США заключается в том, чтобы достаточно ощутимо и сильно проявить американское присутствие, дабы никакой потенциальный противник не посмел посягнуть на «наши жизненные заморские интересы»⁸.

Высказывания на этот счет ведущих деятелей администрации Дж. Картера еще более откровенны. «Наша экономика, — сказал в одном из выступлений в конгрессе министр обороны Г. Браун, — стала серьезнейшим образом зависеть от импорта энергетического и другого сырья, а 9% нашего ВВП сейчас создаются благодаря сбыту американских товаров и услуг за границей». Г. Браун добавил, что для за-

⁷ См. Campbell J., Caruso H. The West and the Middle East. N. Y., 1974, p. 45.

⁸ Far Eastern Economic Review, 1974, May 6.

щиты этих источников сырья и оказания помощи проамериканским режимам «мы вынуждены занять стратегическое положение в таких местах, как Персидский залив и Малаккский пролив»⁹.

Неприкрытым цинизмом были насыщены высказывания на этот счет помощника президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского, который на одной из пресс-конференций заявил, что «в случае необходимости мы не задумаемся применить силу»¹⁰. Таким образом, становится очевидным, что резкое наращивание военно-морского потенциала США в зоне Индийского и Тихого океанов в конце 70 — начале 80-х годов лежит в общем русле экспансионистских стратегических планов Вашингтона.

Рейды морской жандармерии

Военно-морские силы США уже неоднократно заявляли о себе как об исполнителе роли «мирового жандарма», состоящего на службе правящих кругов США, призванных обеспечивать силовую поддержку внешнеполитических акций Вашингтона. По данным Брукингского института, за три послевоенных десятилетия американские ВМС использовали 117 раз. В большинстве случаев Пентагон прибегал к помощи авианосцев 7-го флота. Помимо хорошо известной провокации в Тонкинском заливе в 1964 году, положившей начало открытым агрессивным действиям против ДРВ и других стран Индокитая, а также провокации, связанной со шпионским судном «Майагез» у берегов Кампучии, к наиболее опасным операциям ВМС США следует, в частности, отнести заход в Бенгальский залив американской эскадры во главе с авианосцем «Энтерпрайз» в дни борьбы бенгальского народа за независимость в 1971 году. Эскадра получила, видимо, ограниченную задачу: своим присутствием у берегов Индии оказать моральную поддержку реакционерам,

⁹ Цит. по: New Africa (London), 1979, Sept.

¹⁰ U.S. News and World Report, 1979, Apr.

с одной стороны, и деморализующее воздействие на патриотов — с другой.

Через два года, во время октябрьской войны на Ближнем Востоке, американские военные корабли того же 7-го флота подошли к Баб-эль-Мандебскому проливу, чтобы поддержать Израиль демонстрацией силы перед арабами. Тогдашний президент США Р. Никсон приказал привести в состояние боевой готовности американские вооруженные силы во всем мире. Пентагон, не дожидаясь дополнительных конкретных команд, отправил в Персидский залив эскадру военно-морского флота во главе с авианосцем «Хэнкок». И эта демонстрация силы имела целью запугать арабские народы военной мощью США. Если принять во внимание усиление напряженности в те дни в отношениях между арабским миром и Западом из-за нефти, то не вызывает сомнения откровенно враждебный характер миссии «Хэнкока». Бряцание оружием вблизи нефтеносных арабских стран демонстрировало решимость Соединенных Штатов встретить во всеоружии «любую угрозу» западным интересам в стратегически важном районе Индийского океана и Персидского залива. Ведь Персидский залив, по образному выражению газеты «Вашингтон пост», в глазах официальных представителей США всегда представлял собой «заднюю дверь в арабский мир».

В целях устрашения была предпринята и «полудипломатическая» миссия американского авианосца «Констэлейшн», вошедшего вместе с тремя эсминцами и кораблем сопровождения в Персидский залив в ноябре 1974 года. Особенно отчетливо это прозвучало в словах государственного секретаря США Г. Киссинджера, который спустя месяц с небольшим заявил, что Соединенные Штаты не исключают возможности военной интервенции на Ближнем Востоке, если арабские страны будут создавать опасность «удушения индустриального мира». Большим искушением для Вашингтона было намерение послать кораблем 7-го флота в Персидский залив в дни исламской революции в Иране, когда решалась судьба шахского трона. Вашингтон, выступивший в поддержку Мохаммеда Реза Пехлеви, уже отдал на этот счет

соответствующую команду. Вскоре авианосец «Констэлейшн» и группа сопровождения снялись с якорей на филиппинской базе Субик-бей и вошли в воды Индийского океана. Там они передали свою миссию «демонстрации американского флага» эскадре во главе с авианосцем «Мидуэй», которая двигалась в том же направлении с баз на Японских островах.

«Мидуэй» оказался своеобразным маяком, на радиосигналы которого шли другие бронированные чудовища. К середине марта 1980 года он находился в окружении двух собратьев по боевой мощи — авианосцев «Китти Хок» и «Нимиц», а также 30 других военных кораблей, в том числе вертолетоносца «Окинава», доставившего к берегам Персидского залива 1800 десантников, готовых ринуться на любой близлежащий объект, который укажет генерал Поль Келли, водрузивший 1 марта 1980 г. флаг «корпуса быстрого реагирования» на одной из военно-воздушных баз во Флориде.

Военно-морские силы США, осуществляющие подобную силовую дипломатию, угрожают народам почти 40 стран, проживающим вблизи вод Индийского океана. По признанию бывшего министра обороны США Дж. Шлесинджера, с октября 1973 года эскадры 7-го флота, насчитывающие 286 военных кораблей, в том числе 7 авианосцев, и 2100 боевых самолетов¹¹, регулярно совершают устрашающие рейды в Индийский океан. Видимо, Пентагон взял на вооружение рекомендации адмирала Э. Замоулта, цинично утверждавшего, что для гражданина технически менее развитого общества «нет ничего убедительнее, чем визит эсминца». Демонстрация силы на море, вторят ему коллеги по службе, в высшей степени эффективна именно в бывших колониях, которым в прошлом приходилось быть объектами нападения с моря.

Но рискованная игра Вашингтона, имеющая целью запугать Вьетнам и Кампучию, Лаос и Индию, Бирму и Бангладеш, Шри Ланку и арабские страны, Иран и Афганистан, а также народы других госу-

¹¹ Новое время, 1975, № 52, с. 10.

дарств, расположенных на побережье Индийского океана, протянувшегося на 20 тыс. км, чревата опасными последствиями для всеобщего мира, а стало быть, и для самих Соединенных Штатов.

Поводом для концентрации американских военно-морских сил в Аравийском море послужили революционные события в Иране, потрясшие военно-экономическую конструкцию, десятилетиями возводившуюся США в районе Персидского залива. Вашингтон забил тревогу не только потому, что он терял контроль над богатой нефтью страной и лишался услуг шаха. Заправил западного мира пугали перспективы развития событий по иранскому образцу, которые могли перекинуться на все страны Ближнего Востока.

В целях защиты интересов монополий администрация Дж. Картера еще в июне 1979 года приняла принципиальное решение компенсировать потерю иранского союзника путем сколачивания в районе Персидского залива новых военных альянсов и параллельного наращивания собственного военного потенциала в регионе.

Впрочем, ядро нового союза зародилось еще в ходе отработки условий израильско-египетского «мирного договора». Дж. Картер, как известно, принял самое непосредственное участие в сепаратной сделке, и ему удалось навязать партнерам обязательства по защите американских интересов на Ближнем Востоке. Вскоре после того, как США «потеряли» Иран, газетчики заговорили о готовности египетского президента А. Садата выполнять жандармские функции, которые прежде выполнял шах Ирана.

Вашингтону хотелось бы расширить состав участников нового блока с включением в него таких государств, как Саудовская Аравия, Северный Йемен, Иордания. Но правящие круги этих стран, в том числе король, а также наследный принц и министр иностранных дел Саудовской Аравии, публично высказались против союза и даже против слишком откровенного американского военного присутствия в районе стыка трех континентов. И тем не менее Вашингтон не терял надежды и продолжал наращивать усилия в этом направлении. В ходе третьего визита Са-

дата в Израиль, состоявшегося в начале сентября 1979 года, египетский президент дал согласие на формирование совместного с Израилем воинского подразделения, которое якобы должно наблюдать за эвакуацией израильских войск с территории Синая. Но в условиях, когда американская администрация Дж. Картера добивалась использования кэмп-дэвидских соглашений в своих неокOLONиалистских целях, было трудно скрыть главную цель сближения недавних противников. Ему непременно придавалось значение ядра будущего военного блока, который может быть использован в качестве «пожарной команды» Вашингтона, тем более что и Бегин, и Садат уже изъявили свою готовность на этот счет.

Пентагон давно добивается «нового и значительного присутствия» на Ближнем Востоке. И Белый дом идет ему навстречу. Еще до обнародования новой стратегии, нацеленной на подрыв устоев разрядки, на этот счет разрабатывались конкретные планы. Как сообщила кувейтская газета «Ас-Сияса», 21—22 июля 1979 г. в Вашингтоне состоялось важное совещание, в котором приняли участие государственный секретарь С. Вэнс, министр обороны Г. Браун, помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский, а также министр энергетики Шлесинджер. Как стало известно газете, правящая верхушка США выработала план, который предусматривал постоянное присутствие американского флота на островах Масира и Бахрейн, дислокацию ударного военного судна «Лассаль» и двух других кораблей в водах Аравийского моря и Персидского залива. Тогда же рассматривался вопрос о создании ракетной базы на Синайском полуострове¹².

Подобные приготовления наряду с созданием «корпуса быстрого реагирования» вызывают большую озабоченность общественности стран Ближнего и Среднего Востока.

И это вполне понятно. Ведь страны континента, в частности Шри Ланка и Индия, давно выступают за превращение Индийского океана в зону мира. На

¹² См. Ас-Сияса, 1979, 20 авг.

третьей конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшейся в Лусаке в 1970 году, было принято решение обратиться в ООН с просьбой принять соответствующую декларацию. XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшаяся годом позже, рассмотрела это положение и вынесла позитивное решение.

В соответствии с принятой декларацией в Индийском океане должны быть ликвидированы все иностранные военные базы, никто не должен размещать там ядерное оружие, ничьи военные суда и боевые самолеты не должны использовать Индийский океан для угрозы силой или ее применения против суверенитета, территориальной целостности и независимости любого прибрежного или материкового государства.

В то же время в декларации было оговорено: при условии соблюдения всеми государствами этих основных принципов сохранения мира, а также норм и принципов международного права не должно затрагиваться право свободного и беспрепятственного использования этой зоны судами всех наций.

Не все формулировки декларации ООН были достаточно четкими. Но общее ее направление не вызывало сомнений — это было концентрированное выражение глубокого стремления большой группы государств создать в регионе надежную структуру мира.

Как говорилось выше, Советский Союз никогда не участвовал и не участвует ни в каком военном соперничестве в Индийском океане. Он не создавал и не создает там военных баз, не разворачивает там своих стратегических сил. Ни разу советские военноморские силы не проводили там никаких военных демонстраций, не создавали угрозу безопасности прибрежных государств.

Советский Союз, следовательно, не несет ответственности за военную напряженность в Индийском океане. В то же время он с пониманием относится к заботам прибрежных стран и делом откликнулся на рекомендации ООН. Советское правительство изъявило готовность вместе с другими государствами искать пути к сокращению на взаимной основе воен-

ного присутствия в океане неприбрежных государств. Эта готовность в конце концов вылилась в двусторонние советско-американские переговоры по Индийскому океану, которые начались в июне 1977 года.

Однако игра Вашингтона в мир продолжалась недолго. Уже в феврале 1978 года администрация Дж. Картера в одностороннем порядке прервала переговоры с Москвой. В июне 1979 года в ходе венской встречи Л. И. Брежнева и Дж. Картера была достигнута договоренность о возобновлении двусторонних переговоров по Индийскому океану. Но буквально через три дня после этого в Белом доме состоялось совещание внешнеполитических советников президента США, рекомендовавших принять широкие меры для подтверждения американского военного присутствия в Индийском океане.

Двуличие политики Вашингтона в районе Индийского океана проявилось и в ходе совещания государств Индийского океана, состоявшегося в июле 1979 года в штаб-квартире ООН. Выступивший на совещании представитель США не отвергал идею зоны мира напрямик. Но он выдвинул массу оговорок, которые выхолостили все содержание декларации ООН. На заключительной встрече американский представитель признался, что США не могут поддержать ряд положений заключительного документа и вообще не ассоциируют себя с решениями совещания.

Точку над «i» Вашингтон поставил на сессии совета блока АНЗЮС, состоявшейся в феврале 1980 года. Тройка, заседавшая в американской столице, не только поддержала отказ США от переговоров с СССР по Индийскому океану, но и постановила подключить Австралию и Новую Зеландию к рискованному курсу Вашингтона, активизировавшего военные приготовления в районе Персидского залива. В чем конкретно это может проявиться? Прежде всего в бряцании оружием. Как отмечается в коммюнике, консервативное правительство Австралии взяло на себя обязательство развернуть в Индийском океане в 1980 году крупную ударную группу военно-морских сил, к которой будет подключен авианосец «Мельбурн». Австралия, заявил премьер-министр М. Фрей-

зер, уже активизировала военно-морское патрулирование и разведку в Индийском океане¹³.

Вызывающей демонстрацией в поддержку такого курса выглядит сосредоточение военно-морских сил США в водах Аравийского моря и Персидского залива. К концу октября 1980 года там находилась самая крупная со времен второй мировой войны военно-морская армада США, впервые там размещены военно-морские десантники, готовые по первому приказу Пентагона высадиться в любой стране Северо-Восточной Азии для «защиты национальных интересов США».

¹³ Time, 1979, Dec 24.

В июле 1953 года в тегеранском аэропорту прошел пограничный контроль иностранец, предъявивший американский паспорт. Он прибыл в Иран, как было записано в анкете, с целью «навестить старых друзей». В первые дни пребывания в столице Ирана американец, известный среди «друзей» под именем Ким, довольно часто менял квартиры, пока, наконец, не обосновался в темном подвальном помещении в пригороде Тегерана.

О том, какие дела вершились там в течение нескольких последующих недель, один из сотрудников американской разведывательной службы позже рассказывал так: «В этом подвале была подготовлена одна из самых успешных операций ЦРУ, которая была проведена прямо-таки в стиле Джеймса Бонда».

Теперь стало известно подлинное имя американского разведчика. Им был тогдашний шеф ближневосточного бюро ЦРУ Кермит Рузвельт (внук Теодора Рузвельта, президента США в 1901—1909 гг.), числившийся по документам под фамилией Локриджа. После тщательной подготовки, как рассказал К. Рузвельт корреспонденту газеты «Лос-Анджелес таймс» в 1979 году, была успешно осуществлена операция «Аякс», разработанная ЦРУ с целью отстранения Мохаммеда Мосаддыка от должности главы иранского правительства.

19 августа 1953 г. утром К. Рузвельт пригласил в свою «резиденцию» пятерых посвященных в планы ЦРУ агентов секретной службы Ирана и дал им соответствующие указания и деньги в сумме 75 тыс. долл. Эти деньги агенты роздали членам многочисленных тегеранских клубов силовых видов спорта.

Примерно к середине дня улицы Тегерана заполнила толпа боксеров, борцов, тяжелоатлетов и других спортсменов. К процессии присоединились полицейские и солдаты в штатской одежде — такой, какую обычно носят в Иране рабочие.

Лавина наемных демонстрантов неудержимо прокладывала себе путь к цели — дому Мохаммеда Мосаддыка. Старый больной человек вынужден был бежать в пижаме через потайной подземный ход. Внешне все это сильно походило на хорошо отрепетированный спектакль. Кермиту Рузвельту удалось осуществить одну из наиболее успешных операций американской секретной службы и выиграть важное сражение во имя интересов нефтяных концернов своей страны.

Когда К. Рузвельта посылали в Тегеран, вопрос о путче был уже чисто организационным делом. Вслед за ним в иранской столице появился американский генерал Шварцкопф, который в 40-х годах реорганизовал на американский манер иранскую полицию. И ему тоже хотелось всего лишь «навещать старых друзей». Иранские газеты требовали выдворить из страны этого «известного агента американской разведки». Но у Шварцкопфа был дипломатический паспорт. Кроме того, все «услуги» он щедро оплачивал долларами. Генерал встретился с одним из своих коллег прежних времен — бывшим шефом полиции и министром внутренних дел Фазлоллой Захеда. В частной беседе Шварцкопф оповестил его о том, что тот вскоре может стать премьер-министром.

Американцы сдержали слово. После возвращения шаха из Рима, куда он на время удалился по рекомендации Вашингтона, пост премьер-министра получил генерал Захеда, отец Адешира Захеда — последнего посла шахского Ирана в США, который, по признанию резидента ЦРУ К. Рузвельта, был в дни переворота одним из местных агентов американской разведки.

Узаконенное беззаконие

«Когда в какой-либо стране возникает опасность прихода к власти коммунистов, мы не можем ждать,

пока нас вежливо попросят о помощи». Так прокомментировал А. Даллес, тогдашний глава ЦРУ, операцию по свержению М. Мосаддыка.

Цинично? Совершенно верно. И к тому же нелогично. Глава ЦРУ не мог не знать, что М. Мосаддыка никак нельзя было причислить к коммунистам, тем более что подчиненные Мосаддыка характеризовали своего премьера как яркого антикоммуниста и считали, что иранская компартия выступает за отстранение Мосаддыка от власти.

Мосаддык был типичным представителем национальной буржуазии. Однако он осмелился поднять руку на всемогущую Англо-Иранскую нефтяную компанию, национализировал нефтяную промышленность и тем самым поставил заслон золотому потоку, устремлявшемуся десятки лет с нефтяных полей страны в сейфы западных монополий. Он позволил себе игнорировать даже советы Вашингтона и соблазнительные предложения американских нефтяных компаний.

Расправа была жестокой. М. Мосаддыку был приклеен ярлык «изменника родины», с которым он три года провел за тюремной решеткой.

Впоследствии руководители ЦРУ уже не скрывали, что в их понимании коммунисты — это не только лица, придерживающиеся марксистских убеждений, но и все те, кто выступает против всеохватывающих интересов американского монополистического капитала. Как заявил в сенатской комиссии А. Даллес, США должны решать проблему враждебных идеологий с точки зрения противоборства «демократии и коммунизма» не только в сфере отношений между Советским Союзом и западными странами, но и при внутренних политических конфликтах в странах Европы, Азии и Южной Америки.

В первые годы после создания ЦРУ перед ним была поставлена довольно скромная задача: собирать за рубежом секретные сведения о деятельности различных министерств и ведомств, анализировать их и затем в форме докладов представлять Белому дому. Однако уже через два года, говорится в докладе сенатской комиссии, опубликованном в начале июня 1976 года, ЦРУ приняло на себя функции,

«весьма значительно» отличавшиеся от первоначальных, и вскоре превратилось в орудие тайных операций американской дипломатии.

Такой трансформации содействовал закон, принятый конгрессом США в 1949 году, который разрешал ЦРУ выполнять по указанию Совета национальной безопасности «другие функции», брать на себя «другие обязанности», связанные с «информационной» деятельностью.

Эта расплывчатая формулировка предоставляла агентуре ЦРУ свободу действий для проведения тайных операций, то есть право негласно вмешиваться во внутренние дела других стран.

Агенты ЦРУ создали сеть «общественных фондов» и организаций, через которые американская разведывательная служба финансировала партии, студенческие и культурные объединения, не вызывая при этом серьезных подозрений. Стало известно, например, что ЦРУ участвовало в финансировании «Международного союза молодых специалистов». Оно направляло деньги для головной организации через замаскированный фонд в Нью-Йорке, именованный «Фондом по делам молодежи и студентов», с целью дезорганизовать массовые мероприятия, проводившиеся в рамках всемирных фестивалей молодежи и студентов. Выяснилось также, что молодые провокаторы, организовавшие в 1959 году в Вене «антифестиваль», были подкуплены Центральным разведывательным управлением США.

Со временем «тайная империя», как окрестила ЦРУ международная общественность, превратилась в крупнейшую террористическую службу, занимающуюся международным разбоем. ЦРУ организует заговоры с целью свержения неугодных Вашингтону правительств, совершает убийства государственных, политических и общественных деятелей. Его 12 тыс. агентов готовят фальшивки, дискредитирующие руководителей движений, провоцируют и разжигают противоречия между политическими деятелями, подрывают моральные, политические и экономические устои развивающихся государств. По приказам ЦРУ ученые и инженеры конструируют спутники-шпионы и электронную аппаратуру для подслушивания. ЦРУ

содержит войска наемников, готовит экстремистские организации, имеет собственную авиацию. Как показывают документы и свидетели, в основном бывшие участники операций, ЦРУ сыграло зловещую роль в смене правительств в Иране и Гватемале, Сомали и Бразилии, Эквадоре и Чили, Южном Вьетнаме и Лаосе, Индонезии и Кампучии, Кипре и Афганистане.

С «департаментом грязных дел» связаны убийства Патриса Лумумбы, Сальвадора Альенде, Нго Динь Дьема, покушения на жизнь Фиделя Кастро, Гамаль Абдель Насера и других национальных деятелей развивающегося мира.

Когда бывшего агента ЦРУ Е. Говарда Ханта спросили во время суда над так называемыми ремонтниками Белого дома, чем он занимался на протяжении 20 лет своей работы в ЦРУ, последовал весьма циничный ответ: подрывной деятельностью против видных деятелей за границей, свержением правительств и другими подобными делами.

«Все средства хороши»

В тайных операциях ЦРУ используются не только кадровые разведчики, но и широкий круг людей самых различных специальностей, имеющих отношение к международным связям.

В ходе расследования, проведенного сенатом США, выяснилась причастность к ЦРУ журналистов, дипломатов, деловых лиц, студентов и «Корпуса мира». На американскую разведку работали, например, послы Фрэнк Карлуччи (в Португалии) и Герман Эйтлс (в Египте), сотрудники информационных агентств ЮПИ и АП, специальные радиостанции и различные филантропические организации, такие как, например, «Фонд Азии».

В сетях ЦРУ оказались американские университеты и колледжи. Директор Центра исследований национальной безопасности США М. Гальперин (в прошлом сотрудник Совета национальной безопасности) сообщил, что ЦРУ располагает секретной сетью в более чем 100 высших учебных заведениях страны.

Агенты этого ведомства, подчеркнул он, официально числятся администраторами, профессорами, студентами, ведут активную вербовочную деятельность, обращая особое внимание на обучающихся в США иностранных граждан. В последнее время особенно интенсивной обработке подвергаются иранские студенты¹.

ЦРУ прибегало к самым разнообразным формам проникновения в среду той или иной страны для получения соответствующей информации о деятельности правительств, политических партий, отдельных государственных и общественных деятелей. Среди них поддержание «особых отношений» с ведущими политическими деятелями; подкуп официальных лиц от начальников полиции до глав государств или правительств; тайное финансирование избирательных кампаний наряду с использованием грязных методов противодействия оппозиционным кандидатам; разжигание религиозных и родовых предрассудков населения, ведение тайной пропаганды, поставка оружия своей агентуре, сепаратистским элементам и реакционным экстремистам; проведение подрывных экономических операций и многих других провокационных акций.

Нет надобности доказывать, что все эти и многие другие операции ЦРУ противоречат основным принципам международного права, и это обстоятельство, естественно, вызывает серьезное беспокойство у международной общественности. Ведь ЦРУ — это не частная лавочка какого-то предприимчивого бизнесмена. За ним стоит правительство самого могущественного государства современного капиталистического мира.

Скандальные разоблачения подрывной деятельности ЦРУ получили настолько громкую огласку, что делами «тайной» империи были вынуждены заняться специальная комиссия Белого дома и комиссия сената США. Проанализировав горы документов и опросив десятки свидетелей, комиссия сената признала, что она все же пока не готова дать всеобъемлющую оценку деятельности ЦРУ, но уже выявленные ею факты достаточно ярко свидетельствуют о

¹ См. Правда, 1980, 26 февр.

«преступном характере» акций, предпринимавшихся ЦРУ.

Как установила сенатская комиссия, ЦРУ расходовало свыше половины своего бюджета на проведение тайных операций. По другим данным, на тайные операции расходуются $\frac{2}{3}$ ежегодного бюджета ЦРУ, составляющего примерно 750 млн. долл.

Впрочем, эта сумма бюджета довольно условная, поскольку она учитывает лишь правительственные ассигнования. Но помимо этого управление расходует огромные суммы денег, поступающих к нему косвенным путем. Пентагон, например, ассигнует ЦРУ сотни миллионов долларов на выполнение технических программ, таких как воздушная разведка, главным образом с использованием спутников-шпионов, принадлежащих ЦРУ. Свыше 10 лет ЦРУ вело тайную войну в Лаосе, на которую ежегодно расходовалось 500 млн. долл. Большая часть этой суммы поступала из бюджета Пентагона. ЦРУ имеет и другие скрытые источники пополнения своего бюджета. Оно содержит, например, специальные авиатранспортные компании, которые позволяют ежегодно пополнять его бюджет на десятки миллионов долларов за счет коммерческих воздушных перевозок для других ведомств правительства.

По подсчетам индийского публициста Далджита Сена Адела, ЦРУ отчитывается за 6 млрд. долл. Все же Соединенные Штаты расходуют на различные секретные службы до 25 млрд. долл. в год².

Собственная авиация постоянно используется ЦРУ и для проведения тайных операций самого широкого диапазона, начиная от доставки агентов или диверсантов в соответствующий пункт назначения и кончая вооруженными акциями.

18 мая 1958 г. в районе порта Амбон (Молуккские острова) был сбит американский бомбардировщик «В-26», совершивший обстрел кораблей военно-морского флота Индонезии. Плененный летчик признал, что его имя Аллан Лоуренс Поуп и что он является гражданином США. Но как он оказался на стороне

² См. Adel D. S. Danger of CIA. New-Delhi, 1976, p. 54.

индонезийских мятежников? Кто его хозяева? Кому принадлежал сбитый самолет, на котором не было никаких опознавательных знаков?

Поуп был вынужден назвать неизвестную авиационную компанию «Сивил эйр транспорт», в которой этот бывший американский лейтенант служил за большое вознаграждение, выполняя «специальные задания».

Аллан Поуп утверждал, что он не знает, кому принадлежит компания и каким образом она установила связь с индонезийскими мятежными силами. Даже американский консул, прибывший на место происшествия из Джакарты, не знал или делал вид, что не знал ни такой службы, ни причин появления этого человека в индонезийском небе.

Как обычно бывает в таких случаях, официальный Вашингтон попытался отмежеваться от террориста. Президент Д. Эйзенхауэр ничего не мог сказать на этот счет и использовал тезис о том, что Соединенные Штаты проводят политику нейтралитета и не поддерживают ни одну из индонезийских сторон. Поупа он назвал наемником, решившим испытать свою судьбу.

Американской администрации удалось ввести в заблуждение часть общественности. Даже обычно хорошо информированная газета «Нью-Йорк таймс» попала на удочку опровержений Белого дома и пыталась обелить Аллана Поупа, находившегося на службе ЦРУ. Как потом стало известно, управление выполняло приказ президента США, распорядившегося оказать помощь индонезийским мятежникам, развернувшим тогда антиправительственные операции на Суматре, Сулавеси и Молуккских островах.

Лишь немногие люди знали тогда и о том, что «Сивил эйр транспорт» (СЭТ) — это замаскированная фирма, находившаяся в ведении ЦРУ. В течение нескольких лет ЦРУ создало на базе компании СЭТ целую сеть авиационных фирм, что сделало американскую разведку владельцем одного из крупнейших воздушных флотов в мире, под «крышей» которого проводились тайные операции, в том числе и боевые.

Летчики СЭТ вместе с «летающими тиграми» генерала Клэйр Чинолта воевали еще на стороне Чан

Кайши против революционной армии Китая. Когда Чан Кайши был изгнан в 1949 году с материка и обосновался на Тайване, СЭТ последовала за ним. Летчики этой компании стали выполнять самые авантюристические задания ЦРУ. Они, в частности, доставляли боеприпасы и продовольствие французской колониальной армии, оказавшейся в окружении во Вьетнаме в районе Дьен Бьен Фу. После победы национальных сил и подписания Женевских соглашений по Индокитаю в 1954 году самолеты СЭТ сбрасывали на территорию Демократической Республики Вьетнам южновьетнамских агентов, где ЦРУ пыталось создать подпольную диверсионную сеть. Самолеты «департамента грязных дел» совершали разведывательные полеты вдоль китайской границы, сбрасывали бомбы на индонезийские города и военные объекты, на патриотов в Лаосе.

Задачи СЭТ росли по мере того, как Соединенные Штаты расширяли свое вмешательство в дела Азии. В конце 50-х годов ЦРУ основало три новые авиакомпании: «Эйр Эйша», «Эйр Америка» и «Сазерли эйр транспорт».

Оборот новых компаний исчислялся многими миллионами долларов. На прибыли, поступавшие от транспортных услуг, ЦРУ в течение многих лет финансировало дорогостоящие тайные операции, отказываясь от государственных дотаций, и тем самым избегало контроля со стороны официальных финансовых служб.

Пожалуй, наиболее грязные следы ЦРУ оставило в Индокитае, где оно в течение десятков лет вело широкую тайную войну. Первые «тихие американцы» появились в регионе еще в конце второй мировой войны в качестве представителей союзных держав в антифашистской коалиции и «друзей» вьетнамского народа. В годы борьбы народов Индокитая против французского экспедиционного корпуса, посланного на субконтинент с целью восстановления прежних колониальных порядков, эти «друзья» активно действовали в Сайгоне и Ханое, Пномпене и Вьентьяне, вербуя агентуру, убирая ненужных и ставя на важные посты нужных Вашингтону людей.

После Женевских соглашений по Индокитаю ЦРУ

изменило формы своей деятельности. Помимо традиционных занятий, заключавшихся в шпионаже, устранении прогрессивных лиц, поисках марионеток и «запасных номеров» на случай их падения, оно сколотило в странах Индокитая настоящий азиатский иностранный легион.

Во Вьетнаме действовала 45-тысячная армия наемников, которая именовалась «иррегулярной гражданской гвардией обороны». Из ее состава агенты ЦРУ набирали террористические банды, дотла сжигавшие деревни, жители которых симпатизировали патриотам из Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Они угоняли и убивали «подозрительных лиц», осуществляли зверские пытки, добиваясь показаний от пленных бойцов Народных вооруженных сил освобождения.

Выступая в 1971 году в комиссии конгресса США, тогдашний директор ЦРУ У. Колби сообщил, что его террористические банды убили за два с половиной года более 20 тыс. «подозрительных вьетконгцев». Данные явно занижены. Даже сайгонский режим приводил цифру, далеко превышающую 40 тыс. человек.

Агентами ЦРУ была сколочена также 10-тысячная армия «Кхмер-серей» в Камбодже. Сразу же после свержения Сианука в 1970 году командос из отрядов «Кхмер-серей» были высажены с американских самолетов в Пномпене и в северо-восточных районах Камбоджи, где они занялись террором под командованием американских инструкторов.

В Лаосе разбойничало несколько карательных групп. В северных районах действовала 17-тысячная армия, сколоченная из солдат-горцев народности мео, которой командовал ставленник ЦРУ генерал Ванг Пао. В Центральном и Южном Лаосе под командой ЦРУ орудовали специальные части из племени лаотунг.

«Эйр Америка» держала в Лаосе до 400 пилотов и 2000 человек наземного персонала, которые использовались в качестве «пожарной команды», готовой осуществить любое задание в любом районе Индокитая по приказу хозяев из ЦРУ. Пилотами фирмы в большинстве своем были бывшие армейские офицеры США, которые, по рассказам очевидцев, «охотно»

рисковали головой, получая до 100 тыс. долл. в год. Короче говоря, ЦРУ осуществляло в Индокитае крупные и наиболее рискованные операции. Оно израсходовало там миллиарды долларов, используя десятки тысяч агентов, солдат, офицеров различных национальностей. Но успеха не добились. Соединенные Штаты не сумели покорить свободолюбивые народы и были вынуждены ретироваться из Индокитая. Тем не менее ЦРУ не свернуло свою грязную деятельность на субконтиненте и после заключения Парижского соглашения по Вьетнаму. Факты показывают, что после ухода американских войск из Индокитая тайные операции развернулись там с новой силой. Они были направлены на срыв перемирия сторон во Вьетнаме, ставили преграды на пути к реализации соглашений, достигнутых в Париже.

«Тихие американцы» орудуют практически во всех странах Азии. Продолжается зловеющая деятельность ЦРУ в Индии. Спецслужбы «подкармливают» правые реакционные партии, особенно в ходе предвыборных кампаний, пытаются использовать некоторые неустойчивые элементы из числа членов парламента, ученых, преподавателей, журналистов.

Бывший посол США в Индии Д. Мойнихэн назвал два случая, когда Вашингтон «вмешивался в политическую жизнь Индии», снабжая деньгами одну из партий. Оба раза это было сделано «в связи с возможностью победы коммунистов на выборах в законодательные собрания штатов — один раз в Керале, а другой раз — в Западной Бенгалии»³.

В 1974 году в Индии обратили внимание на подозрительную деятельность Питера Бурлея, сотрудника генерального консульства США в Калькутте. Где бы он ни появлялся, всюду оставлял после себя грязные следы. Стоило Бурлею посетить в 1972 году Ассам, как вскоре после этого там вспыхнули межплеменные столкновения. Американский «дипломат» побывал в ряде городов Бихара, после чего в штате начались волнения, разжигаемые правыми реакционными силами. Визит Бурлея в Мизорам завершился

³ Foreign News and Features (Delhi), 1979, Apr.

покушением на жизнь заместителя губернатора этой территории.

Комментируя события, связанные с поездками Бурлея по стране, индийская пресса допускала возможность случайного совпадения его визитов и следовавших за этим беспорядков. Но ее преследовали вполне обоснованные сомнения: уж слишком много было таких «совпадений».

Вопрос о деятельности американских дипломатов в Индии обсуждался в законодательном собрании штата Западная Бенгалия. Депутаты дополнили список «случайных совпадений» между визитами Бурлея и активизацией волнений на местах. Подчеркивалась при этом подозрительная связь Бурлея с реакционными партиями и проимпериалистическими силами.

Массовая демонстрация, состоявшаяся в те дни в Калькутте, потребовала немедленного выдворения из Индии П. Бурлея и ему подобных «тихих американцев». К их числу, как отмечала газета «Пэтриот», относятся и некоторые американские «туристы», зачистившие в пограничный штат Джамму и Кашмир. Газета подчеркивала, что, как показывают факты, агенты ЦРУ пытаются спровоцировать религиозные волнения и выступления сепаратистов в этом штате.

Подрывная деятельность ЦРУ в Индии направлена на ослабление и дискредитацию крупнейшей неприсоединившейся страны, осмелившейся не только придерживаться независимого курса во внутренней и внешней политике, но и осуждать империалистическую политику Запада, требовать равноправия в политических отношениях и экономическом сотрудничестве.

Подрывная деятельность ЦРУ резко активизируется, когда над экономическими интересами западных монополий, над политическим престижем империализма в Азии нависает непосредственная угроза. В этих случаях усиленные «пожарные команды» ЦРУ молнией устремляются на место «возгорания», не считаясь ни с какими общепринятыми нормами, используя все методы и средства, включая самые грязные и жестокие, для достижения поставленных перед ними целей.

Почерк ЦРУ легко просматривается, например, в ходе свержения гражданского правительства Сени Прамота в Таиланде. На этот раз реакционеры использовали в своих коварных замыслах патриотические чувства прогрессивных слоев студенчества.

Как известно, в октябре 1973 года студенты Таммасатского университета в Бангкоке сыграли важную роль в свержении «триумvirата драконов» во главе с маршалом Таномом Киттикачоном. В августе 1976 года они заставили покинуть страну «правую руку» Киттикачона фельдмаршала Чарусатиена, самовольно вернувшегося из изгнания. Видимо, по заранее разработанному плану в сентябре в Бангкок пожаловал сам экс-диктатор. Он обосновался в монашеской келье и категорически отказывался покинуть страну, как этого требовали прогрессивные круги тайландской общественности.

Вполне естественно, что негодование населения против этого политического компрадора, тесно связанного с американским ЦРУ, руки которого обогреты кровью патриотов, росло изо дня в день. Требования студентов переросли в гневные манифестации. Этого, вероятно, и ждали заговорщики.

Против патриотически настроенной части студентов были брошены головорезы из организации «Красные буйволы». Они спровоцировали столкновение 6 октября, в ходе которых линчевали и сжигали на кострах студентов. Кровавые акции, унесшие жизни более 40 человек и оставившие на территории университетского городка кровь более 200 студентов, послужили поводом для вмешательства полиции и армии, стоявших наготове.

Кто такие «красные буйволы»? Это правая прозападная группировка, сообщал из Бангкока корреспондент агентства «Ассошиэйтед пресс». «Красные гауры» (буйволы), уточнял его коллега из ЮПИ Аллан Доусон, — это организация, численность которой остается неизвестной, состоящая главным образом из «бывших наемников американского Центрального разведывательного управления в Лаосе». В Таиланде, добавлял он, они выступали в последние годы против левых студенческих организаций, требовавших вывода американских войск из страны.

И действительно, именно «красные буйволы» спровоцировали беспорядки на улицах Бангкока 21 марта 1976 г. Пластиковая бомба, брошенная ими в десятитысячную колонну демонстрантов, унесла несколько студенческих жизней и ранила более 80 человек. Уже тогда сведущие люди говорили, что за «красными буйволами» стоят правые политические партии и офицеры из высшего командования, связанные с американцами.

Об идейной сущности террористов можно судить и по их публичным высказываниям. Таиланду, утверждал тогда один из руководителей «буйволов» Сучат Прапайхом, все еще необходимо американское военное присутствие. Если гражданское правительство, гремел он на одном из митингов, не способно справиться с «коммунистической деятельностью», то есть с антиамериканскими демонстрациями, то, по его мнению, военным следует выйти из казарм и взять на себя ответственность за «обеспечение порядка».

В последние месяцы, писала тогда «Юманите», американские секретные службы, в первую очередь ЦРУ, действовали в Таиланде открыто, поставляя огромные деньги на подрывную деятельность. 65 млн. долл., по ее данным, ЦРУ израсходовало в ходе предвыборной кампании в Таиланде для того, чтобы организовать убийства демократов и поддерживать реакционные партии.

Широкий резонанс деятельность «тихих американцев» получила в арабских странах, а также в Иране в ходе борьбы за свержение монархии и утверждение республики. Патриоты, в том числе и аятолла Р. Хомейни, не без оснований относят на счет ЦРУ разжигание националистических страстей в Иране, обострение отношений между политическими группировками и даже политические убийства таких, например, деятелей, как генерал Гарани или служители культа М. Матхари и А. Монтазари. Именно «американские элементы», сказал в одном из публичных выступлений аятолла Хомейни, стремятся сеять хаос и раскол среди различных групп иранского народа с целью ликвидации революционных завоеваний. «Я имею достаточно оснований утверждать, — подчеркнул иранский религиозный лидер, — что

многие заговоры против исламской революции — дело рук американского империализма»⁴.

Особое внимание Запад уделяет тому, чтобы дискредитировать левые силы Ирана, возложить на них ответственность за неустойчивость и политический хаос. Но и этот отвлекающий маневр был разоблачен. Кампания по обвинению левых прогрессивных сил и попытки приписать им убийство аятоллы Матхари не имеет под собой почвы, заявил в мае 1979 года в интервью кувейтской газете «Аль-Ватан» внук аятоллы Хомейни Сайед Хосейн Хомейни. Он подчеркнул при этом, что следует проводить грань между действительно прогрессивными левыми силами, к которым относится Народная партия Тудэ, и левыми экстремистскими силами, руководители которых тесно связаны с Центральным разведывательным управлением США, финансируются американцами и выполняют их волю. Не вызывает сомнения, что в убийстве аятоллы Матхари замешаны Соединенные Штаты, которые замаскировали свое преступление, прикрываясь левоэкстремистскими элементами.

Убийством аятоллы Матхари, пояснил С. Х. Хомейни, американцы преследовали цель отвлечь внимание иранского народа от враждебной деятельности США в Иране, направить гнев народа против левых сил. Именно агентура США пыталась представить аятолле Матхари одним из основных противников левого движения, с тем чтобы подкрепить обвинения в адрес левых сил и приписать им его убийство. На самом деле аятолла Матхари, начиная с того времени, когда он был преподавателем в университете, тесно сотрудничал с левыми силами.

Указывая на опасность американских планов, которые осуществляются с целью разжигания вражды по отношению к левым силам, С. Х. Хомейни подчеркнул необходимость четкого разъяснения всех обстоятельств дела иранскому народу. США используют экстремистов всех мастей, и в частности левацких, чтобы опорочить само название «левый», заявил

⁴ Известия, 1979, 21 апр.

он, указав еще раз на связь руководителей этих сил с США. Этой же точки зрения придерживается и лидер иранской революции аятолла Р. Хомейни, который неоднократно указывал, что народ не должен забывать о той неблагоприятной деятельности, которую играют США в Иране. В феврале 1980 года были преданы гласности новые факты подрывной деятельности ЦРУ в Иране. На состоявшейся в Тегеране пресс-конференции студентов — последователей аятоллы Хомейни журналистам были показаны обнаруженные в посольстве США документы, свидетельствующие о том, что командующий военно-морскими силами страны адмирал Алави до последнего времени находился на службе ЦРУ. Этот и другие факты говорят о том, что Вашингтон не сложил оружия и продолжает использовать любые средства для того, чтобы восстановить позиции США в Иране.

Широкую подрывную деятельность проводит ЦРУ против Афганистана, особенно после того, как в апреле 1978 года там победила народно-демократическая революция. Индийский журнал «Блиц» со ссылкой на информированные американские круги сообщил, что Вашингтон по настоянию ЦРУ решил даже «принести в жертву» своего посла в Кабуле Адольфа Дабса.

План подготовки жестокого убийства дипломата, писал «Блиц», был разработан в Пакистане на встрече руководителей «афганских повстанцев», которую организовал 18 января 1979 г. агент ЦРУ Льюис Адамс. Не прошло и месяца, как намеченная операция была четко реализована циничными исполнителями воли руководителей американских спецслужб. Возникает много недоуменных вопросов, когда знакомишься с деталями развития трагического события. Прежде всего А. Дабс почему-то ехал по улицам Кабула один, без телохранителей, хотя афганские власти предлагали работникам посольства охрану. Странно также и то, что А. Дабс допустил проверку своей машины, хотя на ней развеялся флажок посла. Когда машина А. Дабса остановилась у светофора, загоревшегося красным светом, писал «Блиц», к ней подошел какой-то человек, одетый в форму сержанта полиции, с намерением проверить

документы. А. Дабс почему-то отпер двери и, «прежде чем он осознал, что именно происходит, этот «сержант» и еще трое мужчин забрались в автомашину, пригрозили шоферу револьвером и приказали ему ехать в одну из центральных гостиниц Кабула»⁵.

За освобождение американского посла похитители потребовали от афганских властей освободить до часа ночи нескольких мусульманских лидеров. Афганские власти не смогли удовлетворить ультиматум прежде всего потому, что названные лица не содержались у них под стражей.

Не укладывается в рамки логики и поведение американского дипломата Б. Флэтина, сопровождавшего афганских должностных лиц, прибывших в гостиницу для освобождения посла. Когда настоящие полицейские приготовились штурмовать гостиничный номер, американца попросили крикнуть А. Дабсу по-немецки, чтобы тот через 10 минут укрылся в ванной комнате или лег на пол. Флэтин почему-то отказался выполнить эту просьбу. После сильной перестрелки, сообщала пресса, вспыхнувшей одновременно в коридоре, в номере гостиницы и даже на другой стороне улицы, оказалось, что А. Дабс и его похитители убиты. Чья пуля лишила жизни американского посла, пока остается тайной.

Американские средства массовой информации, находящиеся под определенным влиянием ЦРУ, пытались возложить ответственность за убийство на полицию ДРА. Корреспондент еженедельника «Ньюсуик», который весьма своевременно оказался в лагере «повстанцев» в пакистанском городе Пешаваре, со ссылкой на заявление этих «повстанцев» сообщал, что «правительство Афганистана и его русские советники спланировали эту акцию, чтобы вбить клин между повстанцами и США».

Клеветники ничем не подтвердили грубую выдумку да и не могли этого сделать. Международная общественность склонна придерживаться другой версии.

«Правительство США, — пришел к выводу жур-

⁵ Blitz, 1980, Febr. 9.

нал «Блиц», — использовало убийство Дабса как повод для того, чтобы изменить свои отношения с Афганистаном и осудить его как «коммунистический режим», находящийся под контролем Советского Союза. Все американско-афганские соглашения о предоставлении экономической помощи были расторгнуты, никакой замены Дабсу назначено не было, а Кабул стали обвинять в нарушении прав человека»⁶.

Рельефные следы ЦРУ просматриваются и в повседневных действиях афганской контрреволюции. Американские спецслужбы опираются в своей грязной работе на агентов из числа афганцев. Факты свидетельствуют о том, что им удалось затащить в свои сети даже бывшего президента Х. Амина и ряд его подручных. Министр внутренних дел ДРА С. М. Гулабзой на одной из пресс-конференций сообщил журналистам, что министерство располагает неопровержимыми доказательствами, что Х. Амин, действуя по указке ЦРУ, вступил в сговор с контрреволюционным отребьем, окопавшимся в Пакистане, и замышлял совершить 29 декабря 1979 г. государственный переворот. С целью координации действий личный посланец Амина на специальном самолете совершил в середине декабря полет по маршруту Кабул — Париж — Рим — Карачи, чтобы встретиться в этих городах с агентами американских спецслужб и информировать их о ходе подготовки к перевороту. 22—24 декабря, дополнил С. М. Гулабзой, специальный гонец Амина выезжал с той же целью в пакистанский город Пешавар — один из центров зарубежной антиафганской контрреволюции. Из определенных кругов Вашингтона в Кабуле были получены заверения, что «в случае необходимости» инициаторы переворота будут поддержаны «мощью вооруженных сил США»⁷.

Известные агенты ЦРУ числятся и среди руководителей мятежных сил, осуществляющих вооруженные провокации против Афганистана. В их числе Зия Хан Насири, провозгласивший себя временным

⁶ Blitz, 1980, Febr. 18.

⁷ См. Правда, 1980, 22 янв.

премьер-министром «свободной исламской республики», которая будто бы образована в неопределенных «освобожденных» провинциях Афганистана. Колоритной фигурой, осуществляющей связь между ЦРУ и его клиентурой, действующей против Афганистана с пакистанской территории, является афганец Башир Закирия, проживающий в Нью-Йорке. Это с их благословения были проведены вооруженные выступления в Герате, а затем в Кабуле. ЦРУ продолжает подстрекательство, обучение и снабжение оружием бандитов, засылаемых на территорию Афганистана.

Подрывная деятельность ЦРУ вызывает гневный протест международной общественности, в том числе и американской. Повсюду в мире от Вашингтона требуют отказаться от грязных методов, применяемых ЦРУ, таких как связи с преступным миром и заговоры с целью свержения иностранных правительств.

Сенатская специальная комиссия, расследовавшая деятельность ЦРУ, особенно резко осудила политические убийства, которые попирают общепринятые нравственные принципы. «Мы категорически отвергаем суждение, — говорится в докладе комиссии, — будто Соединенные Штаты должны оправдывать свои действия нормами поведения тоталитарных правительств». Тем более, что над Соединенными Штатами, подчеркивается в нем, не нависало никакой непосредственной угрозы, вызвавшей необходимость организации заговоров с целью убийства.

Даже профессиональный разведчик У. Колби — один из бывших директоров ЦРУ — считает, что прекращение тайных операций не оказало бы сегодня особого воздействия на безопасность Соединенных Штатов. И тем не менее его преемник Джордж Буш заявил в апреле 1976 года, что Соединенные Штаты будут продолжать тайную политическую деятельность за рубежом. Конечно, дополняет он, все зависит от президента и Совета национальной безопасности.

ЦРУ считает себя подотчетным только президенту США. И, как показывает опыт, ни один из них до сих пор не мог устоять перед искушением использовать ЦРУ как орудие, когда речь идет о том, чтобы достигнуть внешнеполитических целей незаконными методами.

Красная калифорнийская сосна, посаженная Р. Никсоном на китайской земле в феврале 1972 года, пока разветвляет корни и набирает силы. За ней следят специалисты, ее охраняют власти. Ведь это символ, знаменующий начало американско-китайского сближения в «послевьетнамскую эру».

Визит американского президента в Пекин не был таким уж неожиданным, как его пытались представить на Западе любители сенсаций. Американско-китайское сближение в действительности имеет достаточно длительную историю. Еще в 1949 году Чжоу Эньлай направил секретное послание американскому руководству, в котором, в частности, отмечалось, что либеральное крыло КПК, куда входил Мао Цзэдун и он сам, не одобряет политику СССР по отношению к США и призывает американцев оказать помощь Китаю. Но тогда Вашингтон воздержался от сближения с Пекином, видимо, в надежде на недолговечность пребывания коммунистов у власти и сделал ставку на Чан Кайши, обосновавшегося на Тайване. В начале 50-х годов американские войска и китайские добровольцы вели ожесточенные бои друг с другом в Корее. Затем — десяток лет взаимных упреков в связи с американскими военными провокациями, в ходе которых Пекин сделал около тысячи серьезных предупреждений «бумажному тигру», и, наконец, противостояние в ходе агрессии США против Вьетнама.

Когда американская военная машина окончательно увязла в джунглях Индокитая, в Вашингтоне начали более заинтересованно относиться к примирительным жестам Пекина. Там обратили внимание на неоднократные заявления Мао Цзэдуна о том, что

Китай будет принимать меры против американской агрессии только в том случае, если американские войска вторгнутся на китайскую территорию¹. Позиция, занятая Пекином по отношению к американской агрессии во Вьетнаме, позволила Вашингтону окончательно убедиться в эгоистических устремлениях маоистов, рассчитывавших удовлетворить свои гегемонистские устремления за счет соседей. Первые шаги к сближению с Китаем США сделаны после того, как Пекин уже не скрывал своей измены делу социализма. В Вашингтоне появились призывы к использованию «китайской карты» в своих интересах. «Давайте откроем перед Китаем двери...»², — советовал тогдашний посол США в Японии Э. Рейшауэр. В 1969 году появилась «гуамская доктрина», в которой говорилось о возможности ухода США из Юго-Восточной Азии, а в июле следующего года государственный секретарь США У. Роджерс призвал Пекин играть «разумную роль» в международном сообществе³.

Последовавшая за этим «дипломатия пинг-понга» вылилась в тайную поездку Г. Киссинджера в Пекин, а затем в столице Китая оказался и президент Р. Никсон, поставивший подпись под «шанхайским коммюнике». Свидетельством того, что США, осуществляя свои глобальные замыслы, делают ставку на Китай, служит и «тихоокеанская доктрина», провозглашенная Дж. Фордом в 1975 году. В соответствии с ее положениями Китаю и Японии отводится роль держав, обеспечивающих интересы США в этом районе и противостоящих здесь росту влияния СССР. С приходом к власти в США администрации Картера политика в отношении Китая оставалась по своей основной направленности неизменной. Это подтвердила поездка в КНР З. Бжезинского в мае 1978 года, в ходе которой в ответ на заверения в неослабевающем антисоветизме Пекина он констатировал наличие «очень сходных интересов» у США и Китая. США завершили формальную процедуру нормализации

¹ См. The New Republic, 1965, Nov. 27.

² Look, 1967, Nov., p. 22.

³ См. The New York Times, 1970, Aug. 10.

своих отношений с Китаем обменом дипломатических миссий и взаимным признанием, вступившим в силу 1 января 1979 г.

Нормализация отношений между двумя крупнейшими странами мира представляется вполне разумной акцией, лежащей в русле развития мировых событий. Правда, в данном случае имели место маневры, вызывавшие настороженность международной общественности. Слишком заметно, что каждый из партнеров ведет двойную игру, которая зиждется лишь на одной устойчивой предпосылке — антисоветизме: тот и другой рассчитывают использовать партнера в его глобальной стратегии противоборства реальному социализму.

Первый этап нормализации китайско-американских отношений вылился в «игру в поддавки», в заискивание друг перед другом на международной арене. О том, что Вашингтон видит в Пекине своего союзника, свидетельствуют многочисленные выступления представителей американской администрации. Так, выступая в сенате, министр обороны США с удовлетворением констатировал, что Китай выступает за более сильный блок НАТО, одобряет американо-японский военный союз, «аплодирует нашему присутствию в западной части Тихого океана». В обмен на предательскую по отношению к делу социализма политику и серьезные уступки американскому империализму, на которые идет Пекин, преследуя свои великодержавные цели (причем за счет других стран Азии), сторонники сближения с Китаем в США не скупятся на похвалы в адрес маоистской верхушки. Некоторые даже называют Китай «одной из основных сил в обеспечении мира на земле». Если борьбу за сохранение мира рассматривать в общепринятом понимании, то маоистский Китай никак нельзя причислить к разряду ее сторонников. Все говорит об обратном: именно Пекин ведет дело к упорному противодействию процессу разрядки, к провоцированию новой мировой войны путем искусственного создания «колоссальных потрясений» и блокирования с воинствующими кругами Запада, а также крайне левыми экстремистскими силами.

Яростно выступая против инициатив всех миро-

любивых сил мира, пекинские лидеры вкупе с «ястребами» и реваншистами Запада ратуют за пересмотр итогов второй мировой войны, выступают против нерушимости границ и неприменения силы.

Вот некоторые факты.

Пекин отказался присоединиться хотя бы к одному международному соглашению или договору, направленному на обуздание гонки вооружений или ведущему к разрядке напряженности.

Китайские представители в ООН выступили против советского предложения, внесенного на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи, о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия.

Они отвергли также важную инициативу СССР о созыве совещания пяти ядерных держав, в число которых входит и Китай, для рассмотрения вопросов ядерного разоружения.

Пекин длительное время занимал враждебную позицию в отношении советского предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению. Даже после того, как Генеральная Ассамблея приняла это предложение, маоисты на первых порах отказались участвовать в работе специального комитета по подготовке конференции.

Маоистский Китай возражает против одобренного Генеральной Ассамблеей советского предложения о разработке и заключении конвенции о запрещении воздействия на природную среду и климат в военных или иных целях, несовместимых с интересами международной безопасности, благосостояния и здоровья людей.

Бросая вызов международной общественности, маоисты продолжают ядерные испытания в атмосфере, что вызывает радиоактивное заражение окружающей среды.

Китайские представители на международных форумах выступают с нападками на советское предложение «о сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН на 10% и об использовании части сэкономленных средств на оказание помощи развивающимся странам».

Пекин откровенно осуждает решения общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству и пытается умалить историческое значение документов, подписанных в Хельсинки и уже получивших широкое признание мировой общественности, в том числе и азиатской.

Действия маоистов подчинены единственной цели — осуществлению идеи китаецентризма, превращению Китая в мирового гегемона, в центр суперимперии.

Пекинские шовинисты всегда мыслили о будущем Китая только глобальными категориями. «Мы должны стать первой державой мира», — говорил Мао Цзэдун в 1955 году. «Мы должны покорить земной шар... и создать мощную державу»⁴, — его же слова, сказанные в 1969 году.

Авантюристический курс Пекина наиболее рельефно просматривается сквозь призму его отношений со странами Азии, и прежде всего с соседями.

Еще до прихода к власти Мао Цзэдун рассматривал Корею, Бирму, Индокитай и некоторые другие районы азиатского континента как части когда-то «расчлененного Китая». Еще в 1939 году, будучи одним из руководителей КПК, он писал: «Нанося Китаю военные поражения, империалистические державы силой отняли у него значительное число подчиненных Китаю стран и захватили часть его исконной территории». «Япония, — уточнял Мао, — присвоила Корею, Тайвань, Порт-Артур, острова Рюкю и Пэнху; Англия отторгла Бирму, Бутан, Непал и Гонконг; Франция захватила Аннам и даже такое мизерное государство, как Португалия, отняло у нас Макао»⁵.

Когда была провозглашена Китайская Народная Республика и Мао Цзэдун встал у руля партийной и государственной машины, эти претензии были включены в рамки официальной политики. В числе таких территорий значатся часть Индии и Афганистана, Бирмы и Таиланда, целиком Малайзия и Камбоджа, Лаос и Вьетнам, Монгольская Народная Республика

⁴ За рубежом, 1975, № 37, с. 8.

⁵ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Харбин, 1948, с. 210.

и Корея, Непал и Бутан, большая часть территории Советского Союза, до 200 островов и рифов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Пекин претендует на чужие земли площадью более 10 млн. кв. км, что превышает территорию Китая в нынешних границах.

«Воссоединение» этих территорий, видимо, рассматривается Пекином как глобальная программа, которую, судя по всему, намечено осуществить частями. Пока маоисты рассчитывают довольствоваться «малым». «Мы непременно должны держать в своих руках Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, а также Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... Этот район богат природными ресурсами и стоит наших усилий»⁶. Это заявление, сделанное Мао Цзэдуном на заседании политбюро ЦК КПК в августе 1965 года, определяет дух экспансионистского курса Пекина по отношению к странам азиатского континента.

В целях осуществления своих коварных замыслов Пекин пытается ослабить единство развивающихся стран. Он натравливает одно государство на другое, спекулирует на расово-религиозных предрассудках, поддерживает экстремистов и сепаратистов в их антиправительственных выступлениях, провоцирует вооруженные столкновения на границах с соседями.

Наиболее откровенный характер подрывная деятельность маоистов носит по отношению к Индии и Бирме, Индонезии и Малайзии, Таиланду и другим странам.

Сессия Всекитайского собрания народных представителей, состоявшаяся в 1975 году, поставила задачу вывести КНР, главным образом в военном отношении, «в первые ряды стран мира» к концу нынешнего столетия.

Явно экспансионистская и враждебная делу мира политика Пекина идет вразрез не только с интересами стран Азии, но, как заявил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, она противоречит интересам всех народов, тем более что пекинские лидеры фактически

⁶ Новое время, 1976, № 10, с. 31.

стали активными проводниками неоколониалистской политики империализма.

Китайский авантюризм в Индокитае в интересах «ястребов» Запада

«Правительство нашей страны решило послать суда во Вьетнам для перевозки преследуемых китайских граждан на родину».

Вслед за этим сообщением агентства Синьхуа последовало второе, носившее уже угрожающий характер. «В рамках подготовки к эвакуации китайцев из Вьетнама, — передал в декабре 1978 года корреспондент агентства Франс Пресс из Бангкока, — Китай сосредоточивает у острова Хайнань свои военно-морские силы». Эти сообщения распространялись на фоне шумной антивьетнамской кампании, развязанной китайской пропагандой.

Что вызвало такие явно враждебные жесты Пекина? Дело в том, что прогрессивные социальные преобразования в СРВ затронули интересы и некоторых богатых хуацяо — китайских эмигрантов, проживавших во Вьетнаме и являвшихся его гражданами. Хуацяо, занимавшие прочные позиции в экономике и торговле, как по команде стали закрывать предприятия, продавать имущество и покидать страну, пытаясь внести дезорганизацию в ее экономику.

Дело не обошлось без подстрекательства со стороны Пекина. Из китайской столицы посыпались на голову местных и зарубежных читателей и слушателей многочисленные репортажи, фантастические рассказы «очевидцев» и так называемых жертв гонений. Дело дошло до резко ультимативных заявлений властей КНР, представлявших собой прямое вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

Однако внимательный анализ развивавшихся событий подтвердил, что осложнение отношений между двумя соседями носило искусственный характер и было вызвано отнюдь не действиями Ханоя.

Как и во многих других азиатских странах, Пекин решил использовать определенную часть хуацяо, про-

живавших во Вьетнаме, для своих политических целей в качестве своего рода «пятой колонны», то есть прямой агентуры Пекина. Иностранные наблюдатели обратили внимание на такую характерную деталь, как активизация деятельности этой агентуры после ухода американских войск из Индокитая. Более того, прокитайский режим Пол Пота в Кампучии начал все чаще осуществлять вооруженные набеги на вьетнамскую территорию. Среди китайцев, проживающих во Вьетнаме, стали упорно распространяться слухи о поддержке Китаем полпотовской Кампучии и в связи с этим о возможном вооруженном столкновении между КНР и Вьетнамом. И в этом случае хуацяо будто бы окажутся под угрозой. Вывод? Он преподносился, как говорится, на блюдечке: правительство Китая «призывает китайских эмигрантов вернуться на родину». Причем этот призыв сопровождался недвусмысленной угрозой: невозвращение на родину будет рассматриваться как предательство.

Какие же основные цели преследовал Пекин, нагнетавший антивьетнамскую пропаганду? Во-первых, заставить Вьетнам отказаться от самостоятельного курса внешней политики и подключиться к милитаристской колеснице наследников Мао, стремящихся реализовать авантюристические замыслы «великого кормчего». Самостоятельность, полный суверенитет Вьетнама, решительная поддержка им политики разрядки вызывали и вызывают озлобление Пекина.

Во-вторых, Пекин рассчитывал использовать вьетнамский «эксперимент» для того, чтобы запугать азиатские страны, где проживает значительное китайское меньшинство, оказать на них давление и тем самым породить капитулянтские настроения. Пусть, дескать, соседи думают, что вслед за Вьетнамом может наступить очередь Таиланда или Филиппин, Малайзии или Индонезии, Бирмы или Непала, тем более что эти страны уже давно являются объектами маоистских экстремистов и сепаратистов, получающих морально-политическую и финансово-экономическую помощь Пекина. А крупнейшая страна Юго-Восточной Азии Индонезия уже перенесла трагедию, у истоков которой стоял Мао Цзэдун. Это он толкнул в 1965 году трехмиллионную Коммунистическую

партию Индонезии на открытое противоборство с реакционными кругами страны и тем самым дал повод к взрыву необузданного разгула религиозных фанатиков. За короткий срок Индонезия потеряла сотни тысяч демократов и оказалась в состоянии финансово-экономического хаоса.

Еще бóльшие человеческие и материальные потери понесла Кампучия в течение почти четырехлетнего деспотического правления марионеточного режима Пол Пота — Иенг Сари. Маоистский эксперимент «коммунизации» общества стоил Кампучии почти 3 млн. человеческих жизней, развала всей социальной, экономической и культурной структуры государства.

Несколько лет, прошедших после ухода американских войск из Индокитая, Вьетнам терпеливо относился к провокациям маоистского Китая, действовавшего на первых порах руками своей кампучийской марионетки. Вьетнамские лидеры надеялись, что им удастся избежать большого конфликта с недавними «братьями по оружию». Неоднократно они предлагали Пномпеню и Пекину сесть за стол переговоров. В ходе таких встреч, говорилось в одной из нот МИД СРВ в адрес пекинских правителей, стороны могли бы обсудить самые разнообразные вопросы, представляющие взаимный интерес.

Пекин уходил от ответа, а 17 февраля 1979 г. предпринял широкую агрессивную акцию против южного соседа.

Вторжение во Вьетнам 600-тысячной китайской армии было предпринято под беспрецедентным в международной практике предлогом «целесообразности» «преподать урок» СРВ. Чем же объяснялась эта «целесообразность»? Фактически тем, что последовательно независимая политика Вьетнама являлась препятствием на пути осуществления Китаем своих гегемонистских целей в Юго-Восточной Азии, тем, что вопреки Пекину Ханой проводил курс на сохранение всеобщего мира и укрепление безопасности народов, на расширение всестороннего сотрудничества со всеми странами, особенно с развивающимися государствами азиатского континента. Как известно, в первые же годы после заключения Парижского согла-

шения вьетнамские лидеры предприняли своеобразное мирное наступление. Им удалось установить дипломатические отношения со всеми странами АСЕАН, заключить соглашения о научно-техническом сотрудничестве и торговых отношениях с Индией и Филиппинами, Таиландом и Малайзией. Вьетнам изъявил готовность внести свою лепту в реализацию декларации стран АСЕАН, высказавших в 1971 году на совещании в Куала-Лумпуре намерение превратить Юго-Восточную Азию в район мира, прогресса и нейтралитета. И, наконец, вьетнамский народ оказал военно-политическую помощь патриотам Кампучии, восставшим против пропекинского варварского режима геноцида.

Позорная агрессия Китая завершилась его военным и морально-политическим поражением. Встретив стойкое сопротивление со стороны вьетнамского народа, вновь проявившего мужество и массовый героизм, а также решительное осуждение со стороны самых широких слоев международной общественности, Пекин был вынужден дать отбой и вывести войска с вьетнамской территории.

Правители Китая нанесли серьезный ущерб Вьетнаму, еще не успевшему залечить раны тридцатилетней вооруженной борьбы. Социалистический Вьетнам сохранил суверенное право на внутривнутриполитические и экономические реформы, на продолжение миролюбивого внешнеполитического курса, отвечающего интересам как вьетнамской нации, так и народов всего мира.

Но имеются и те, кто остался в выигрыше от китайской агрессии против Вьетнама. Это прежде всего американские монополисты, а также неокolonизаторы из стран Западной Европы и Японии. Какие дивиденды получили они? В основном политические. Конкурентам Китая в борьбе за усиление своих позиций в Азии удалось, говоря словами джакартской газеты «Индонезиан обсервер», вызвать у азиатов чувство настороженности по отношению к Пекину и тем самым отвлечь внимание народов континента от борьбы против империализма. Пекин не только разделил с Вашингтоном печальную славу агрессора, но и вызвал на себя часть справедливого гнева народов, воз-

муценных последствиями жестоких военных акций. Об этом убедительно свидетельствует проблема беженцев.

Соединенные Штаты имеют самое прямое отношение к беженцам из Индокитая. У истоков проблемы маячит призрак американского лейтенанта Колли и ему подобных «цивилизаторов» Нового Света, вторгшихся во Вьетнам, Кампучию и Лаос в составе 550-тысячной армии США. Варварские бомбардировщики, безжалостное отношение к мирному населению, о чем свидетельствует расправа взвода лейтенанта Колли над жителями вьетнамской деревни Сонгми, разруха, голод и, наконец, просто желание выжить породили еще в 60-х годах ручейки людских потоков, выносивших беженцев в прибрежные «страны теплых морей».

Новая волна массовой эмиграции поднялась после изгнания агрессора. На этот раз бежали прежде всего те, кто сотрудничал с иноземцами, наживался на крови и страданиях народа. Со ссылкой на данные ЦРУ австралийский журналист Уилфред Берчет, опубликовавший статьи во французской газете «Монд», сообщил, что еще во времена оккупации Сайгона разведка США отобрала среди своих южно-вьетнамских прислужников 200 тыс. человек, которым надлежало эвакуироваться в случае поражения. В мутный поток предателей и компрадоров влились и те, кто оказался одураченным пропагандой «свободного мира», кто не смог или не хотел приспособиться к новым условиям существования, исключаящим паразитический образ жизни.

Причастность США к трагедии народов Индокитая не вызывает сомнения. Это признают и официальные лица Вашингтона. Эндрю Янг, будучи постоянным представителем США в ООН, например, считал, что причину проблемы беженцев следует искать не в политике Вьетнама, а во вьетнамской войне Соединенных Штатов.

Действия Китая, породившие новые потоки беженцев, носили провокационный характер. Обман, угрозы и подстрекательские призывы к хуацяо возвращаться на родину, широко практиковавшиеся накануне вторжения китайской армии во Вьетнам,

сделали свое дело. Сотни тысяч людей были сорваны с насиженных мест. Однако очень скоро они почувствовали себя пешками в коварной политической игре Пекина. Покинувшие Вьетнам хуацяо натолкнулись на своеобразную «китайскую стену», оцетинившуюся штыками и колючей проволокой.

Маневры Пекина вызвали возмущение даже среди кругов, которые никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунистам и даже националистам стран Азии. Западногерманский еженедельник «Шпигель» писал: «Пекин играет в этой драме китайцев в Азии весьма неблагоприятную роль: он клеймит вьетнамцев, но сам находится в числе тех столиц, которые и слышать не хотят о принятии беженцев»⁷.

Внимательный анализ искусственно созданной Пекином проблемы беженцев позволяет прийти к выводу, что она была выгодна не столько правителям Китая, сколько Соединенным Штатам. Подключившись к маоистскому рупору, Вашингтон стремился не только сгладить свои прошлые преступления против народов Индокитая, но и притупить молчаливый упрек в адрес Соединенных Штатов, отказавшихся выполнить обещание о предоставлении помощи Вьетнаму в размере 3 млрд. долл. на нужды восстановления хозяйства, разрушенного жестокой войной.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что проблема индокитайских беженцев преднамеренно раздувалась американскими политическими спекулянтами и представляла собой звено в цепи тактических приемов Вашингтона, использовавшего «китайскую карту» в своих интересах.

Пекин в роли «тройного коня» империализма

Вашингтон использует своих китайских «друзей» не только в ходе таких кампаний, как махинации в связи с проблемой индокитайских беженцев, но и для навязывания своей позиции при решении принципиальных международных вопросов.

⁷ Der Spiegel, 1979, 9. Juli.

Еще при жизни Мао Цзэдуна пекинские правители делали все возможное, чтобы сдержать освободительное движение народов, сохранить влияние Запада в Азии, Африке и Латинской Америке. Наследники «великого кормчего» предпринимают конкретные шаги, чтобы сорвать процесс разрядки и возродить дух «холодной войны». Они продолжают осложнять обстановку в мире, пытаются сохранить существующие конфликты, скажем, на Ближнем Востоке, разжигают новые очаги военных пожаров, как это имело место в Индокитае, а затем в Юго-Западной Азии. Маоисты зарекомендовали себя верными и ревностными исполнителями воли Запада, назвавшего Китай 16-м членом НАТО. Впрочем, такого же мнения придерживаются и во многих азиатских странах. Экспансионистские устремления китайских руководителей, отмечала, например, индонезийская газета «Мердека», «превратили страну в надежного союзника империалистического блока»⁸.

Причисляя Китай к развивающимся странам, маоистские лидеры пытаются навязать свои концепции и движению неприсоединения. Но цели и задачи этой влиятельной международной силы, объединяющей более 90 государств, несовместимы с великодержавными устремлениями Пекина в вопросах войны и мира, в частности разрядки, разоружения и деколонизации. Претендуя на участие в движении неприсоединения, Китай вместе с тем ратует за укрепление военных блоков НАТО и АНЗЮС, за усиление американского военного присутствия в Европе и Азии, Африке и Латинской Америке, за выхолащивание антиимпериалистической сущности из решений, принимаемых форумами движения неприсоединения. В угоду Вашингтону ведется и дискредитация прогрессивных сил, участвующих в движении неприсоединения. Особенно шумную возню Пекин развил в период подготовки и проведения VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая состоялась в Гаване в начале сентября 1979 года. Китайская агентура, в том числе один из

⁸ Merdeka, 1980, Febr. 21.

палачей кампучийского народа Иенг Сари, прибывший в Коломбо с фальшивым паспортом, выданным МИД КНР, на подготовительную встречу министров иностранных дел, пыталась внести раскол в движение неприсоединения и даже сорвать намечавшуюся конференцию в Гаване. Китайцы внушали развивающемуся миру мысль, будто социалистические Кубу и Вьетнам нельзя считать неприсоединившимися странами, что в конференции от Кампучии должен участвовать не представитель народно-демократического правительства Хенг Самрин, а посланец свергнутого режима Пол Пота.

Во время работы конференции Пекин через свои пропагандистские каналы вмешивался в процесс выработки документов, выступал с нападками на предложенный Кубой проект заключительной декларации, квалифицировав ее как «декларацию присоединения», которая будто бы ориентирована «исключительно против западных держав» и представляет собой «воплощение волеизъявления Советского Союза». Органы информации КНР старались дискредитировать Кубу и Вьетнам в глазах других участников движения, предприняли клеветнические нападки на выступления Ф. Кастро и Фам Ван Донга. При освещении работы конференции китайская печать широко публиковала полпотовские и им подобные материалы, регулярно использовала подборки выдержек из буржуазной прессы, содержащих грязную клевету.

Однако попытки китайского руководства помешать работе конференции не имели успеха. Благодаря целенаправленной работе социалистических стран, в первую очередь большим усилиям Кубы как страны-организатора, Вьетнама и стран прогрессивной ориентации удалось не только в значительной мере нейтрализовать подрывную деятельность китайского руководства, но и нанести ему поражение. Как заявил Ф. Кастро, конференция сорвала гнусный заговор Вашингтона и Пекина, пытавшихся вначале сорвать ее проведение в Гаване, а затем обмануть участников движения неприсоединения клеветническими утверждениями, будто Куба стремится превратить это движение в «инструмент в руках советской политики». Даже буржуазная пропаганда была вынужде-

на признать, что конференция «лишила Китай той симпатии, которой он когда-то пользовался в третьем мире». По отзыву политических кругов Индии, конференция в Гаване продемонстрировала растущую изоляцию КНР в группе неприсоединившихся стран.

Китайское руководство уже давно блокируется с американским империализмом в борьбе против национально-освободительных движений. Из мемуаров очевидцев явствует, например, что еще на начальной стадии американской агрессии против Вьетнама Пекин с одобрением относился к расширению конфликта. Бывший премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай заявил в беседе с президентом Египта Г. А. Насером, что Китай «не хочет, чтобы Джонсон вывел какое-то число американских солдат». «Напротив, — подчеркнул Мао, — он хочет, чтобы Соединенные Штаты посылали все больше и больше своих молодых людей во Вьетнам»⁹.

Пекин оказался на стороне Вашингтона, активно противодействуя борьбе за независимость и сохранение суверенитета народов Анголы и Эфиопии, Афганистана и Ирана, а также борьбе арабских народов за справедливое урегулирование на Ближнем Востоке. Так, например, в 1974 году Чжоу Эньлай в беседе с американским сенатором Г. Джексоном, посетившим Китай, сказал, что Пекин «заинтересован в усилении Израиля». Фактически эти слова означали поддержку произраильского курса Вашингтона.

После поездки в ноябре 1977 года президента Египта А. Садата в Иерусалим премьер Госсовета КНР Хуа Гофэн в беседе со специальным посланцем Садата назвал позицию Египта «справедливой». Инициатива Садата, повторила эту мысль газета «Жэньминь жибао», «отвечает чаяниям египетской нации»¹⁰.

Неприглядную роль играет Пекин и в связи с революционными событиями в Афганистане. И не только потому, что восточные районы Афганистана включены в список «утраченных китайских территорий»

⁹ Heikal M. The Cairo Documents. L., 1972, p. 277.

¹⁰ Жэньминь жибао, 1978, 5 мая.

и Пекин хотел бы воспользоваться создавшейся обстановкой для их «воссоединения». Следуя по пути реализации своей глобальной стратегии, наследники Мао пытаются всячески раздувать локальные конфликты, вынашивая планы их перерастания в большие войны.

Еще до ввода в Афганистан по просьбе его правительства ограниченного советского воинского контингента Пекин начал подстрекать афганцев из феодальных кругов, бежавших из страны после Апрельской революции 1978 года, на вооруженную борьбу против народно-революционного правительства. Он начал готовить «ударные отряды» на территории собственной страны, а также в Пакистане из числа «беженцев», обеспечивая их оружием, боеприпасами и подталкивая на диверсионные рейды. Широкую провокационную возню Пекин развернул и во внутренних районах Афганистана через группировки типа «шолее джавад» и «сорха». При участии и поддержке Китая в январе 1979 года в Герате состоялся «съезд» этих группировок, который призвал все антиправительственные организации к усилению вооруженной борьбы против нового Афганистана, «используя китайских инструкторов и рекомендуемые Китаем методы»¹¹.

С помощью китайских спецслужб маоистские «боевики» установили контакты с бандами феодалов и помещиков, сформированными на китайские деньги и оснащенными китайским оружием. Афганские маоисты развернули активную антиправительственную пропаганду, а затем перешли и к актам открытого террора, саботажа и диверсий против Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Промаоистские группировки активно участвовали в попытках организовать мятежи, в том числе в Герате весной 1979 года и в Кабуле весной 1980 года. С помощью КНР банды, включающие маоистов, развернули вооруженную борьбу против правительства в районах Кунар, Нангархар, Пактия, Кандагар, Гор и др.

¹¹ См. Правда, 1980, 5 февр.

Еще до визита З. Бжезинского в Исламабад министр иностранных дел КНР Хуан Хуа провел переговоры с президентом Пакистана генералом М. Зия-уль-Хаком и проинструктировал своих военных советников, готовивших вооруженные банды из числа афганцев.

Задолго до ввода советского воинского контингента в Афганистан предпринимались шаги по согласованию возможных действий Вашингтона и Пекина в отношении Афганистана. В августе 1979 года состоялась поездка в Китай вице-президента США У. Мондейла. Его главные усилия были направлены на то, чтобы превратить укрепляющиеся американо-китайские отношения в постоянный фактор, действующий в рамках глобальной стратегии в интересах США на антисоветской основе. Такой вывод следует из речи, произнесенной У. Мондейлом в Пекинском университете. Вашингтон, сказал он тогда, «преисполнен решимости объединиться» с КНР для развития «многочисленных параллельных стратегических и двусторонних интересов». В какой-то степени Вашингтону это удалось. На пекинском аэродроме У. Мондейл похвастался перед журналистами своей уверенностью в том, что развивающиеся отношения с Пекином будут «действительно постоянными, здоровыми и широкими»¹².

Пекин присоединился к шумной антисоветской кампании Вашингтона сразу же, как только Советский Союз объявил об оказании военной помощи Афганистану в деле отражения внешней угрозы. Параллельно Пекин активизировал подрывную деятельность против западного соседа. По построенному Китаем на пакистанской территории Каракорумскому шоссе к антиправительственным силам Афганистана потянулись колонны автомашин, нагруженные оружием и снаряжением с маркой «сделано в КНР». В Синцяне были созданы несколько дополнительных лагерей по подготовке антиафганских вооруженных формирований.

Было продолжено и согласование американо-ки-

¹² Цит. по: Новое время, 1979, № 37.

тайских совместных действий против Афганистана. В январе 1980 года Китай посетил министр обороны США Г. Браун, который после встречи с пекинскими правителями заявил, что он сумел заложить основу «для широкого сотрудничества в военных вопросах».

Вашингтон использует враждебный Советскому Союзу, реальному социализму и развивающемуся миру курс пекинского руководства для того, чтобы добиться изменения в пользу империализма соотношения сил на мировой арене. Но при этом Вашингтон закрывает глаза на вторую сторону медали, символизирующей американско-китайское сближение: за антисоветизмом Пекина скрываются великодержавно-шовинистические устремления маоистов, что в конце концов может привести к их прямому столкновению с американским империализмом, по существу преследующим те же гегемонистские цели.

Опасная «игра в поддавки»

«Через несколько лет мы непременно построим крупную империю и будем готовы к высадке в Японии, на Филиппинах, в Сан-Франциско»¹³.

Это откровение печально известного министра обороны КНР Линь Бяо, названного в свое время преемником Мао Цзэдуна, проходит красной нитью через изречения самого «великого кормчего» и не сошло с арены политической жизни Пекина вместе с уходом из жизни авторов этих экспансионистских установок. В июне 1979 года в печати КНР широко муссировался лозунг «XXI век — век китайцев!», который несомненно напоминал о глобальных стратегических замыслах Мао и намекал на солидарность нынешних лидеров Китая с идеалами их предшественников. Намерение продолжать экспансионистский курс, названный «революционной внешнеполитической линией Мао Цзэдуна», официально было подтверждено решениями XI съезда КПК, состоявшегося в августе 1977 года.

¹³ Цит. по: Правда, 1977, 14 мая.

«Если есть в мире страна, которая отвечает представлению об агрессивном и воинственном коммунистическом государстве, то это Китай, но США не только не желают наказывать его за экспансию, они буквально поощряют ее, как это сделал Картер, когда он чуть ли не прямо предложил Дэн Сяопину вторгнуться во Вьетнам»¹⁴ — так высказался о политике администрации Дж. Картера по отношению к Китаю Аллан Вулф — член редколлегии американского журнала «Нейшн». Он не одинок в подобных суждениях. О том, что Вашингтон попустительствовал опасным «шалостям» мужающего дракона, и в частности дал «добро» на вооруженную китайскую авантюру во Вьетнаме, можно прочитать на страницах многих американских газет и журналов. В ходе поездки Дэн Сяопина в Вашингтон, состоявшейся накануне китайской агрессии против Вьетнама, Дж. Картер «по крайней мере молчаливо поощрил китайцев... совершить это вторжение»¹⁵ — такова, например, точка зрения наблюдателей из газеты «Нью-Йорк таймс».

Это пособничество проявилось потом и в попытке пропагандистской машины США успокоить мировую общественность, свести дело к отвлекающим маневрам вроде развернувшейся в печати и официальных учреждениях дискуссии о причинах и виновниках агрессии. Находились и такие деятели, которые снимали ответственность с маоистов. Агрессия, говорили они, носила не такой уж злонамеренный характер. Она будто бы сводилась всего-навсего к желанию Пекина «преподать урок» Вьетнаму, или заставить его «подтянуть войска к северной границе», или «отомстить» за хуацяо, якобы подвергшихся гонениям во Вьетнаме, или укрепить националистические чувства китайцев. Большой акцент в рассуждениях делался на навязывавшуюся идею о том, что рискованное решение Пекина было связано с намерением заявить о Китае как о великой державе, с попыткой проверить реакцию Советского Союза, подписавшего с Вьетнамом договор о дружбе и сотрудничестве.

¹⁴ The Nation, 1980, March 22.

¹⁵ The New York Times, 1979, Febr. 23.

Не нужно быть умудренным большим опытом, чтобы понять, что подобные рассуждения открывают «зеленую улицу» эскалации опасного курса Китая. И пекинские правители пользуются предоставляющейся возможностью. Заместители премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин и Ген Бяо не раз заявляли в беседах с иностранными визитерами, что Китай не исключает возможности «преподать еще один урок» Вьетнаму.

Об этих намерениях был информирован и У. Мондейл, который по сути дела солидаризировался с Пекином. В ходе переговоров с китайскими лидерами вице-президент США заверил своих заокеанских «друзей» в том, что Вашингтон относится «с пониманием» к подобным планам китайского руководства.

Если это похлопывание по плечу присовокупить к тезисам Вашингтона о совпадении стратегических задач, о том, что «сильный Китай» отвечает интересам Соединенных Штатов, то суть рассуждений американского вице-президента нельзя квалифицировать иначе, как поощрение гегемонистских замыслов и даже подстрекательство Пекина к агрессии.

Подготовка к новому вторжению ведется давно. Об этом говорят не только вооруженные провокации на границе с Вьетнамом и Лаосом, но и такие акции, как подтягивание войск и вооружений к южным районам Китая, о чем сообщали как азиатские, так и американские источники, ссылавшиеся на «данные разведки».

О готовящейся аванюре знали и во Вьетнаме. Правители Китая, сказал премьер-министр СРВ Фам Ван Донг в интервью корреспонденту мексиканской газеты «Эксельсиор», рассчитывают захватить Вьетнам и тем самым устранить препятствие для экспансии в страны Азии. Судя по масштабам подготовки, на этот раз Китай намерен расширить фронт экспансионистских акций. К осени 1979 года войска в количестве четырех дивизий были сосредоточены также у границ Лаоса. В этой стране Пекин намерен создать пропекинское «королевство Мео». В него предполагается включить земли Лаоса, Вьетнама, Кампучии и Таиланда.

Тревожные сообщения на этот счет поступают и из других стран азиатского континента. Индийская общественность словами газеты «Таймс оф Индия» выражает беспокойство в связи с многолетней возней Пекина, вынашивающего планы создать буферное «государство-коридор» на территории индийских провинций Мизорам, Нагаленд и Бутан. По сведениям индонезийских средств массовой информации, усилилась инфильтрация подготавливаемых Пекином банд на территорию Индонезии. Участились вооруженные нападения на правительственные войска пропекинских групп на Филиппинах. Вооруженные схватки, в частности уже после агрессии против Вьетнама, имели место на острове Самар, который маоисты хотели бы превратить в свой опорный пункт.

Пекин разыгрывает свою карту в отношениях с Вашингтоном. Нередко он прибегает к тактике зондажа искренности заверений администрации Дж. Картера, используя для этого неспровоцированные нападки на ближайших союзников США.

В сентябре 1979 года острова Сенкаку снова стали камнем преткновения в японо-китайских отношениях. Заместитель премьера Госсовета КНР Гу Му, прибывший в Токио с надеждой получить кредиты на сумму 5,5 млрд. долл., вдруг заявил, что острова Сенкаку «вне всякого сомнения принадлежат Китаю».

Для успокоения японского общественного мнения министр иностранных дел С. Сонода заявил официальный протест по этому поводу. Однако Токио, так же как и полтора года назад, в сущности стерпел и эту пощечину Пекина.

В данном случае обращает на себя внимание специфическая «тонкость» китайской дипломатии. Предыдущий «штурм» японских островов Сенкаку был предпринят Пекином в ходе навязывания договора о «мире и дружбе». При посреднической роли Вашингтона китайцы на время оставили свои притязания на острова, и японский министр иностранных дел С. Сонода поставил свою подпись под договором с Китаем. Специфическая задача была поставлена и перед вторым демаршем против военного союзника США, предпринятым в отношении островов Сенкаку сразу же после отъезда из Пекина У. Мондейла. Китайские

лидеры, видимо, решили испытать на прочность заверения американского вице-президента о намерении расширять дружбу с Китаем. Администрации Дж. Картера удалось и на этот раз урегулировать конфликт между соседями.

Ведя опасную «игру в поддавки», Вашингтон преследует многостороннюю цель. Во-первых, империалисты надеются, что им удастся использовать враждебность маоистов к Советскому Союзу в целях изменения в свою пользу соотношения политических и военных сил на международной арене. Во-вторых, затормозить движение народов континента в сторону сближения с миром социалистического содружества. В-третьих, как заметила джакартская газета «Индонесиан обсервер», вызвать настороженность Азии к Пекину и тем самым отвлечь народы континента от борьбы против империализма и, наконец, в-четвертых, в их планы входит нейтрализовать Китай в борьбе за влияние в Азии. В этой борьбе наиболее эффективными оказываются те американские акции, которые проводятся под защитой или при молчаливом согласии Пекина. Так, например, в июле 1979 года Вашингтон поручил 7-му флоту начать операции «по поиску и спасению индокитайских беженцев». Многие азиатские государства в той или иной форме выразили свое неудовольствие таким решением. Они справедливо квалифицировали эту затею как дополнительный стимул для расширения искусственно созданного потока беженцев, как опасную провокацию у берегов Вьетнама и Кампучии.

Другой подход продемонстрировал Пекин: его многозначительное молчание, наложенное на неоднократные призывы усилить американское военное присутствие в Азии, можно было расценить только как одобрение и этой провокационной акции Вашингтона. Азиатов особенно серьезно настораживает тот факт, что США мотивировали ввод своего флота в прибрежные воды Индокитая ссылкой на статьи агрессивного блока СЕАТО, который до последнего времени считался самораспущенным.

Так же как и американские империалисты, наследники Мао Цзэдуна преследуют великодержавные цели. Кратчайший путь к мировому господству про-

ходит, по расчетам Пекина, через локальные конфликты, «великий беспорядок» в мире и, наконец, через глобальную войну, в пекло которой Мао изъявлял готовность бросить половину человечества.

«Китайцы не отказались от идеи стравить американцев с русскими и в один прекрасный день стать господствующей державой в мире», — предостерегает видный американский политический обозреватель А. Вулф.

«Прежде США полностью игнорировали Китай, теперь они идут на риск заключить его в свои объятия. Этот последний курс, — подчеркивает объективный наблюдатель, — столь же недалновиден, как и первый. Китай может и должен быть нашим другом. Но мы не принесем никакой пользы ни китайцам, ни себе, если мы используем какой-либо союз с Китаем, чтобы с помощью нового оружия вести холодную войну»¹⁶.

Эти предостережения уместны даже в том случае, если предположить, что американские стратеги смотрят на маоистов как на временных попутчиков на длинном пути к намеченной цели. Но и Пекин смотрит теми же глазами на американцев. Известно на этот счет циничное высказывание одного из влиятельных лиц китайской партийно-государственной иерархии Ген Бяо. Пусть США, сказал он в одном из выступлений перед выпускниками дипломатической академии КНР, защищают Китай от «советского ревизионизма». Но когда Пекин сочтет, что время наступило, он скажет даде Сэму: «Будь добр, упаковывай свои вещички»¹⁷.

Нет сомнения в том, что американо-китайская «игра в поддавки» — это всего-навсего тактический прием в длительном противоборстве двух гегемонистов, преследующих великодержавные цели. И еще трудно сказать, чья карта окажется козырной в финале игры. Покровительство Вашингтона, разыгрывающего «китайскую карту», скорее всего принесет горькое разочарование Америке, но это разочарова-

¹⁶ The Nation, 1980, March 22.

¹⁷ Цит. по: Правда, 1977, 14 мая.

ние может оказаться запоздалой реакцией на сделанные промахи.

«Партнерство империализма и пекинского гегемонизма, — говорится в постановлении Пленума ЦК КПСС от 23 июня 1980 г., — представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе — для американского и китайского народов»¹⁸.

¹⁸ Правда, 1980, 24 июня.

В начале 80-х годов наиболее отчетливо американская силовая дипломатия проявляет себя в районе Ближнего и Среднего Востока. Она нацелена на то, чтобы сохранить там влияние монополистического капитала и использовать природные и людские ресурсы этого района для целей большого бизнеса. Кроме того, Ближнему и Среднему Востоку придается большое значение как стратегическому плацдарму. «Мы знаем, — говорил бывший президент США Р. Никсон, — что Ближний Восток является воротами в Африку, воротами в Средиземное море. Он — стержень НАТО, а также ворота, открывающие путь через Суэцкий канал на юг, в Индийский океан».

Большая ставка на маленький Израиль

В качестве главного орудия экспансионистского курса на Ближнем Востоке используется Израиль, образовавшийся в мае 1948 года на восточном побережье Средиземного моря.

Израиль получил путевку в жизнь в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН, которая отменила английский мандат на Палестину и постановила создать на подопечной территории два независимых государства — еврейское и арабское.

Арабское государство до сих пор не создано, а получивший территорию в 14 тыс. кв. км Израиль стал проводить экспансионистскую политику по отношению к соседям, прибегать к агрессивным войнам с целью захвата арабских территорий. Показательно, что государство Израиль было провозглашено в ночь

с 14 на 15 мая 1948 г., и в первый же день своего существования оно начало военные действия. В ходе этой первой арабо-израильской войны Тель-Авив аннексировал 6,6 тыс. кв. км территории, предназначавшейся для создания арабского государства, в том числе и западную часть Иерусалима. В результате террора и военных действий в общей сложности почти 900 тыс. палестинских арабов, проживавших в районах, отведенных для создания как еврейского, так и арабского государства, лишились родины. Генеральная Ассамблея ООН приняла 11 декабря 1948 г. резолюцию, один из пунктов которой гласил: «Генеральная Ассамблея... постановляет, что беженцам, желающим вернуться к своим очагам и мирной жизни со своими соседями, такая возможность должна быть предоставлена». Израиль, однако, категорически отказался выполнить эту и все последующие резолюции ООН по палестинскому вопросу.

Обстановка на Ближнем Востоке еще более обострилась в результате израильской агрессии 1967 года против Египта, Сирии и Иордании. В ходе трех агрессивных войн Израиль аннексировал почти 75 тыс. кв. км арабских земель, в том числе «священный город» Иерусалим, и всю территорию, отведенную для образования арабского государства Палестина. Число палестинских беженцев после трех войн возросло до 2 млн. человек. По данным арабской прессы, к середине 70-х годов эта цифра уже равнялась 3,5 млн.

По инициативе арабских стран, Советского Союза, других миролюбивых государств вопрос о положении на Ближнем Востоке неоднократно обсуждался в Организации Объединенных Наций. 22 ноября 1967 г. Совет Безопасности принял резолюцию № 242, которая, подтверждая принцип недопустимости захвата чужих территорий, предусматривала вывод израильских войск с оккупированных в ходе июньской войны арабских территорий, прекращение состояния войны на Ближнем Востоке, признание права всех государств этого района на суверенное существование в рамках общепризнанных границ, справедливое решение проблемы палестинских беженцев. Однако Израиль игнорирует как решения ООН, так и мировое об-

щественное мнение. Судя по всему, Тель-Авив стремится превратить трехмиллионную страну в региональную «мини-метрополию», а затем и в «Великий Израиль» добиблейских времен.

Великодержавный курс израильских правителей находил широкую поддержку практически со стороны всех американских администраций, поддающихся нажиму как сионистского лобби, так и американских монополистов. На протяжении последних 30 лет все американские президенты еще до того, как занимали кресло в Белом доме, считали своим долгом дать обещание поддерживать авантюристический курс Израиля. «Если меня изберут президентом, — говорил Дж. Картер на предвыборных митингах, — одной из моих первоочередных обязанностей станет сохранение государства Израиль».

Администрация Картера оказалась, пожалуй, самой горячей сторонницей авантюристического курса Тель-Авива, самым ревностным исполнителем воли хозяев большого бизнеса. Сам президент принял непосредственное участие в «мирном урегулировании» конфликта на Ближнем Востоке. Под его патронажем в сентябре 1978 года были подписаны кэмп-дэвидские соглашения, а затем и израильско-египетский «мирный договор». Дж. Картер вникал во все детали переговоров между Каиром и Тель-Авивом и пытался поддержать хотя бы видимость успеха, а вернее — выдать желаемое за действительное. Мирное урегулирование, намеченное в Кэмп-Дэвиде год назад, заявил он 17 сентября 1979 г. в специальном обращении к американской общественности, «идет полным ходом». Мир, по его мнению, — «это уже не просто слово на бумаге, теперь это факты на земле и вера в сердцах миллионов людей»¹.

Однако подобные успокоительные заверения не изменили мирового общественного мнения на этот счет. Объективные наблюдатели продолжают считать, что кэмп-дэвидские соглашения, говоря словами одного из коммунистических лидеров Ливана Абдель Самада, представляют собой военно-политический

¹ Washington Post, 1979, Sept. 17.

союз между Каиром и Тель-Авивом, заключенный под эгидой Соединенных Штатов с целью помешать развитию национально-освободительных движений на Ближнем Востоке и гарантировать интересы нефтяных монополий; они являются также фактором дестабилизации в данном регионе².

Да и сам американский президент, видимо, не очень-то верит в те оценки соглашений, которые высказывает публично. Иначе он не форсировал бы усиление американского военного присутствия в зоне Персидского залива и вообще в западной части Индийского океана, иначе он не вооружал бы Израиль новейшими видами военной техники.

Военная помощь, которую оказывает Вашингтон Тель-Авиву, имеет стабильно возрастающий характер. Она не прекращалась ни в дни военных действий, ни в дни тревожного затишья. Только за четыре года, предшествовавшие подписанию египетско-израильского «мирного договора», военная и экономическая помощь США Израилю составила примерно 10 млрд. долл. В американском бюджете 1979 года на долю Израиля приходилось 42% внешней помощи, 48 — кредитов для покупки вооружений и 56% всех военных субсидий США иностранным государствам. Вице-президент США У. Мондейл как-то сказал, что «таких выгод не получает никакая другая страна в мире». В июле 1979 года президент США подписал программу чрезвычайной военно-экономической помощи Тель-Авиву и Каиру на сумму 4,8 млрд. долл., причем капитулянтство Садата оценено лишь в 1,8 млрд. долл. Остальная сумма предназначается Израилю.

«Любимое дитя» приобретает еще одно преимущество перед своим вновь обретенным союзником: Вашингтон изъявил готовность наладить производство американских истребителей на территории Израиля. Обеспечение технических условий для производства самолетов «Фантом» новейших марок несомненно значительно усилит израильскую военную машину, которая уже выпускает до 600 видов оружия³.

² См. L'Humanité, 1979, 18 sept.

³ См. Известия, 1979, 20 сент.

Укрепляя военный потенциал Израиля, Вашингтон рассчитывает и впредь неопределенно долго использовать своего союзника для защиты неокOLONиалистских интересов Запада. Этого не скрывают и в самой Америке. Аналитики из ЦРУ, писал в этой связи журнал «Миддл Ист», пришли к выводу, что теперь, после Кэмп-Дэвида, у США есть все основания рассчитывать на самое активное участие Израиля в осуществлении доктрины «полувойн» на Ближнем Востоке. Поскольку Египет был выведен из конфронтации с израильскими вооруженными силами, армия Израиля «освободилась» для проведения молниеносных и даже долговременных военных акций против тех арабских стран, которые вознамерятся поставить под угрозу гигантские прибыли нефтяных монополий США в этом районе. Эта ставка на Израиль была повышена после того, как США «потеряли Иран», а точнее иранского шаха, выполнявшего со своей 700-тысячной армией жандармские функции в районе Персидского залива.

Привязанность к своему «союзнику номер один» была вновь продемонстрирована в результате неуклюжего политического маневра США в ООН. В начале марта 1980 года американский представитель в Совете Безопасности проголосовал за резолюцию, осудившую проводимую Израилем практику насаждения своих поселений на оккупированных арабских землях. Тель-Авив немедленно реагировал в манере присущей ему грубой категоричности. Премьер-министр М. Бегин выразил «негодование» в связи с позицией США в Совете Безопасности. «Сегодня мы даем короткие ответы на длинные вопросы: «нет» — самоопределению палестинцев и «нет» — участию ООН в переговорах с Израилем»⁴, — заявил представитель МИД Израиля.

Президент Дж. Картер спасовал перед нажимом Тель-Авива и еврейского лобби и дал отбой. Государственный департамент США выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что всю ответственность за эту «ошибку» принимает на себя государственный секре-

⁴ Цит. по: Правда, 1980, 16 марта.

тарь С. Вэнс. Он якобы «неправильно понял» инструкции Белого дома и в свою очередь дал «ошибочные указания» миссии США при ООН.

Обозреватели весьма скептически и с явным недоверием относятся к подобной версии. Государственный департамент, отмечают они, как правило, не делает «ошибок». Он проводит диктуемую Белым домом внешнеполитическую линию, которая всегда характеризовалась безоговорочной поддержкой израильских агрессоров, неоднократно изъявлявших готовность сотрудничать с США в их милитаристских приготовлениях на Ближнем и Среднем Востоке, в частности в ходе военно-политического нажима на Иран.

Двуличие официального Вашингтона вызвало взрывную реакцию в кругах ООН. Как сказал в беседе с корреспондентом ТАСС постоянный наблюдатель Организации освобождения Палестины при ООН З. Л. Терази: «Это — дешевый политический маневр. Картер рассматривает палестинские земли и Иерусалим как товар, на который он может купить голоса избирателей на президентских выборах. Этот шаг Вашингтона не может не вызвать озабоченности в арабском и мусульманском мире»⁵.

В этом же духе высказался и специальный представитель Лиги арабских стран при ООН К. Максуд. По его словам, занятая Вашингтоном позиция представляет собой «лицензию Израилю на осуществление своей политики создания на оккупированных им арабских землях поселений без каких бы то ни было ограничений»⁶.

Правильные суждения. Но, пожалуй, ближе к истине прозвучала оценка лицемерия администрации Дж. Картера в газете «Нью-Йорк таймс».

Многие западные лидеры и даже сотрудники государственного департамента США, писала газета, обвиняют администрацию Картера в «политической трусости в связи с внезапным изменением позиции». Белый дом в действительности «пошел на попятную», чтобы избежать отчуждения влиятельных еврейских

⁵ Правда, 1980, 6 марта.

⁶ Там же.

избирателей, чья поддержка нужна Картеру в его кампании за переизбрание на пост президента»⁷.

Конфуз в Совете Безопасности ООН еще раз подтвердил беспринципность политики США. Глобальные геополитические расчеты вроде бы заставляют американских стратегов отдавать приоритет отношениям с арабскими странами, но сила израильского лобби так или иначе опрокидывает логику этих расчетов.

Расширение притязаний к арабскому миру

Тель-Авив широко используется Вашингтоном в качестве орудия своей политики на Ближнем Востоке практически с первых дней образования еврейского государства. На первых порах Израиль был непременным участником всех предполагавшихся военно-политических группировок Запада в регионе. Затем он взял на себя роль своеобразного бронированного кулака. Выполняя волю Вашингтона, израильские руководители ринулись в военную авантюру против Египта после того, как Г. А. Насер национализировал Суэцкий канал. Они постоянно угрожали арабам и тем самым склоняли их к терпимости в отношении притязаний США, которые будто бы в случае каких-либо новых осложнений могли бы выступить в роли третейского судьи.

Эскалация военной напряженности привела к третьей израильско-арабской войне, начатой израильтянами с благословения заокеанского хозяина в июне 1967 года.

Обсуждение израильской агрессии в органах ООН выявило два подхода к решению проблемы. Советский Союз и другие социалистические страны, а также большинство развивающихся государств, участвующих в движении неприсоединения, высказались в защиту законных требований арабов. Эти требования сводились к выводу всех израильских войск с

⁷ The New York Times, 1980, March 6.

оккупированных арабских территорий и предоставлении права арабскому народу Палестины на суверенное развитие вплоть до образования национального государства, как это было предусмотрено решением Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 года.

Соединенные Штаты и ряд других стран НАТО заняли позицию огульной поддержки Израиля, оказывая ему огромную помощь вооружениями и финансами.

Неоколониалистская сущность политики США в отношении Ближнего Востока еще раз подтвердилась в ходе обсуждения этого вопроса представителями СССР и США. Осенью 1977 года американская администрация была вынуждена поставить свою подпись под совместным советско-американским заявлением. Обе стороны, как Советский Союз, так и Соединенные Штаты, говорилось в нем, считают переговоры в рамках Женевской мирной конференции «единственно правильным и эффективным путем для обеспечения кардинального решения всех аспектов ближневосточной проблемы в комплексе» и берут на себя обязательство как сопредседатели этой конференции содействовать возобновлению ее работы. В заявлении содержались такие формулировки, как «обеспечение законных прав палестинского народа», «вывод израильских войск с оккупированных территорий», участие в Женевской конференции «всех заинтересованных сторон», стало быть, и палестинцев, и т. п. Сближение позиций между США и СССР, казалось, свидетельствовало о реалистическом подходе правительства США к пониманию истинного положения дел на Ближнем Востоке. Однако диапазон реализма в действиях администрации Дж. Картера оказался весьма узким, а стремление к искреннему сотрудничеству — недолговечным. Прошло немного времени, и правительство США в угоду корыстным интересам военно-промышленных и сионистских кругов вернулось к опасным методам антиарабских сепаратных сделок.

Практическое осуществление тройственной сделки началось с визита президента Египта в оккупированный Израилем Иерусалим в ноябре 1977 года. Этот неожиданный демарш А. Садата напомнил международной общественности о позорном походе Генри-

ха IV в Каноссу в 1077 году за милостью к своему злейшему врагу.

Как и следовало ожидать, встреча враждовавших сторон, предпринятая по настоянию Вашингтона, не принесла каких-либо ощутимых результатов. В коммюнике, опубликованном после переговоров египетского президента с премьер-министром Израиля М. Бегинном, было лишь подтверждено намерение лидеров двух государств продолжать поиски путей, которые могли бы привести Ближний Восток к миру. Но ни в обнародованном документе, ни в публичных заявлениях, сделанных участниками встречи в Иерусалиме, ничего не было сказано о главных вопросах, сохраняющих конфронтацию, — об освобождении оккупированных Израилем земель и о предоставлении палестинцам права на суверенитет.

Были ли у Садата хоть какие-нибудь шансы на достижение позитивных сдвигов? Практически никаких. Тель-Авив ни разу не обмолвился и ничем не намекал Каиру о том, что он с пониманием относится к первоочередным заботам арабов. Наоборот, Бегин во всех своих публичных заявлениях назойливо подчеркивал, что Израиль ни при каких обстоятельствах не намерен уходить с Голанских высот или Западного берега реки Иордан, что он не желает ничего слышать об Организации освобождения Палестины и ее законных требованиях.

И все же Садат предпринял рискованный, по его собственному признанию, шаг и поехал на поклон к агрессору. Переговоры сторон сопровождались орудийным грохотом и ревом истребителей Израиля, сбрасывавших смертоносный груз на женщин и детей Тира, скрежетом гусениц израильских танков, разрушавших селения южного Ливана. Они проходили под аккомпанемент злорадного ликования в Израиле и гневных протестов арабской общественности.

Практически весь арабский мир квалифицировал сепаратную инициативу Садата как опасную акцию, идущую вразрез с решениями, принятыми на совещаниях арабских стран на высшем уровне, и попирающую национальные права арабских государств.

Политические наблюдатели обратили внимание на некоторые жесты Бегина, например на его патети-

ческий возглас после первой встречи с Садатом. «Мы понравились друг другу», — радостно воскликнул он, выходя из номера гостиницы «Царь Давид», в которой остановился египетский президент.

Многозначительный вывод сделала из этого восклицания, обошедшего страницы мировой прессы, французская газета «Орор». Главным, что объединяет глав двух государств на переговорах в Иерусалиме, констатировала она, является стремление противостоять революционному процессу на Ближнем Востоке и обеспечить равновесие сил при поддержке развитых капиталистических стран Запада⁸.

В свете этого суждения становятся на свои места такие факты, как тесные контакты Садата с президентом США Дж. Картером накануне поездки, заявление Вашингтона, назвавшего поездку Садата «историческим событием», и казавшееся, на первый взгляд, странным высказывание каирского официоза газеты «Аль-Гумхурия», сравнившей инициативу Садата с таким событием, как высадка человека на Луне. Точки над «i» в таких размышлениях поставил Бегин, призвавший президента Садата объединиться против «опасности с Севера», под которым явно подразумевались Советский Союз и другие социалистические страны⁹.

Сговор сил империализма, агрессии и реакции вызвал большую озабоченность и возмущение арабов. Ведь Садат выступил в роли орудия Запада, стремящегося создать реакционный блок, ядром которого был бы Израиль и который защищал бы империалистические интересы на Ближнем Востоке. И потому вряд ли кто ожидал, что встреча в Иерусалиме внесет какой-либо вклад в урегулирование конфликта на Ближнем Востоке. Наоборот, как говорилось на этот счет, например, в заявлении генерального секретариата Международной конфедерации арабских профсоюзов, этот сговор лишь приведет к закреплению израильской оккупации арабских земель, усилит непреклонность агрессора. Шаг, предпринятый Сада-

⁸ L'Aurore, 1977, 19 nov.

⁹ Ibid.

том, солидаризировался с этим заявлением Национально-патриотический фронт Ирака, «представляет собой опасный вызов воле арабской нации, является издевательством над народами и оскорблением памяти павших борцов, сделкой за спиной арабов и за счет судеб арабского освободительного движения».

Политический прогноз патриотов и осведомленных наблюдателей оказался верным. Вашингтону, взявшему в свои руки урегулирование конфликта, удалось навязать противоборствующим сторонам сценарий политического спектакля. 17 сентября 1978 г. Дж. Картер, М. Бегин и А. Садат встретились в Кэмп-Дэвиде и поставили свои подписи под соглашениями, названными мировой общественностью «сепаратной сделкой». Кэмп-дэвидские соглашения имели и секретные статьи. Они просочились на страницы газет. Вот как изложил их американский журнал «Север дейз»:

«Договоренность между Соединенными Штатами и Израилем. 1) В случае новой войны с каким-нибудь одним или всеми арабскими государствами, входящими во Фронт стойкости (странами, возражающими против переговоров между Садатом и Бегиним, — Ираком, Сирией, Ливией, Алжиром, Южным Йеменом. — *Авт.*), американские самолеты будут обеспечивать прикрытие Израиля с воздуха. Если СССР будет угрожать вмешательством на стороне этих государств, Вашингтон приведет свои вооруженные силы в состояние боевой готовности и будет готов пойти на риск конфронтации с Москвой.

2) Американское правительство соглашается употребить свое влияние, чтобы поставки западного оружия не достигали арабских стран, активно противостоящих кэмп-дэвидским соглашениям.

3) По крайней мере в течение следующих пяти лет американское правительство предоставит Израилю займы на сумму до 5 млрд. долл. Кроме того, израильские вооруженные силы получат самое современное оружие, в частности самолеты и ракеты, коими еще не располагают страны НАТО.

4) Соединенные Штаты постараются убедить своих западных союзников поддержать кэмп-дэвидские соглашения и способствовать тому, чтобы некоторые

страны третьего мира пошли на восстановление отношений с Израилем.

5) Договор о взаимной обороне непременно будет подписан до 1983 года.

6) Стороны будут вести дело к тому, чтобы ликвидировать радикальные элементы ООП и поставить организацию на мирные рельсы».

Секретные статьи соглашения между США и Египтом, по сообщению журнала «Севен дейз», включают в себя следующие положения:

1) Стороны заключат соглашение, позволяющее значительному числу американских военных специалистов и советников (примерно в 5 тыс. человек) помочь обучению египетских вооруженных сил.

2) В случае конфликта с одним из соседей Египту будет обеспечена американская военная «защита». В случае войны с Ливией египтяне могут рассчитывать на вмешательство Америки в их пользу.

3) В целях предотвращения более прочного союза своих арабских противников Египет может опираться на поддержку Америки в поощрении региональных конфликтов.

4) Правительство Картера окажет все возможное давление на «умеренных» арабов, чтобы добиться от них поддержки кэмп-дэвидских соглашений и оказания финансовой помощи Египту.

5) Египетской армии будет поставлено новое современное оружие, чтобы обеспечить обороноспособность Египта и позволить ему вмешиваться в события в других странах развивающегося мира, которым угрожают внутренние подрывные действия» или «международный коммунизм».

6) Будет усилено сотрудничество разведывательных служб Соединенных Штатов и Египта.

Не меньшую угрозу арабам составляли и секретные соглашения между Египтом и Израилем. Они сводились к следующему:

1) Будет выработана система политико-военных консультаций, чтобы совместно давать отпор всякой деятельности, предпринимаемой или вдохновляемой Фронтом стойкости или какими-либо его участниками. После эвакуации Израиля с Синайского полуострова будет создан фактический военный союз.

2) В случае конфликта между Израилем и одним или несколькими арабскими государствами Египет не будет действовать против Израиля. Кроме того, правительство Садата поможет израильтянам выявить «террористические базы».

3) Будет создана система сотрудничества между разведслужбами двух стран. Связь будет осуществляться в восьми столицах разных континентов.

4) Египет обязался отказаться настаивать на ООП как единственном представителе Палестины и будет поощрять создание «третьей силы» из числа палестинцев, которые согласились бы с кэмп-дэвидскими соглашениями.

5) Чтобы обеспечить «узы дружбы» между двумя армиями, будут планироваться обмены визитами египетских и израильских офицеров, как только начнут действовать дипломатические представительства¹⁰.

Как только арабская общественность узнала о секретных статьях и высказала свой решительный протест, Садат, а вслед за ним и Бегин сделали вид, что в сделке имеются недоговоренности. Президенту Дж. Картеру пришлось срочно вылететь на Ближний Восток, где, используя метод челночной дипломатии, он пытался уговорить заупрямившихся Садата и Бегина прийти к какому-то компромиссу.

Вернувшись из поездки, Дж. Картер признался, что его участие в челночной дипломатии содержало определенный риск лично для него как президента и, возможно, для престижа США.

Необходимость этой можно сказать аварийной поездки Картера обуславливалась большими переменами в регионе, в частности крушением монархии в Иране и последовавшим за ним развалом СЕНТО. Крупнейшее поражение Вашингтона в Иране, по мнению многих американских наблюдателей, подорвало американские позиции не только на Ближнем Востоке, но и во всей Азии, и поездкой Дж. Картера Белый дом, видимо, надеялся поправить дела. Именно в ходе пребывания американского президента в

¹⁰ См. *Seven Days*, 1978, Nov. 10.

Review of Current Trends: U.S. Foreign Policy

PPS 23

February 24, 1948

[Source: *Foreign Relations of the United States: 1948*, I (part 2), 523-26]

41. Asia, particularly South and Southeast Asia, are among the principal sources of United States imports of several basic commodities which could contribute greatly to United States security for stockpiling purposes and would be of great assistance in time of war if they remained available to us. Exports to Asia from the United States are of less importance than are imports, but are not now insignificant and could grow in importance to the stability of our own domestic economy. In brief, the economic advantage derived by the United States from our trade with non-Communist Asia is considerable and there is little doubt of the wisdom of its development.

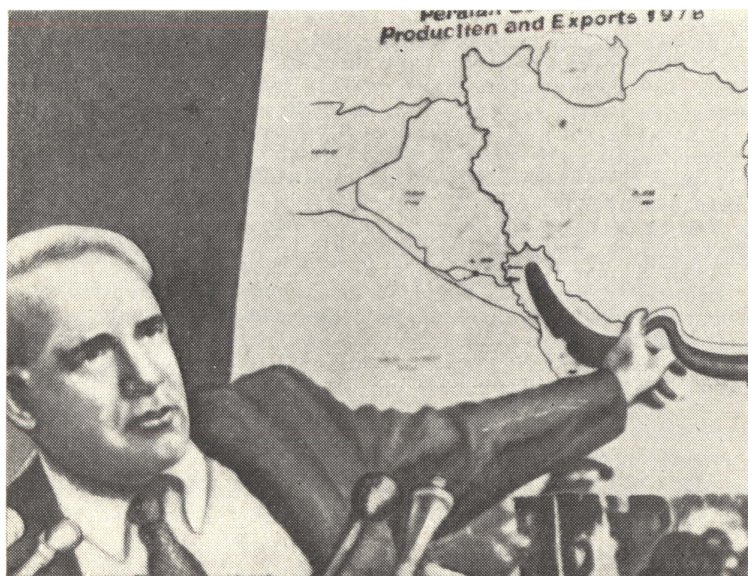
В феврале 1948 года известный американский теоретик международных отношений Дж. Кеннан подготовил по заданию государственного департамента обзор текущей внешней политики США (документ PP-23). В приведенном здесь отрывке из раздела, посвященного проблемам политики США на Дальнем Востоке, Кеннан прямо рекомендует распространять американское влияние в указанном районе прежде всего военными и экономическими средствами. «Мы должны, — пишет он, — тщательно изучить и определить, какие территории бассейна Тихого океана и Дальнего Востока жизненно важны для нашей безопасности, и мы должны сосредоточить нашу политику на том, чтобы эти районы находились в таких руках, на которые мы можем положиться» (Containment Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950. Ed. by Etzold T. H. and Golddis J. L., N. Y., 1978, p. 227).

Из этих слов видно, что уже в первые послевоенные годы руководящие деятели в Вашингтоне проявляли (особо заметную теперь — в 80-е годы) бесцеремонность, объявляя те или иные территории районами жизненно важных интересов США и пытаясь насаждать там, вопреки воле народов, проамериканские режимы.

We should recognize that our influence in the Far Eastern area in the coming period is going to be primarily military and economic. We should make a careful study to see what parts of the Pacific and Far Eastern world are absolutely vital to our security, and we should concentrate our policy on seeing to it that those areas remain in hands which we can control or rely on.

Здесь приводится еще одна выдержка из упоминаемого выше документа, свидетельствующая о том, что американский империализм преследовал в Азии не только политические и военно-стратегические цели, но и извлекал прямую экономическую выгоду. «Азия, в особенности Южная и Юго-Восточная, — говорится в документе, — является одним из главных источников импорта США ряда основных товаров, которые могут в значительной мере способствовать безопасности Соединенных Штатов в плане пополнения стратегических запасов и оказать огромную помощь в случае войны, если эти источники останутся для нас доступными».

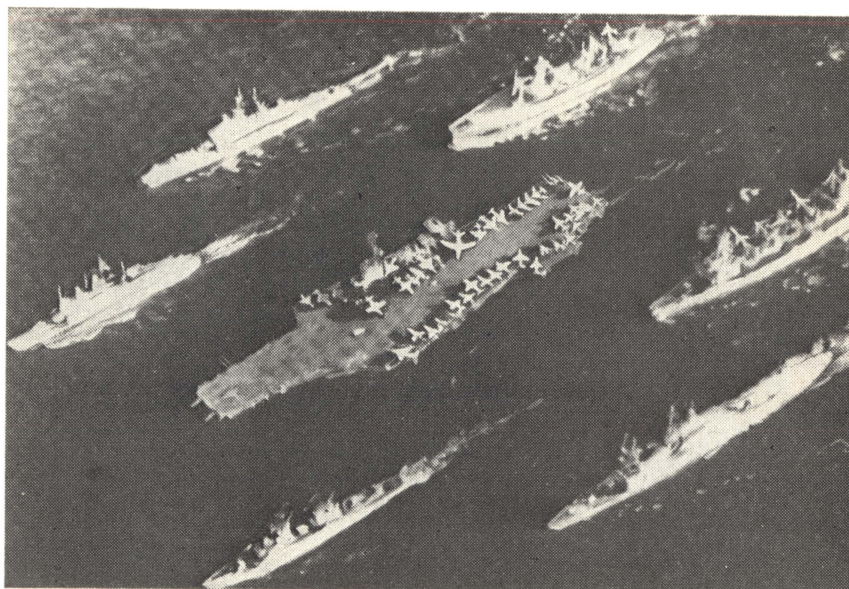
Джеймс Шлесинджер
пытается обосновать
«жизненные интересы» США
в районе Персидского залива.
(1979 г.)

Полное согласие
и взаимопони-
мание:
иранский шах
М. Р. Пехлеви
незадолго до его
свержения и его
американский
покровитель
президент США
Дж. Картер.

Авианосец
«Мидуэй»
и корабли
сопровождения
в Аравийском
море.
(1980 г.)

Антиамериканская
демонстрация
в Иране.

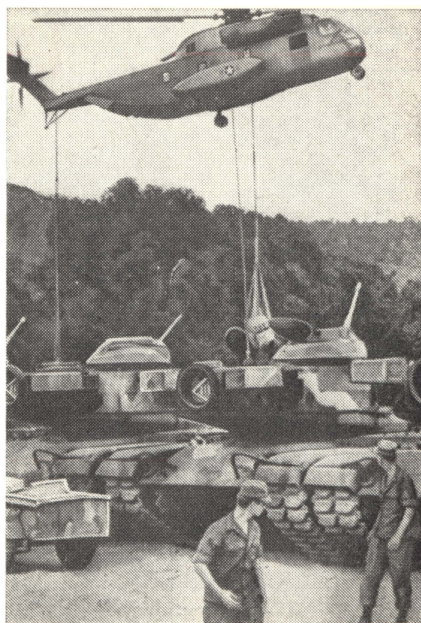

Жертвы
американской
авантюры
по высадке
десанта
в Иране
(апрель 1980 г.).

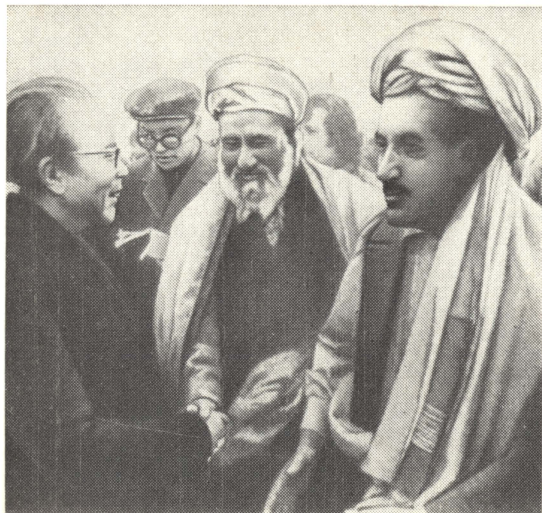

**Войска США и Японии
отрабатывают
высадку десанта.
Пока это только учение.
Но любой район Азии
может оказаться
объектом их совместных
боевых действий.**

**Американские
морские пехотинцы
на военно-морской базе
Субик-Бей (Филиппины)
готовятся к отправке
в зону
Персидского залива
(март 1980 г.).**

Министр иностранных дел Хуан Хуа беседует с руководителями афганских контрреволюционеров. За улыбкой — обещание военной помощи.

Одни из тех молодых афганцев, кто был обманут пропагандой Вашингтона и Пекина.

Оружие американского и китайского производства, изъятое у афганских контрреволюционеров.

З. Бжезинский на Хайберском перевале (Пакистан) целится из пулемета китайского производства в сторону Афганистана (февраль 1980 г.).

Американские морские пехотинцы на о-ве Окинава во время маневров. 1979 год.

Головорезы
из «Корпуса быстрого
реагирования» (1980 г.).

Эти американские танки
для «Корпуса
быстрого реагирования».

Фото ТАСС, ЮПИ,
АП, «Тайм», «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «Ньюсуик»,
«Кейстон», «Юманите»

Каире и Тель-Авиве в Соединенных Штатах вновь заговорили о планах создания военного альянса с участием некоторых арабских стран и Израиля.

Конкретная задача на этот счет сначала была возложена на министра обороны Г. Брауна, визит которого в ряд стран Ближнего Востока предшествовал поездке президента. О целях этого визита рассказал председатель сенатской комиссии по иностранным делам Фрэнк Чёрч в ответах на вопросы корреспондента журнала «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт». Речь шла о привлечении Саудовской Аравии к реализации кэмп-дэвидских соглашений. Эр-Рияд, по мнению Ф. Чёрча, был «в состоянии оказать влияние там, где это особенно важно, и в такой форме, что Саудовская Аравия не станет мишенью для критики со стороны радикальных арабов». В переговорах использовались, видимо, испытанные приемы «кнута и пряника». Судя по высказываниям Ф. Чёрча, Г. Браун дал понять, что американские войска могут быть посланы в Саудовскую Аравию «в том случае, если русские попытаются захватить нефтепромыслы». Американский сенатор счел необходимым откорректировать свое смелое предположение. «Существует, — сказал он, — серьезная опасность внутреннего восстания в той или иной форме. Королевской фамилии в этом случае, возможно, придется обратиться к нам, и мы должны будем выбирать: либо поддерживать ее, либо сотрудничать с каким-нибудь новым правительством Саудовской Аравии»¹¹. Однако Г. Браун не встретил понимания в Саудовской Аравии, считавшейся в США прозападным государством. В ответ на предложение о сколачивании коалиции и на запугивание саудовцев возможным распространением иранских событий на их страну министр иностранных дел Сауд аль-Фейсал заявил, что, по его мнению, стабильности на Ближнем Востоке угрожает сионистская опасность. Восстановление баланса сил в регионе, добавил он, возможно только в том случае, если Израиль выведет свои войска с оккупированных арабских земель, возвратит Иерусалим и признает за палестинцами право на самоопределение.

¹¹ U.S. News and World Report, 1979, March 19.

Поездка президента Картера, предпринятая вслед за неудачными переговорами Г. Брауна, видимо, рассматривалась Вашингтоном как последний шанс на успех. Вероятно, поэтому она сопровождалась демонстрацией силы и угрожающими заявлениями «ястребов». Именно в эти дни Пентагон провозгласил о намерении создать 5-й флот с главной базой на острове Диего-Гарсия в Индийском океане. Он же подлил масла в разгоравшийся военный пожар на юге Аравии. Уже после того, как соседи согласились решить возникший спор за столом переговоров, в Северный Йемен стали доставляться из США военные самолеты, танки, бронетранспортеры и другая военная техника. При ней, как водится, оказались военные «советники».

Подали голос и стойкие противники разрядки, вроде сенатора Джексона. В телеинтервью он призвал администрацию «не исключать» возможности посылки американских войск на Ближний Восток для «защиты» нефтяных месторождений, которые, по его словам, могут подвергнуться нападению «партизан». С аналогичным заявлением выступил и его коллега Джавитс. Почти синхронно с этими призывами обозначились и действия. В Персидский залив была направлена эскадра во главе с авианосцем «Констэлейшн».

Попытки Вашингтона возложить жандармские функции на Израиль и Египет, а также усиление военного присутствия в наиболее взрывоопасном районе создали серьезную угрозу миру не только на Ближнем Востоке, но и в других районах планеты. Миротлюбивая общественность высказывала серьезную тревогу в связи с рискованными шагами Вашингтона. Иранская газета «Кейхан» назвала их провокациями. Как только ущемляются интересы нефтяных монополий, справедливо обвиняли патриоты Ирана заокеанских неокolonизаторов, тут же на сцене появляется потрясающий дубинкой «лидер свободного мира». Поездка Дж. Картера в создавшихся условиях оказалась результативной. Ему удалось «снять» вопросы, возникшие у А. Садата и М. Бегина после кэмп-дэвидской сделки, и ускорить подписание договора.

«Мирный договор» между Египтом и Израилем был подписан в Вашингтоне 26 марта 1979 г.

Мир — святое слово, поддерживающее надежды человека на светлое будущее. О мире особенно стосковались на Ближнем Востоке, где уже более 30 лет периодически воспламеняются тлеющие угли войны, заброшенные в регион вместе с сионистами проимпериалистического Израиля. Но в данном случае не было никакого основания хотя бы приближенно говорить о реальном мире.

«...Заклучая этот договор, — сказал С. Вэнс в речи перед сенаторами, — как Египет, так и Израиль делают шаг в неведомое. В столь неустойчивом районе, как Ближний Восток, неведомое таит в себе определенный риск». Более определенно эта мысль прозвучала из уст самого президента. «Я не считаю, — сказал он корреспонденту израильского телевидения, — что мирные договоры могут оказывать полное, перманентное, благоприятное воздействие, если они основаны лишь на отношениях между руководителями...» ООП и некоторые арабские страны, пояснил он тогда свою мысль, «будут угрожать расширением насилия или экономическими санкциями».

Впрочем, не надо было быть ясновидцем, чтобы предсказать подобное развитие событий. Арабский мир гневно осуждает предательство Садата с тех пор, как в ноябре 1977 года египетский президент совершил «паломничество» в Иерусалим и капитулировал перед агрессором. Буря протестов разразилась и в дни Кэмп-Дэвида. Можно ли было рассчитывать на спад народного гнева после того, как Садат игнорировал справедливые требования Арабского Востока? Вряд ли, тем более что фальшь «мирного договора» и цинизм партнеров Садата наиболее отчетливо проявились именно после того, как Каир откровенно предал дело арабов. Именно предал, потому что документ по сути дела призван увековечить оккупацию Израилем арабских земель и не допустить осуществления законных национальных прав палестинцев. В ответ на вопросы наблюдателей премьер-министр Израиля Бегин откровенно заявил: «Израиль никогда не вернется к границам, существовавшим до июня 1967 года, Израиль никогда не позволит создать па-

лестинское государство на Западном берегу. Иерусалим — единый и объединенный — навсегда останется столицей Израиля...»¹².

Сделка, завершившаяся в Вашингтоне, своим острем была направлена против арабов, и, естественно, она вызвала новый прилив негодования прежде всего в арабском мире. Арабские страны отвергают сделку, совершенную за их спинами и в ущерб их интересам. Арабы полны решимости добиться действительно прочного мира, который можно обеспечить только при условии справедливого решения палестинского вопроса и ухода Израиля с захваченных им арабских земель. Таков лейтмотив широкой кампании протеста арабов, который можно было услышать и в Египте. Египет, сказал, например, лидер Национально-прогрессивной партии Халед Мохи эд-Дин, платит «слишком большую цену за фальшивый мир». Цель договора, сказал он корреспонденту журнала «Миддл Ист», состоит в том, чтобы превратить Египет в орудие американской политики в Африке. Реально оценивала перспективу и израильская прогрессивная общественность. Компартия, например, считала, что сделка в Вашингтоне «не только не приблизит мир, но, наоборот, отдалит его и усугубит израильско-арабский конфликт».

Негативное отношение к «историческому событию», разыгранному в Вашингтоне, проявилось и в других районах мира. Высказал сомнение относительно документа Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. По его мнению, вряд ли он будет эффективным, так как за его рамками остался такой ключевой вопрос, как судьба палестинцев.

Подтверждали свою позицию в подходе к решению ближневосточного кризиса и социалистические страны.

В заявлении, сделанном в ноябре 1978 года, руководители коммунистических и рабочих партий и правительств СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии решительно осудили политику сепаратных египетско-израильских сделок под эгидой

¹² Правда, 1979, 25 марта.

США, которая ведет лишь к новым опасным осложнениям в этом районе. Они выразили убеждение в том, что подобные сепаратные антиарабские сделки идут вразрез с интересами достижения всеобъемлющего политического урегулирования на Ближнем Востоке в соответствии с интересами всех народов этого района, в том числе израильского народа, противоречат интересам международной безопасности и резолюциям ООН.

Как следовало из интервью Дж. Картера израильскому телевидению, такая реакция арабского мира и международной общественности не была неожиданностью. И Вашингтон готовился сдерживать ее силой. В специальном письме Дж. Картера на имя М. Бегина и А. Садата в день подписания «мирного договора» говорилось о маневрах по привлечению к защите договора международных воинских формирований, укомплектованных по рекомендации ООН.

«Соединенные Штаты полагают, — говорилось в письме, — что положение договора о постоянном размещении персонала ООН в обозначенной зоне пребывания ограниченных сил может и должно быть проведено в жизнь Советом Безопасности ООН. Если Совет Безопасности не сумеет установить и поддерживать условия, требуемые в этом договоре, президент будет готов предпринять шаги, чтобы обеспечить создание и содержание приемлемых альтернативных многонациональных сил»¹³.

Другими словами, комментировала это послание газета «Нью-Йорк таймс», «если ООН не предоставит силы для наблюдения или если она не сделает этого из-за советского вето, Картер обязывается обеспечить создание каких-то других международных сил, возможно, включающих войска, над которыми Москва вообще не властна, в том числе, возможно, войска США»¹⁴.

В том же письме Картера Бегину и Садату содержалась и прямая угроза арабам в случае фактического нарушения или угрозы нарушения «договора о

¹³ The New York Times, 1979, Apr. 9.

¹⁴ Ibid.

мире» между Египтом и Израилем. Соединенные Штаты, писал Дж. Картер, по просьбе одной стороны или обеих сторон проведут консультации по этому вопросу и предпримут действия, которые они могут считать уместными и полезными, чтобы добиться выполнения договора.

«Как, очевидно, можно полагать, — заключал автор комментария Дж. Рстон, — это положение означает, что, если возникнет какая-нибудь угроза установлению мира по какой-либо причине, в том числе из-за отсутствия сил ООН или других сил по наблюдению, Соединенные Штаты, если потребуется и если их попросят об этом, возьмут это наблюдение на себя»¹⁵.

Почему же все-таки Тель-Авив, Каир и Вашингтон не посчитались с мнением арабской и международной общественности?

На этот вопрос односложно не ответишь. Каждый из участников сделки преследовал свои эгоистические цели.

Вероятно, нет надобности давать пояснения относительно целей израильской администрации, не скрывавшей, что она сделала еще один шаг на пути к возвращению «Великого Израиля».

Большая ставка в этой политической игре сделана Вашингтоном. Как признался президент Дж. Картер, от результатов «этой операции» на Ближнем Востоке зависел не только престиж Америки, но и его собственная судьба. Он опасался потерять президентское кресло в ходе предстоящих выборов. Беспокойство вполне оправданно. За три с лишним года правления Дж. Картер далеко отошел от своей предвыборной программы как в решении проблем внутри страны, так и на международной арене. «Ястребы» приписали его нерешительности, например, потерю такого бастиона Америки на Среднем Востоке, как монархический Иран, а также развал СЕНТО.

Своей активностью на Ближнем Востоке Дж. Картер, видимо, стремился убить сразу двух зайцев: восстановить личный авторитет и укрепить позиции

¹⁵ The New York Times, 1979, Apr. 9.

США в этом районе. Последнее предполагает усиление здесь военного присутствия США путем сколачивания новых военно-политических союзов, возведения новых военных баз на территории Израиля и Египта, образования 5-го военного флота.

Что касается Садата, то ключ к пониманию его капитулянтских действий следует искать в том, что он слишком далеко зашел по пути предательства дела арабов и не видел иного выхода из создавшегося положения, как продолжать курс, ведущий к окончательному переходу в стан неокolonизаторов.

И чем больше отдалается по времени кэмп-дэвидская сделка, тем пагубнее становится роль Садата, оказавшегося в орбите американских интересов. В сентябре 1979 года он совершил третье «паломничество» в Израиль. Садат обещал арабам, что намерен провести обстоятельные переговоры о таких ключевых моментах проблемы, как израильские поселения на берегу Иордана и в районе Газы, как палестинская автономия и т. п. Переговоры, утверждала каирская газета «Аль-Ахбар», в первую очередь затронут права палестинского народа, включая его право на самоопределение. Они, намекал рупор администрации Садата, непременно придадут «решающий импульс» усилиям по всеобъемлющему и полному урегулированию ближневосточной проблемы¹⁶.

Встреча Бегина с Садатом проходила в Хайфе за плотно закрытыми дверями. Информация просачивалась только тогда, когда участникам это было выгодно. Но даже из отрывочных данных можно было сделать вывод о том, что «свидание в Хайфе» носило характер очередного политического спектакля, принесшего тем не менее ущерб арабскому делу.

М. Бегин согласился лишь вывести войска из района горы Моисея на Синае, где находится монастырь св. Екатерины, на десять дней раньше предусмотренного срока. Садат намеревался организовать там пышные торжества по случаю второй годовщины своей «мирной инициативы», включая закладку первого камня вселенского поселка, где намечается соорудить одну церковь, одну мечеть и одну синагогу.

¹⁶ См. Аль-Ахбар, 1979, 4 сент.

В обмен на этот жест престижного соображения египетский президент пошел на дальнейшие уступки агрессору. Он согласился на поставки Израилю нефти с месторождений, находящихся на Синае, признал его «право» на Иерусалим. На пресс-конференции после встречи с Бегинном Садат заявил, что он поддерживает позицию Израиля по поводу Иерусалима, который должен остаться «неделимым»¹⁷. Вот уж поистине, как говорят в народе, змея один раз в году меняет шкуру, а предатель — каждый день.

Садат отступил и в вопросе о правах палестинцев. Впрочем, этого следовало ожидать. Ведь ему была хорошо известна позиция Бегина на этот счет.

В ходе встречи в Хайфе речь шла только о результатах поиска видных палестинцев-квислингов, которые согласились бы встать на путь предательства. Участники сепаратной сделки развернули лихорадочную деятельность, направленную на то, чтобы привлечь к переговорам кого-либо из палестинцев. В этой деятельности принимали участие и Соединенные Штаты, и Египет, и тогдашний израильский министр иностранных дел М. Даян. Цель всех этих шагов, по мнению наблюдателей, — представить дело так, будто бы в переговорах по «автономии» намечается некий прорыв, в результате чего палестинцам может быть обеспечено восстановление их прав даже в рамках кэмп-дэвидских соглашений.

Результаты оказались нулевыми. В ответ на предложение встретиться с Даяном мэром города Хеброна Хавд Кавасама, например, сказал, что поговорить с министром он может, но если высокий гость намерен вести переговоры, то не туда обращается: он «может сделать это только с ООП».

Уступки, сделанные Садатом в Хайфе, можно квалифицировать как эскалацию предательства дела арабов. Они лежат в русле секретных статей кэмп-дэвидских соглашений, о которых говорилось выше.

Позже Садат принял «в принципе» решение предоставить США право создать две базы (военно-воздушную и военно-морскую) в районе Шарм аш-Шей-

¹⁷ См. Правда, 1979, 6 сент.

ха на Синае, как только Израиль передаст эту часть полуострова египетским властям. Базы будут построены и оборудованы Пентагоном, как и две израильские базы в пустыне Негев. «Пожарные команды», которые, согласно договоренности Садата с Бегиним в Хайфе, будут формироваться из египетских и израильских войск, — это как раз одна из тех главных целей, которых добивается Вашингтон в ходе реализации кэмп-дэвидской сделки.

Реализация решений кэмп-дэвидской сделки застопорилась не только из-за решительного протеста арабов, но и в связи с неоднозначным подходом Каира и Тель-Авива к толкованию отдельных статей «мирного договора». Между Бегиним и Садатом нет полного взаимопонимания по стержневому вопросу — о судьбе палестинцев. В подвешенном состоянии находится и проблема израильских поселений, растущих как грибы при теплом дожде на территории, предназначенной для «автономной Палестины». В конце марта 1980 года в Александрии состоялась очередная встреча представителей трех государств, на которой вновь обсуждалась палестинская проблема. Встреча не дала никаких результатов. И это естественно. Еще накануне встречи в Александрии М. Бегин категорически отклонил предложение специального американского представителя С. Линовича «заморозить строительство новых поселений на оккупированном Западном берегу Иордана и в секторе Газа хотя бы на два месяца с целью обеспечения переговоров о палестинской автономии»¹⁸.

Вашингтон предпринял еще один маневр с надеждой преодолеть тупик на египетско-израильских переговорах. Белый дом пригласил соучастников кэмп-дэвидской сделки посетить в апреле Вашингтон. Дж. Картер снова бросил на весы ближневосточного кризиса свой престиж в расчете на то, что ему удастся спасти свое детище и заодно набрать в свою пользу очки в предвыборной схватке за президентское кресло. Но, как и следовало ожидать, очередная попытка творцов кэмп-дэвидской сделки направить в запла-

¹⁸ Washington Post, 1980, March 26.

нированное русло урегулирование ближневосточной проблемы оказалась безрезультатной. Встретившись поочередно с Садатом и Бегинот, американский президент не сумел приблизить позиции своих собеседников по вопросу о судьбе палестинцев. Тель-Авив остался при своем мнении и намерен сохранить за Израилем захваченные у арабов плодородные земли и Иерусалим, продолжать заселение этих земель гражданами еврейской национальности и не допускать образования суверенного арабского государства, как это было предусмотрено решениями ООН еще в 1947 году.

Судьба трех миллионов палестинцев представляет собой стержневой вопрос ближневосточного урегулирования. Дж. Картер безусловно сознает, что этот вопрос не удастся втиснуть в рамки фиктивной автономии с ограниченным самоуправлением, чего добивается Тель-Авив, но ничего не может или не хочет сделать. Скандал в Совете Безопасности с голосованием вопроса об израильских поселениях на оккупированных арабских землях красноречиво подтвердил сложившееся мнение о том, что Картер боится вызвать гнев Израиля и еврейского лобби в самой Америке.

В ходе вашингтонской встречи Дж. Картера со своими коллегами по Кэмп-Дэвиду сторонам удалось согласовать лишь один довольно расплывчатый тезис: продолжать «интенсивные переговоры» по вопросу об автономии палестинцев. Но тогда ничто не говорило о том, что этот тезис приведет к каким-либо результатам до намеченного на 26 мая конечного срока разработки рамок автономии. Затянувшийся кризис грозил еще одним тупиком в кэмп-дэвидской сделке, которая считается в США самым главным достижением президента Картера в области внешней политики.

Палестинцы категорически отвергают попытки установления режима «самоуправления» в рамках израильского государства. В своей справедливой борьбе они опираются на морально-политическую поддержку со стороны прежде всего арабов, объединившихся в Национальном фронте стойкости и сопротивления (НФСП).

В середине апреля 1980 года в Триполи состоялась четвертая встреча глав государств и правительств НФСП. В ходе совещания руководители Алжира, Сирии, Ливии, НДРЙ, а также председатель Исполкома ООП Ясир Арафат выработали политическую декларацию, в которой еще раз осудили кэмп-дэвидскую сделку по Ближнему Востоку. Соглашения, под которыми стоят подписи Картера, Садата и Бегина, говорилось в декларации, представляют собой звено в цепи позорных заговоров американского империализма против арабских народов и справедливого решения палестинской проблемы.

Главной целью израильско-американского заговора, подчеркивали участники встречи, является ликвидация палестинской проблемы на условиях агрессора и отстранение ООП от руководства борьбой палестинского народа, а также ослабление единства арабских государств путем разжигания междоусобной борьбы в арабском мире. Этим самым Вашингтон и Тель-Авив рассчитывают отвлечь арабов от борьбы с их главными врагами — израильским агрессором и американским империализмом.

Участники встречи в Триполи осудили американский курс на создание военных баз в регионе, расценили эти маневры как прямую агрессию против стран Фронта стойкости и всей арабской нации.

Лидеры стран, входящих в НФСП, выработали конкретную программу противодействия империализму и сепаратизму. Они призвали арабскую нацию к продолжению бойкота политики Кэмп-Дэвида, к срыву всех планов и замыслов, направленных на установление «империалистического и сионистского господства» в регионе.

Форум в Триполи подтвердил солидарность НФСП с иранской революцией в ее борьбе против происков Вашингтона, поддержал усилия Афганистана по защите своей родины от империалистического вмешательства, высоко оценил роль стран социалистического содружества в деле защиты законных прав арабского мира. Страны — члены НФСП, говорится в декларации, будут стремиться и впредь развивать и укреплять свои всесторонние отношения со странами

социализма, в первую очередь с Советским Союзом¹⁹.

Социалистические страны, как известно, активно и последовательно поддерживают борьбу арабов за сохранение суверенитета, за обеспечение их национальной безопасности. Они осуждают сепаратную сделку в Кэмп-Дэвиде и считают, что она направлена на втягивание арабских стран в русло неокOLONиалистской политики Запада, с тем чтобы использовать влияние арабов для защиты интересов монополистического капитала.

По мнению Советского правительства, конфликт на Ближнем Востоке можно решить лишь на всеобъемлющей основе с участием всех заинтересованных сторон. Только полная эвакуация израильских войск и «гражданских поселений» с захваченных в 1967 году арабских земель, предоставление палестинскому народу права на суверенное развитие вплоть до создания национального государства и обеспечение безопасности всех государств региона могут привести к прочному миру на Ближнем Востоке.

Силовая игра против Ирана

Притязания США к Ирану, проявившиеся еще во время миссии М. Шустера в 1911 году, достигли наивысшей точки в годы правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Восстановленный Вашингтоном на троне после свержения правительства М. Мосаддыка, М. Р. Пехлеви преданно служил своим «благодетелям». Бывший монарх послушно выполнял волю Вашингтона по «защите» Персидского залива и был готов выступить на политической арене еще более агрессивно. На Иране лежит ответственность не только за регион, хвастал Пехлеви перед корреспондентом журнала «Ньюсуик» в 1973 году, но и «за защиту 60% нефтяных ресурсов планеты»²⁰.

И шах проявлял рвение, чтобы доказать это. В 1973 году он направил войска в Оман, чтобы по-

¹⁹ Известия, 1980, 17 апр.

²⁰ За рубежом, 1979, № 47, с. 9.

мочь султану Кабусу подавить народное восстание в провинции Дофар.

Тогда же, в дни нефтяного кризиса, свидетельствует бывший директор ЦРУ, а впоследствии посол США в Иране Ричард Хелмс, шах направил своих эмиссаров в Каир и Эр-Рияд для того, чтобы добиться скорейшего упразднения нефтяного эмбарго, наложенного арабами на страны Запада, помогавшие Израилю. В то время Израиль, откровенничал Хелмс, продолжал получать иранскую нефть. Шах обеспечивал топливом американские авианосцы, курсировавшие в Индийском океане. Во время октябрьской войны 1973 года он направил свои войска на границу с Ираком, чтобы связать иракские войска и помешать их использованию против Израиля. В заключительные дни вьетнамской войны шах, по утверждению Хелмса, не мешкая, выполнил просьбу Вашингтона и отправил в Сайгон эскадрилью самолетов «F-5».

Неприглядная роль шаха не ограничивалась тем, что он зарекомендовал себя надежным и стойким защитником интересов Запада в развивающемся мире. По мнению А. Х. Банисадра, ставшего впоследствии первым президентом страны, шах принес в жертву не только экономику, но и социальное обеспечение и национальную культуру страны во имя американских стратегических целей. Каких? Он предоставил широкие возможности иностранным монополиям, поясняет Банисадр, для эксплуатации природных ресурсов, главным образом нефти, для закрепления за собой иранского рынка и, наконец, для использования Ирана в качестве важнейшего звена стратегической цепи, удерживающей район Персидского залива на положении объекта эксплуатации Запада²¹.

Этот счет, предъявленный патриотами Ирана шахскому режиму, вероятно, не нуждается в широкой иллюстрации. Достаточно сказать, что в конце 70-х годов из Ирана ежегодно поступало в США, Западную Европу и Японию около 300 млн. т нефти. Западные торговцы оружием навязали Ирану дорогостоящие сделки. Только Пентагон подписал в последние

²¹ См. The New York Times, 1978, Dec. 11.

годы монархического правления контракты на сумму в 24 млрд. долл.²² Более трети поставок уже было реализовано.

Вот почему в дни наивысшего накала антимонархического и антиамериканского движения в Иране администрация Дж. Картера не видела никакой альтернативы сохранению шахского режима. Вашингтон отказался от политической игры публичного обличения шаха в нарушении прав человека и даже назвал его носителем «прогрессивных» методов управления страной. «Мы благодарны шаху за его движение к демократии», — сказал Дж. Картер в беседе с иранским наследным принцем, состоявшейся в октябре 1978 года, и пожелал его отцу «всего самого хорошего»²³. Это пожелание было подкреплено многообещающим намеком на поддержку шаха, оказавшегося в осаде в собственной стране. «Делайте все, — порекомендовал хозяин Белого дома в телефонограмме, зачитанной его помощником З. Бжезинским, — что вы считаете нужным, для восстановления власти и устойчивости. Каковы бы ни были принимаемые вами меры, мы поддержим вас на все сто процентов»²⁴.

За словами последовала и конкретная помощь шахскому режиму: большие партии оружия, группы агентов ЦРУ — «специалистов по подавлению беспорядков», военные и политические советники. На пресс-конференции, состоявшейся 14 декабря того же года, Дж. Картер сказал: «Я всем сердцем надеюсь, что шах останется у власти в Иране и что нынешние проблемы Ирана будут решены. Шах пользуется нашей поддержкой и нашим доверием»²⁵.

Примеру Вашингтона последовали союзники США по НАТО и двусторонним соглашениям. Из Лондона к берегам Ирана направились корабли со специальным стрелковым оружием, с каучуковыми пулями, предназначенными для борьбы с демонстрантами. Западная Германия отправила в Тегеран на амери-

²² Armed Forces Journal International, 1979, Jan.

²³ Le Monde, 1978, 8 nov.

²⁴ The New Republic, 1978, Nov. 18.

²⁵ The New York Times, 1978, Dec. 15.

канских военных самолетах пять водяных пушек, 11 тыс. наручников и большую партию дубинок, вызывающих при ударе электрошок.

Но наибольшее рвение в этом отношении проявил Израиль. Как говорил в те дни лидер религиозной оппозиции шаху аятолла Р. Хомейни, этот представитель империализма на Ближнем Востоке направил в Тегеран специальные войска, которые приняли участие в расстреле демонстраций. Большая группа специальных подразделений израильской армии была прикомандирована к шахской гвардии и в основном с целью подавить любое движение офицеров иранской армии, если они проявят неповиновение шаху²⁶.

Всем было ясно, почему Вашингтон и его союзники по НАТО так настойчиво цепляются за режим, окончательно скомпрометировавший себя в глазах собственного народа. Понятна была и непримиримость лидеров как религиозной, так и светской оппозиции, отвергавших любой компромисс с шахом. Солидарность международной общественности чувствовали и революционные массы, учинявшие погромы милитаристских комплексов, в которых осели 40 тыс. американских военных «советников». Понятно было и требование иранцев, сформулированное в трех словах: «Янки, убирайтесь вон!»

После бегства М. Р. Пехлеви из страны американское вмешательство в Иране осуществлялось в форме поддержки прошахских элементов, разжигания противоречий между различными политическими группировками, подстрекательства сепаратистов, запугивания, политических убийств. Если напряженность в Иране между гражданским правительством и мусульманскими религиозными деятелями будет продолжаться, то «единственными победителями могут оказаться иранские левые», — трубили рупоры американской пропагандистской машины.

Только за первые полгода существования республики в Иране было совершено множество политических убийств, в том числе трех деятелей, приближен-

²⁶ См. Аль-Анвар (Бейрут), 1978, 19 дек.

ных аятоллы Хомейни. Наиболее коварно действует экстремистская организация «Форган», вобравшая в себя остатки шахской охраны САВАК, все еще выполняющей роль орудия ЦРУ.

«Форган» выдает себя за политическую организацию левого толка и выполняет двоякую задачу: устранив активистов исламской революции и дискредитировать левые силы. Но иранских руководителей трудно ввести в заблуждение. Америка в прошлом, заявил Ибрагим Язди корреспонденту журнала «Тайм», будучи министром иностранных дел, в немалой степени замешана «в каждом убийстве, каждой пытке, каждом случае подкупа».

Агенты ЦРУ, дополнив эти обвинения шейх Монтазари, своими актами против активных националистических и прогрессивных деятелей пытаются подорвать единство народа, натравливают персов на арабов, турок, афганцев, как суннитов, так и шиитов. Пытаясь разжечь вражду между мусульманами, США и Англия мобилизуют разнообразные методы и средства для создания конфликтных ситуаций в Курдистане, Белуджистане, Хузестане и других районах страны. Государственный министр Сахаби в беседе с корреспондентом газеты «Техран таймс», например, заявил, что он располагает конкретными фактами о разжигании войны в Курдистане наймитами шахского режима и о причастности к этому делу бывшего посла Ирана в США А. Захеда, находившегося на службе ЦРУ²⁷.

Напряженность в отношениях между США и Ираном усугублялась из-за отказа Вашингтона выдать шаха и награбленные им народные богатства, которые, по разным оценкам, составляют сумму от 30 до 70 млрд. долл. Иранские студенты, задерживающие американских дипломатов по обвинению в шпионаже, не отказались от предъявленных Вашингтону обвинений и после смерти шаха. В ответ на эти требования администрация Дж. Картера в начале апреля 1980 года объявила о разрыве дипломатических отношений с Ираном, о прекращении торговых и культурных связей, о блокировании иранских вкла-

¹⁵ Teheran Times, 1979, Oct. 24.

дов в американских банках. Руководящая верхушка США откровенно заговорила о возможном использовании «резервных мер», к коим она относила минирование входов в иранские порты и военноморскую блокаду побережья Ирана, бомбардировку Кума, где находится штаб-квартира аятоллы Р. Хомейни, а также нефтепромыслов на юге страны, высадку военно-воздушного десанта в Тегеране. По сообщениям американской печати, в разных районах страны начались формирования специальных воинских подразделений, предназначенных для «тушения пожара» в Иране. «Наше терпение кончается», — не уставал повторять Картер при встречах с журналистами. Если американские заложники не будут освобождены в ближайшее время, конкретизировал он свою угрозу, то «наши действия будут сильными и решительными, включая, возможно, военные меры»²⁸. Некоторые наблюдатели расценивали воинственные заявления Картера как «последний шаг перед объявлением войны».

Вероломная операция «Блю лайт» была предпринята администрацией без какого-либо согласования с конгрессом и держалась в секрете до тех пор, пока не стал очевидным ее провал. Согласно данным, обнародованным самим президентом 25 апреля, в операции приняли участие 90 специально подготовленных диверсантов. Для участия в операции были отобраны и лучшие экипажи вертолетов и самолетов. К ней были привлечены авианосцы «Нимиц» и «Корал Си», 8 вертолетов, 8 транспортных самолетов «С-130», до 100 в основном иранских агентов ЦРУ, которые прибыли на место событий до начала операции. Среди этих людей, сообщала газета «Вашингтон пост», были и американские военные специалисты, и агенты разведки, говорившие по-персидски.

Большинство диверсантов были оснащены противогАЗами, сообщала газета «Нью-Йорк таймс», т. к. были кое-какие признаки того, что первое оружие, которое предполагалось пустить в ход, — это несмертоносный газ. На случай возникновения серьезных

²⁸ Правда, 1980, 15 апр.

осложнений были наготове длинноствольные пистолеты 22-го калибра с глушителями — удобное оружие для убийц, пользующееся большой популярностью среди гангстеров.

Для проникновения на территорию посольства предполагалось пустить в ход взрывчатку. В случае осложнения обстановки было решено вызвать вертолеты в самый безопасный район, куда диверсанты доставили бы заложников. Вертолеты со всеми 53 заложниками, 90 американскими «коммандос» и неизвестным числом «дружественных элементов» должны были увезти всю группу на вторую посадочную площадку за городом, названную «пустыня-2»²⁹.

Операция захлебнулась на первом же этапе. Во время 800-километрового перелета 2 вертолета вышли из строя, а при первой же дозаправке произошло столкновение вертолета с самолетом. Сгорели обе машины и 8 человек команды. Белый дом дал отбой.

Реакция мировой общественности на авантюру Вашингтона развивалась в разных направлениях. Прежде всего, разумеется, речь шла о политической стороне дела: нужно ли было вообще пускаться на такую авантюру, когда возможности для решения проблемы заложников путем переговоров были далеко не исчерпаны? Весь прогрессивный мир и даже многие государственные и политические деятели стран — союзников США осудили рискованное мероприятие. Министр иностранных дел Японии Сабуро Окита, например, назвал шаг Вашингтона «достойным сожаления». Его английский коллега лорд Каррингтон призвал США отказаться от всяких дальнейших попыток силой освободить заложников. Даже такой непримиримый консерватор, как Эдвард Хит (бывший премьер-министр Англии), счел необходимым предостеречь администрацию Картера от подобных необдуманных шагов. Проведение военной операции против Ирана в сочетании с преднамеренным прекращением контактов с русскими, сказал он, «является верным путем к катастрофе»³⁰.

²⁹ The New York Times, 1980, Apr. 29.

³⁰ The New York Times, 1980, May 5.

Более ширскую дискуссию вызвала авантюра администрации Картера в самих Соединенных Штатах. Там рассматривались вопросы не только политической и стратегической стороны дела, но и взвешивалась степень боеготовности и организации вооруженных сил, их способность «выполнять опасные и срочные задания».

На страницах американской прессы развернулась дискуссия и о том, насколько эта неудача увеличила или уменьшила готовность президента снова прибегнуть к военным мерам против Ирана. Как ни странно, находились такие, кто считал необходимым повторить военные акции. Запевалой «ястребов» и на этот раз был Э. Бжезинский. «Одна неудача еще не определяет политику, — сказал он в одной из телепередач. — Мы не намерены вечно сидеть сложа руки»³¹.

Этой же точки зрения придерживался и Дж. Картер. «Мы не откажемся от наших попыток и будем использовать все существующие возможности для вызволения американских граждан в Иране»³², — заявил он после провала операции.

Что ж, авантюризм всегда сопутствовал империализму. Он поставлен на рельсы государственной политики США и теперь, когда Вашингтон, игнорируя новое соотношение сил в мире, пытается по-прежнему диктовать свои условия развивающемуся миру. Но в США уже отдают себе отчет в том, что, говоря словами одного из американских политических деятелей Дж. Болла, «наши угрозы в адрес Ирана очень напоминают по своему характеру эскалацию войны, из-за которой мы увязли во Вьетнаме»³³.

Спекуляции вокруг событий в Афганистане

Курс на усиление военной мощи США администрация Дж. Картера пыталась «оправдать» событиями

³¹ The Wall Street Journal, 1980, Apr. 28.

³² Ibid.

³³ Washington Post, 1980, May 8.

в Афганистане, а точнее вводом на территорию страны ограниченного контингента советских вооруженных сил. Однако эта версия не выдерживает никакой критики. Общеизвестно, что главные решения, из которых сложилась основа политики, лежащей в русле «холодной войны», были приняты Вашингтоном задолго до событий в Афганистане. Об этом красноречиво говорят такие акции, как решение НАТО о ежегодном в течение 15 лет увеличении военных бюджетов стран блока, провозглашение Вашингтоном пятилетней программы беспрецедентных ассигнований на военные цели, замораживание переговоров об ограничении вооружений и ратификации Договора ОСВ-2, форсированное сближение с Пекином на антисоветской основе. До событий в Афганистане Вашингтон начал концентрировать ударные части ВМФ в Аравийском море, заявил о намерении блокировать Иран, навязал странам Западной Европы ракеты среднего радиуса действия.

Наступление на разрядку началось после провала целого ряда внешнеполитических акций США, и, как заявил Л. И. Брежнев корреспонденту газеты «Правда», «если бы не было Афганистана, то определенные круги в США, в НАТО, наверняка, нашли бы другой повод, чтобы обострить ситуацию в мире»³⁴.

После того как по просьбе Кабула Советский Союз оказал дружественную помощь соседней стране, президент Дж. Картер поспешил объявить события в Афганистане «самой большой угрозой» всеобщему миру после окончания второй мировой войны, полностью исказив характер и цели этой акции.

Советско-афганская дружба имеет многолетнюю историю. Страна Советов оказывала морально-политическую поддержку и экономическую помощь афганскому народу еще в трудные годы национального становления страны. На мирной конференции, проходившей в 1919 году в Париже, советский представитель предложил гарантировать неприменение силы по отношению к Афганистану, завоевавшему независимость в ходе борьбы с английскими колониза-

³⁴ Правда, 1980, 13 янв.

торами. Тогда же Советское правительство заявило о признании суверенитета Афганистана и об аннулировании всех неравноправных договоров и соглашений, навязанных соседу царским режимом. В феврале 1921 года был заключен советско-афганский договор о дружбе, который положил начало укреплению добрососедства и расширению всестороннего сотрудничества на равноправной и взаимовыгодной основе.

Научно-технические, экономические, торговые и культурные связи СССР с Афганистаном были подняты на новую ступень после второй мировой войны. За три десятилетия в Афганистане при участии Советского Союза было построено более 80 крупных предприятий промышленного, сельскохозяйственного и культурного назначения, в том числе политехнический институт в Кабуле.

И тем не менее страна медленно продвигалась по пути преодоления экономической и социальной отсталости. Отчасти потому, что народ не мог еще полностью избавиться от цепей средневековых предрассудков, а также из-за искусственной изоляции общества от влияния научно-технической революции.

В сохранении феодальных пережитков был заинтересован прежде всего монархический режим, существовавший в Афганистане до 1973 года. Но и после свержения Мохаммеда Захир-шаха обстановка в стране не изменилась. К власти пришел двоюродный брат шаха Мохаммед Дауд. Под давлением революционных сил он обещал провести ряд экономических и социальных реформ, но практически ничего не сделал, ибо власть на местах по-прежнему оставалась в руках все тех же феодалов и вождей племен, которые господствовали в стране во времена монархии. Прогрессивное развитие страны сдерживалось и представителями западных монополий, заинтересованных в сохранении прежних порядков, позволявших выкачивать из страны максимальные прибыли.

Реальные сдвиги наметились после народно-демократической революции, осуществленной афганским народом 27 апреля 1978 г. под руководством Народно-демократической партии, возглавлявшейся Нур Мухаммедом Тараки.

Апрельская революция открыла новую страницу в истории Афганистана. Она встала на защиту интересов трудового населения 15-миллионной страны. Провозглашенные реформы носили явно демократический характер, и их реализация лишала неограниченной власти всех тех, кто жил за счет эксплуатации трудового народа и природных богатств страны.

В результате земельной реформы были лишены привилегий 40 тыс. помещиков, владевших 70 % всех сельскохозяйственных угодий страны. Массы обездоленных крестьян-арендаторов получили землю.

Новое правительство заявило о намерении сотрудничать со всеми странами мира, особенно с соседями, на равноправной и взаимовыгодной основе, как и прежде участвовать в движении неприсоединения, но занимать более активную антиимпериалистическую позицию.

5 декабря 1978 г. между Советским Союзом и Афганистаном был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Подтвердив верность целям и принципам советско-афганских договоров от 1921 и 1931 годов, стороны торжественно заявили о своей решимости всемерно укреплять дружбу и всестороннее сотрудничество на основе невмешательства, равноправия, уважения национального суверенитета и территориальной целостности.

В новом документе содержатся взаимные обязательства по обеспечению безопасности и укреплению обороноспособности сторон. В ст. 4 договора по этому поводу говорится: «Высокие Договаривающиеся Стороны, действуя в духе традиций дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран.

В интересах укрепления обороноспособности Высоких Договаривающихся Сторон они будут продолжать развивать сотрудничество в военной области на основе заключаемых между ними соответствующих соглашений»³⁵.

³⁵ Правда, 1978, 6 дек.

Иную реакцию вызвала афганская революция в столицах западного мира, а также в Пекине. Вашингтон, используя услуги ЦРУ и Пентагона, а также Китая, Пакистана, Египта, развернул по сути дела необъявленную войну против Афганистана. На территории соседнего Пакистана была налажена подготовка террористических групп из числа афганских феодальных кругов и обманутых лиц, покинувших страну после Апрельской революции. Прошедшие подготовку бандиты забрасываются группами на территорию Афганистана, где они терроризируют население, грабят и убивают мирных жителей, в первую очередь активистов Народно-демократической партии Афганистана. С какой целью? Вашингтон, как говорил по этому поводу Генеральный секретарь НДПА, председатель Совета министров Афганистана Бабрак Кармаль, пытается заставить Афганистан свернуть с избранного им пути, воспрепятствовать укреплению суверенитета и прогрессу страны.

Аналогичные мнения высказываются и на страницах западной прессы, не всегда симпатизирующей революционным переменам. Французская газета «Фигаро», например, писала: «США хотят воспользоваться событиями в Афганистане как рычагом для того, чтобы перетянуть во враждебный Советскому Союзу лагерь государства и партии, приверженные строго мусульманской политической концепции. Такова их цель. Чтобы достигнуть ее, США, несомненно, оказывают всевозможное содействие мятежу в Афганистане»³⁶.

В журнале «Африк — Ази», издающемся в Париже, была опубликована статья Ани Балаша, в которой разоблачается неприглядная роль президента Пакистана М. Зия-уль-Хака, готовившего «с помощью Соединенных Штатов, эмиратов и Китая вторжение в Афганистан» уже с апреля 1978 года. Очевидец разворачивавшихся антиафганских событий подробно рассказал о сговоре реакционных сил, группировавшихся в Пакистане, о ходе подготовки к вторжению. К концу июля 1978 года, писал А. Ба-

³⁶ Le Figaro, 1979, 3 juil.

лош, первые партии контрреволюционеров закончили подготовку, и их начали засылать на афганскую территорию. В их задачу входило нападение на деревенских жителей и отдельные полицейские участки. Эти операции, подчеркивает автор, продолжались все лето и стали своего рода пробой сил боевых подразделений, а также разведкой местности для активизации провокаций. Одновременно, по свидетельству этого очевидца, готовились условия для крупного вторжения. К таковым он относит сосредоточение сил, оружия, техники, поддержку со стороны Пакистана, Китая и Соединенных Штатов, организацию подрывной работы на территории Афганистана³⁷.

Действия Вашингтона против суверенного Афганистана можно с полным основанием отнести к разряду одной из форм агрессии, как это квалифицируется уставными положениями ООН. К понятию «агрессия» эта международная организация относит не только прямое вооруженное вторжение, как это имело место со стороны США, а затем и Китая по отношению к Вьетнаму, но и такую подрывную деятельность, как засылка «государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства»³⁸.

Как известно, Устав ООН предусматривает право жертвы агрессии обращаться в таких случаях к другим государствам за помощью (ст. 51). И Афганистан воспользовался этим правом, а также положениями советско-афганского договора 1978 года. Все три правительственных кабинета, сменивших друг друга в Кабуле со времени Апрельской революции, многократно обращались к СССР с просьбой о помощи в защите страны от вторжения извне сил контрреволюции, подстрекаемой Соединенными Штатами, Пакистаном, Китаем.

Для Советского правительства, сказал Л. И. Брежнев в беседе с корреспондентом газеты «Правда», бы-

³⁷ См. L'Afrique—Asie, 1980, 28 fév.

³⁸ Цит. по: Правда, 1980, 5 февр.

ло «не простым решением» направить в Афганистан свои воинские подразделения, и оно пошло на это лишь после того, как необъявленная война против Афганистана создала «серьезную угрозу афганской революции и безопасности нашей южной границы»³⁹. (СССР имеет общую границу с Афганистаном длиной более 2 тыс. км.)

Администрация Дж. Картера игнорировала тот факт, что советские воинские подразделения введены на территорию Афганистана по просьбе законных властей и в соответствии с Уставом ООН и советско-афганским договором исключительно для помощи в отражении внешней угрозы, и подняла злобную антисоветскую шумиху.

Трудно скрыть от международной общественности истинные цели искусственно раздуваемой антисоветской кампании. Многие государственные, политические деятели, с одной стороны, относятся с пониманием к вынужденной акции СССР, а с другой — осуждают опасные инсинуации Вашингтона, создающего угрозу миру и безопасности народов. «В Афганистане, — отмечает французский журналист Жан Жарри, — имела место бесспорная иностранная интервенция, моральная и материальная поддержка мятежников... Именно для того, чтобы положение не ухудшилось, Советский Союз и решился на весьма ограниченное вмешательство, которое мы можем лишь одобрить»⁴⁰. «Запад склонен считать, — сказала премьер-министр Индии Индира Ганди в беседе с корреспондентом французской газеты «Матэн», — что вся проблема создана прежде всего вступлением советских войск в Афганистан. Нельзя сказать, что Запад содействует ослаблению напряженности. Он расширил свои военные усилия в огромных масштабах. Это, в частности, можно сказать о действиях Соединенных Штатов в Индийском океане... Так же как любая другая страна, СССР не может оставаться безучастным, коль скоро он считает, что на карту поставлены его национальные интересы. Приходится

³⁹ Правда, 1980, 23 февр.

⁴⁰ France Nouvelle, 1980, 9—15 fév.

признать, что одной из причин этого является сближение между Китаем и США против СССР»⁴¹.

Впрочем, американо-китайское сближение беспокоит и Индию, ибо, как неоднократно подчеркивала И. Ганди, Китай «преследует экспансионистские цели, от которых Индия уже пострадала».

Индия озабочена и растущим потоком оружия, поступающим в Пакистан под фальшивым предлогом «обеспечения безопасности». Но кто угрожает Пакистану? Ведь не с афганской территории вторгаются вооруженные банды в Пакистан, а наоборот. Поступающее в Пакистан оружие может быть использовано и против Индии, и против самого пакистанского народа, как это уже случалось не один раз. Однако Вашингтон, видимо, не намерен считаться с обоснованными опасениями крупнейшей страны азиатского континента, влиятельного лидера движения неприсоединения.

Не поддержали антисоветскую истерию, поднятую в США по поводу советской помощи Афганистану, и многие мусульманские страны. «Советская акция в Афганистане, — сказал министр иностранных дел Кувейта Сабах ас-Сабах, — не представляет собой угрозы ни для Кувейта, ни для других государств Персидского залива». «Не кто иной, как Соединенные Штаты, — писала амманская газета «Ад-Дустур», — угрожали и продолжают угрожать оккупацией нефтяных источников в районе залива. Не кто иной, как хозяин Белого дома заявлял и продолжает заявлять об использовании военной силы в этой части мира»⁴². «Соединенные Штаты, — продолжил эту тему ливийский дипломат Али Мабрук, — пытаются использовать события в Афганистане в качестве предлога для усиления своего военного присутствия в Персидском заливе и создания новых баз на территории исламских государств»⁴³.

Фотография, запечатлевшая З. Бжезинского в роли военного инструктора, бросающего недобрый взгляд на территорию Афганистана сквозь прицел

⁴¹ Le Matin, 1980, 4 mars.

⁴² Ад-Дустур, 1980, 22 февр.

⁴³ Муслим (Исламабад), 1980, 22 февр.

ручного пулемета китайского производства, облетела страницы мировой прессы. Фотодокумент изобличает главного внешнеполитического советника американского президента в несвойственных такому должностному лицу функциях, символизирует подстрекательскую сущность визита посланца Белого дома в Пакистан.

К многозначительным жестам подобного плана можно отнести и прямой призыв З. Бжезинского «освободить» Афганистан, прозвучавший в районе Хайберского перевала.

Очевидное подстрекательство к авантюризму содержалось в елейных речах помощника президента и в ходе его переговоров с президентом Пакистана М. Зия-уль-Хаком. Задача З. Бжезинского сводилась к тому, чтобы заставить Пакистан защищать интересы Запада в районе Юго-Западной Азии, использовать его в роли подручного американского империализма взамен выбывшего из игры шахского режима.

М. Зия-уль-Хак, испытывавший давление со стороны Вашингтона и Пекина, видимо, был бы готов встать на бесславный путь Мохаммеда Реза Пехлеви, но он хотел бы выторговать наивысшую плату за свои услуги. Еще до встречи с З. Бжезинским военный администратор Пакистана начал набивать цену. Предварительно намеченную сумму американской помощи в 400 млн. долл. он назвал «орешками», которые будто бы не могут компенсировать вклад Пакистана. Для придания большей весомости своим претензиям пакистанский президент охарактеризовал прошлый опыт близких отношений с США как «горький урок», ибо Вашингтон, по его свидетельству, показал себя «вероломным другом» и «ненадежным союзником»⁴⁴.

Однако «очень способному парню», как назвал Зия-уль-Хак гостя из Вашингтона, удалось рассеять сомнения Исламабада. По сообщениям западной прессы, З. Бжезинский сумел внушить своим собеседникам уверенность в твердости американского курса,

⁴⁴ Washington Post, 1980, Febr. 3.

в том, что Соединенные Штаты в действительности «покончили с изоляцией, вызванной вьетнамской войной», и, как выразился З. Бжезинский, теперь снова «готовы взять на себя международные обязательства, соответствующие рангу сверхдержавы»⁴⁵.

З. Бжезинский, его коллеги из госдепартамента и Пентагона заверили пакистанских руководителей в том, что объявленная помощь является «лишь началом». В течение последующих лет, пояснили они, Вашингтон будет готов предоставить военной диктатуре Пакистана помощь на сумму до 1 млрд. долл. Кроме того, сообщала американская пресса, планируется создание «многонационального консорциума», через который будет предоставляться военная помощь Пакистану. Помимо США, в него войдут страны НАТО, а также Япония, Китай и Саудовская Аравия.

В Исламабаде собеседники договорились пересмотреть и дополнить американо-пакистанское «соглашение о сотрудничестве», подписанное в 1959 году. В частности, достигнуто согласие по развитию военного сотрудничества и даже о возможном направлении в Пакистан американских войск. Согласован подход и к главному вопросу, ради которого З. Бжезинский приезжал в Исламабад. Об этом сообщила газета «Вашингтон пост» со ссылкой на официальные источники. Согласно одной секретной телеграмме, писала она, стороны обсудили возможность «более значительной координации действий между Китаем, США и Пакистаном с целью поддержать антиафганское восстание, направляемое из Пакистана»⁴⁶.

Подстрекательская миссия З. Бжезинского сделала свое черное дело. В конце февраля 1980 года в Кабуле была предпринята новая террористическая акция. Вот что о ней рассказывается в заявлении органов безопасности ДРА, распространенном агентством Бахтар: «Жителям Кабула известно, что 22—23 февраля в результате заговора, бандитских дейст-

⁴⁵ The New York Times, 1980, Febr. 4.

⁴⁶ Washington Post, 1980, Febr. 29.

вий кучки прислужников американского империализма, китайского шовинизма и милитаристских кругов Пакистана была нарушена мирная жизнь города, которая после победы нового этапа Апрельской революции 27 декабря основывается на гуманной политике нашего революционного партийного и государственного руководства. В городе были нарушены порядок и безопасность, поджигались здания и магазины, государственные и личные автомашины, с контрреволюционным умыслом осуществлялись ограбления общественного и частного имущества, население подвергалось угрозам и шантажу, пролилась кровь десятков наших ни в чем не повинных соотечественников».

Перед контрреволюционными бандами, видимо, была поставлена еще одна задача: «вызвать огонь на себя» со стороны советских воинских подразделений, дислоцированных на территории Афганистана. Но и эта затея не удалась. Советские воинские подразделения, говорилось по этому поводу в заявлении Кабула, не принимали никакого участия в подавлении бандитского набега на город. Этот факт еще раз подтвердил искренность заявлений советских и афганских руководителей о том, что в задачу советских воинских подразделений входит лишь обязанность по защите афганской территории исключительно от внешней угрозы. И, как заявил Л. И. Брежнев 23 февраля 1980 г. в своей предвыборной речи, Советский Союз будет готов «приступить к выводу своих войск, как только будут полностью прекращены все формы вмешательства извне, направленного против правительства и народа Афганистана. Пусть США вместе с соседями Афганистана гарантируют это — и тогда отпадет необходимость советской военной помощи»⁴⁷.

Некоторые советские воинские части были выведены из Афганистана летом 1980 года. Решение по этому поводу было принято Москвой по согласованию с Кабулом в связи с тем, что крупные банды контрреволюционеров были разгромлены и не-

⁴⁷ Правда, 1980, 23 февр.

посредственная угроза Афганистану отпала. Но, заявил Л. И. Брежнев на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 23 июня, «мы и в дальнейшем будем помогать Афганистану строить новую жизнь, сохранить завоевания Апрельской революции»⁴⁸.

«Корпус быстрого реагирования»

Провал экспансионистской политики Вашингтона в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, неудачи в Африке и Латинской Америке, «потеря» Ирана и Никарагуа вызвали своеобразный политический шок в высшем эшелоне администрации США. Пытаясь реабилитировать себя накануне новых президентских выборов, Дж. Картер и его ближайшее окружение решились на рискованные акции, чтобы продемонстрировать свою «твердость» и сбить накал освободительной борьбы. Игнорируя объективные законы развития человеческого общества, американские стратеги вот уже в который раз пытаются повернуть вспять процессы развития международного сотрудничества и в этих целях вновь делают в международных отношениях ставку на политику «с позиции силы».

Во второй декаде января 1980 года Дж. Картер направил конгрессу традиционное послание «О положении в стране», а 23 января выступил перед конгрессом с разъяснениями и обоснованием намеченных мероприятий администрации в области внутренней и внешней политики.

Послание и речь проникнуты духом «холодной войны». В них откровенно высказаны претензии США на лидерство в мире, которого Вашингтон намеревается достичь с помощью силы. Доктриной военной истерии и лихорадочной гонки вооружений⁴⁹ назвал Л. И. Брежнев программу внешнеполитического курса администрации Дж. Картера, основные принципы которой заимствованы из практики небызвестного государственного секретаря США

⁴⁸ Правда, 1980, 24 июня.

⁴⁹ См. Правда, 1980, 23 февр.

Дж. Ф. Даллеса, проводившего в 50-х годах курс «балансирования на грани войны».

Бросая вызов нормам международного права, Вашингтон снова сделал ставку на силу как главное средство достижения мировой гегемонии. Белый дом заявил о намерении диктовать свои порядки в любом районе мира, любому государству, а в тех случаях, когда американские стратеги сочтут целесообразным, применить любые средства, в том числе и оружие. Дж. Картер изъявил готовность «заплатить любую цену, какая потребуется, чтобы остаться самой могучей страной в мире»⁵⁰.

Дж. Картер оказался первым президентом США, который в мирное время три года подряд увеличивал бюджет Пентагона. На 1980/81 финансовый год военные расходы США определены в сумме, превышающей 158 млрд. долл., то есть на 5% больше в реальном выражении, чем ассигнования на подобные цели в предыдущем году⁵¹.

Мировая общественность обратила внимание на ту часть военной программы Дж. Картера, в которой бассейн Персидского залива объявлен районом «жизненно важных интересов США», для защиты которого Вашингтон намерен использовать «всевозможные необходимые средства, включая вооруженные силы»⁵².

Прогрессивный мир с настороженностью встретил провокационные заявления американского президента. Недоумение по поводу действий Вашингтона высказали и его союзники по НАТО. Демонстрация силы, рассуждала, например, английская газета «Файнэншл таймс», может быть сейчас популярной, «но не настолько, чтобы в самом деле вновь посылать американские войска в какой-то отдаленный район мира бороться за дело, которое кажется сомнительным».

Американская администрация, вступив на предвыборную вахту, игнорировала как протесты про-

⁵⁰ Цит. по: За рубежом, 1980, № 6, с. 9.

⁵¹ L'Humanité, 1980, fév. 18.

⁵² Washington Post, 1980, Febr. 5.

грессивных кругов мира, так и советы умеренных единомышленников. Дж. Картер опирается в своем рискованном курсе на рекомендации «ястребов», осуждающих ставку прежних президентов на национальных деятелей Азии типа бывшего иранского шаха и одобряющих курс, предусматривающий защиту американских интересов на континенте собственными силами. К числу подобных советников следует отнести и одного из бывших заместителей госсекретаря США Дж. Болла, который, критикуя курс администрации Картера, в то же время дает рекомендации по усилению военного присутствия Соединенных Штатов за пределами собственной территории.

«Мы лихорадочно пытаемся заполнить вакуум силы в районе Персидского залива, который не заполнили, когда англичане ушли оттуда в 1971 году, — пишет Дж. Болл. — В то время мы безрассудно поручили оборону этого района шаху Ирана и дали понять, что сами останемся в стороне. Это решение было принято в соответствии с «доктриной Никсона» и явилось, как показали сейчас события, опасно неразумным, ибо если драма только что закончившегося года чему-нибудь нас научила, так это тому, что мы не сможем обеспечить защиту какого-то стратегического района, поручая ее местному правителю, которого мы затем сверх всякой меры снабжаем новейшим оружием. Мы не укрепляем военную мощь этого правителя, удовлетворяя его страсть к первоклассной технике, скорее мы разжигаем его имперские притязания и ускоряем его падение. Поэтому вывод из нашего печального опыта в Иране ясен. Он состоит в том, что мы сами должны обеспечивать оборону этих стратегических аванпостов, которые жизненно важны для наших интересов. Для этого мы должны увеличить наши боевые и материально-технические ресурсы»⁵³.

В духе подобных советов и действует администрация Дж. Картера. Она развернула широко разрекламированную кампанию по усилению военного при-

⁵³ Цит. по: За рубежом, 1980, № 9, с. 8.

сутствия США в Индийском океане, в особенности в его западной части. К февралю 1980 года в Аравийском море было сосредоточено более 25 военных кораблей, в том числе три авианосца. К концу марта туда же прибыл из района Гавайских островов вертолетоносец «Окинава», на борту которого находился десантный батальон корпуса морской пехоты численностью 1800 солдат. «Окинаву» сопровождали десантное судно «Сан-Бернардио», десантный грузовой транспорт «Мобайл», имеющий площадку для посадки вертолетов, а также транспорт-док «Аламо», способный высаживать морских пехотинцев непосредственно на берег⁵⁴.

Командующий морской пехоты США генерал Роберт Бэрроу как-то сообщил в одной из комиссий конгресса, что два из трех десантных соединений морской пехоты, которые базируются на восточном и западном побережьях США и Японии, могут действовать в районе Индийского океана, в частности Персидского залива, «в случае чрезвычайных обстоятельств».

Американские стратеги объединяют ныне отдельные «пожарные команды» в так называемый «корпус быстрого реагирования», в который войдут все рода войск. Впервые идея о формировании «корпуса быстрого реагирования» (КБР) была высказана Э. Бжезинским в августе 1977 года. В него намечалось включить отборные части сухопутных, военноморских и военно-воздушных сил общей численностью 100—110 тыс. человек.

Больше двух лет в Пентагоне и на страницах печати шли дискуссии по поводу того, какие конкретно части должны войти в КБР и где его концентрировать. Судя по всему, решение на этот счет было принято в начале реализации милитаристской программы Дж. Картера, когда Вашингтон вновь решил облачиться в мундир «мирового жандарма». Министр обороны Г. Браун отдал приказ заместителю начальника штаба по планированию и программам Пентагона генералу П. Келли вывесить 1 марта

⁵⁴ The Christian Science Monitor, 1980, Febr. 15.

1980 г. над военно-воздушной базой во Флориде флаг штаба КБР⁵⁵.

В этой связи американская пресса широко муссировала детали комплектования воинского соединения, предназначенного для подавления освободительного и демократического движений в развивающемся мире. Как только штаб будет создан, сообщалось в газетах, его первая задача будет состоять в том, чтобы разработать планы конкретных действий на случай чрезвычайных обстоятельств в таких местах, где развертывание корпуса будет наиболее вероятным. И чаще всего такими местами назывались Ближний Восток, Персидский залив, Корея.

Появление в печати таких сообщений предназначено для нагнетания в стране обстановки военного психоза, для пропагандистского обеспечения политики «с позиции силы», лежащей в основе воинственной программы президента Картера. В его январском послании конгрессу, в частности, говорилось: «Мы будем систематически наращивать нашу способность быстро реагировать на чрезвычайные обстоятельства вне сферы НАТО везде, где того требуют наши обязательства или когда под угрозой окажутся наши жизненные интересы»⁵⁶.

По планам стратегов из Пентагона, в КБР не будет постоянно прикрепленных частей, но ему обещано «по первому требованию» присылать части сухопутных войск, морской пехоты, ВМС и ВВС, которые могут быть сведены вместе для решения определенной задачи. В каждом отдельном случае численность корпуса может варьироваться от батальона «рейнджеров» до формирований численностью 110 тыс. человек, поддерживаемых тремя авианосцами и несколькими эскадрильями тактической авиации.

Для решения проблемы доставки подразделений КБР к месту действия, сообщила газета «Нью-Йорк таймс», ВВС начали разработку нового транспортного самолета большого радиуса действия. Не отстает

⁵⁵ The New York Times, 1980, Febr. 23.

⁵⁶ Baltimore Sun, 1980, Febr. 6.

и ВМФ, который планирует приобрести несколько крупных судов, а позднее создать флотилию из 15 специально оборудованных судов. Ассигнования в сумме 700 млн. долл. на строительство двух таких кораблей, а также на создание транспортного самолета большого радиуса действия, на перестройку имеющихся транспортных самолетов и на приобретение воздушных заправщиков предусмотрены бюджетом на 1981 год. В 1981/82 финансовом году расходы на эти цели возрастут до 1,3 млрд. долл.⁵⁷ Кроме того, Пентагон намерен запросить дополнительные ассигнования для покрытия расходов по специальной подготовке предполагаемых частей КБР.

Параллельно с созданием КБР Белый дом старается заручиться разрешением союзных и дружественных правительств на то, чтобы американские военные самолеты могли пролетать над территориями этих стран и совершать посадки в случае необходимости.

Первыми, кто откликнулся на призыв Вашингтона, оказались союзники по блоку АНЗЮС. Состоявшаяся в феврале 1980 года в Вашингтоне сессия совета блока была, по мнению С. Вэнса, «одной из самых продуктивных в истории союза». А история у него, как известно, длинная. Соединенные Штаты, Австралия и Новая Зеландия объединились «в целях обеспечения безопасности» еще в 1951 году, и пакту удалось пережить такие военно-политические союзы Запада в Азии, как СЕАТО и СЕНТО. При этом два прозападных соседа стран Юго-Восточной Азии почти всегда выполняли роль неокOLONиалистского орудия империализма. АНЗЮС не остался в стороне от вьетнамской авантюры США, последовательно поддерживал и поддерживает экспансионистский курс старшего партнера. И в дни, когда Вашингтон решил возвратиться к политике «с позиции силы», АНЗЮС снова оказался на переднем рубеже. Об этом красноречиво говорят решения, принятые на Вашингтонской встрече глав внешнеполитических ведомств, а также министра обороны Австралии.

⁵⁷ The New York Times, 1980, Febr. 23.

Как следовало из заключительного коммюнике, главный смысл решений сводился к намерению стран АНЗЮС «повысить эффективность военной деятельности в Индийском океане».

Не менее важным для США результатом вашингтонской сессии совета АНЗЮС следует считать договоренность об использовании территории Австралии и Новой Зеландии под перевалочные пункты КБР и даже под базирование американских воинских частей, поскольку на восточный путь, пролегающий через Японию и Южную Корею, Филиппины и Австралию, Диего-Гарсия и Израиль, Пентагон возлагает большие надежды как на удобный маршрут доставки воинских контингентов и вооружений к берегам стран Ближнего и Среднего Востока.

Военная авантюра «Блю лайт», предпринятая Вашингтоном против Ирана в апреле 1980 года, по сути дела представляет собой реализацию идеи о КБР. Как и следовало ожидать, операция, названная газетой «Нью-Йорк таймс» голливудским спектаклем без счастливого конца, завершилась полным провалом. Она, вероятно, дает американским стратегам пищу для размышления на тему: а нужно ли огород городить?

Силовая дипломатия США в Азии, да и во всем мире терпит провалы главным образом потому, что народы, сбросившие колониальное иго, проявляют решимость отстоять национальные завоевания. Важнейшими факторами их успеха в антиимпериалистической борьбе являются опора на мир социализма и единство между собой. В начале 1979 года журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» опубликовал пространное интервью, взятое известным политическим обозревателем Дж. Рестоном у З. Бжезинского. Занимая высокий пост в правительстве, З. Бжезинский вместе с тем слывет историком и теоретиком внешней политики США. Его взгляды, естественно, влияют на выработку концепций и тактических приемов, нацеленных на реализацию стратегического курса страны.

В интервью журналу З. Бжезинский затронул самые разнообразные аспекты международной действительности, в частности пытался дать оценку событиям послевоенного периода. Его суждения примечательны целым рядом вынужденных признаний, констатирующих крах притязаний американского империализма на мировое господство. Если в 1939 году, констатирует Бжезинский, Запад обладал бесспорной политической, финансовой и экономической мощью, то сегодня военная мощь разделена между Западом и Советским Союзом, а экономическая мощь стала рассредоточенной.

К числу важнейших причин, повлиявших на изменение соотношения сил на мировой арене, Бжезинский относит «широкий рост политического и социального самосознания человека». Еще несколько десятилетий назад, поясняет он свою мысль, значительная часть мира покоилась на колониальных им-

перях, которые доминировали в значительной части Азии и Африки, или на политических системах, участие в которых было очень ограничено. Теперь же колониальная система полностью развалилась, более чем вчетверо возросло число независимых государств.

З. Бжезинский близок к истине, когда фактически признает возросшую роль поработанных в прошлом наций в решении своей собственной судьбы, а также в практике международных отношений. Многие народы, вырвавшиеся из колониальной кабалы, отвернулись от капиталистической системы и устремили свой взор к социализму, тем более что опыт Советского Союза, первым вступившего на социалистический путь развития в 1917 году, оказывает огромное воздействие на массы. «Если будущее и полно надежд, — говорил еще в 1938 году Дж. Неру, — то главным образом благодаря Советской России и тому, что ею делается. Я уверен, что, если не произойдет какой-либо мировой катастрофы, новая цивилизация распространится на другие страны и положит конец войнам и конфликтам, порождаемым капитализмом»¹.

Тяга раскрепощенных народов к социализму — это не единственная особенность процесса становления молодых государств. Уже с первых дней суверенного существования они начали налаживать всестороннее сотрудничество между собой, крепить единство и солидарность в борьбе за общее дело.

Первый шаг в этом направлении был сделан еще в 1947 году. Тогда в Дели по инициативе Дж. Неру состоялась встреча представителей стран азиатского континента. В ее работе приняли участие и делегаты советских среднеазиатских и закавказских республик.

Состоявшийся обмен мнениями позволил участникам встречи согласовать две позиции. Первая: молодым государствам Азии следует и впредь оставаться в стороне от блоковой политики и милитари-

¹ Nerhu on Socialism, Selected Speeches and Writings. New-Delhi, 1964, p. 7.

стских союзов Запада. И вторая: обеспечение мира и безопасности, а также укрепление суверенитета тесно связаны с активной борьбой за мирное сосуществование, с отражением всяческих происков империализма и неокOLONиализма. «Там, где свобода или справедливость находятся под угрозой, или там, где имеет место агрессия, мы не можем быть и не будем нейтральными».

Эти слова «отца неприсоединения» Дж. Неру достаточно точно определяют сущность политики неприсоединения. Она красной нитью проходит в дискуссиях на всех форумах освободившихся от колониализма стран, присутствует во всех документах, выработанных международными или региональными совещаниями неприсоединившихся стран.

Эта политика рельефно проявлялась во многих практических шагах правительств стран Азии, которые, опираясь на поддержку стран социализма, усиленно сдерживают неокOLONиалистские притязания Запада. Индия, Индонезия, Бирма и Шри Ланка сорвали, например, попытку Вашингтона сколотить военно-политическую организацию, предпринятую на специально созванной для этой цели конференции в Багио, на Филиппинах, в мае 1950 года.

К значительным акциям, определявшим миролюбивый внешнеполитический курс молодых государств, следует отнести известные пять принципов «Панча-Шила», обнародованные в апреле 1954 года Индией и КНР. Они, как известно, включали в себя взаимные обязательства об уважении территориальной целостности и суверенитета, о невмешательстве во внутренние дела друг друга, о ненападении, о соблюдении равенства и взаимной выгоды, о мирном сосуществовании.

Эти принципы получили официальную поддержку правительств Индонезии, Бирмы, Непала и многих других стран Азии. Они были всемерно одобрены Советским Союзом, который строил и строит свою политику на принципах мирного сосуществования государств с различным социальным строем, разработанных основателем первого в мире социалистического государства В. И. Лениным.

Бандунг — первый раунд политической схватки

Важной вехой на пути формирования антиимпериалистической политики вырвавшихся из колониальной кабалы государств, повышения их роли на международной арене явилась Бандунгская конференция.

Представители 29 стран Азии и Африки, собравшиеся в индонезийском городе Бандунг 18 апреля 1955 г. по инициативе руководителей Индии, Индонезии, Бирмы, Цейлона и Пакистана, обсудили общие проблемы двух континентов и наметили пути и способы, с помощью которых народы освободившихся стран намеревались обеспечить экономическое, культурное и политическое сотрудничество, а также защитить право на мир и суверенное развитие.

Особенно серьезное внимание конференция уделила укреплению безопасности народов. Она с глубоким беспокойством осудила международную напряженность, создающую, как говорилось в заключительном коммюнике, опасность мировой атомной войны. Она высказалась за право всех стран свободно выбирать для себя политические и экономические системы, образ жизни в согласии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

Проникнутые доверием и доброй волей по отношению друг к другу, говорится в принятой Бандунгской конференцией Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, страны должны проявлять терпимость, жить в мире друг с другом, как хорошие соседи, и развивать дружественное сотрудничество на основе следующих принципов:

1. Уважение основных прав человека, а также целей и принципов Устава ООН.
2. Уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран.
3. Признание равенства всех рас и наций, больших и малых.
4. Воздержание от интервенции и вмешательства во внутренние дела другой страны.
5. Уважение права каждой страны на индивиду-

альную или коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН.

6. (А) Воздержание от использования соглашения о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав.

(Б) Воздержание любой страны от оказания нажима на другие страны.

7. Воздержание от актов или угроз агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны.

8. Урегулирование всех международных споров мирными средствами, такими как переговоры, примирение, арбитраж или юридическое урегулирование, так же как и другими мирными средствами по выбору сторон, в соответствии с Уставом ООН.

9. Содействие взаимным интересам и сотрудничеству.

10. Уважение справедливости и международных обязательств.

Конференция стран Азии и Африки выразила убежденность в том, что дружественное сотрудничество в соответствии с этими принципами будет успешно способствовать поддержанию международного мира и безопасности, достижению всеобщего процветания и благосостояния.

Бандунгская конференция продемонстрировала непоколебимую решимость молодых государств занять достойное место в борьбе прогрессивных сил за справедливость, за сохранение мира на земле и укрепление безопасности народов.

Антиимпериализм — знамя движения неприсоединения

Экономисты развивающихся стран проследили путь прохождения сырья от источника до потребителя и выявили довольно любопытную картину. Оказалось, что в середине 70-х годов потребители развитых капиталистических стран ежегодно платили за сырье, поступающее из развивающихся стран, 200 млрд. долл., а страны-экспортеры получали за это сырье лишь 30 млрд. долл. Стало быть, владельцам природ-

ных богатств, скажем, нефти, каучука или олова, поступало только 15% выручки, в то время как львиная доля доходов текла в сейфы межнациональных монополий.

Скрытый грабеж природных ресурсов дополняется неэквивалентным торговым обменом, повышающим дефицит торгового баланса. Этот дефицит в торговле стран Азии, Африки и Латинской Америки растет из года в год. Если в 1973 году он составлял сумму в 12,2 млрд. долл., то в 1974 — вырос до 33,5 млрд., а в 1975 году — уже до 40 млрд. долл. По некоторым оценкам, подтвержденным конференцией неприсоединившихся стран в Коломбо, в 1980 году эта цифра может достигнуть 112 млрд. долл.

Особенно заметно дефицит торгового баланса растет в странах, лишенных такого товара, как нефть. В Индии, например, в 1977/78 финансовом году он составил 6,2 млрд. рупий, в 1978/79 — 10,8 млрд., а в 1979/80 финансовом году ожидалась невиданная за всю историю цифра дефицита торгового баланса — 28 млрд. рупий². В Шри Ланке пассивное сальдо по статьям текущих операций в 1978 году составило 1032 млрд. рупий, а в очередном, 1979 году увеличилось более чем в три раза³.

Как следствие хищнического ограбления стран развивающегося мира и неравноценного торгового обмена растет и общая задолженность развивающихся стран. В 1973 году она составила примерно 120 млрд. долл., а к концу 1976 года увеличилась в два раза. К концу 1979 года внешний долг развивающихся государств превысил 335 млрд. долл.

Все это, разумеется, сказывается на жизненном уровне населения развивающихся стран. Пожалуй, одним из наиболее показательных критериев, характеризующих жизненный уровень народа той или иной страны, является потребление энергии на душу населения. Если средний мировой уровень (в пересчете на уголь) составляет 1804 кг, то большинство государств Азии потребляет менее половины этого

² Economic Times (Bombay), 1979, Sept. 18.

³ Far Eastern Economic Review, 1979, Oct. 19.

объема, а такие страны, как Индия, Индонезия, Шри Ланка, Бирма, Бангладеш, Пакистан, Афганистан, Непал, Йемен, Оман, Иордания и др., — даже менее 450 кг на душу населения.

Очень медленно растет, а чаще всего топчется на месте и ежегодный доход на душу населения во многих странах развивающегося мира. По данным ООН, в начале 60-х годов ежегодный доход на душу населения стран развитого капитализма в среднем составлял 1037 долл., а в развивающихся странах — 83 долл.; к 1974 году этот разрыв еще более увеличился, составив соответственно 3600 и 265 долл.⁴

Однако и в этом отношении показатели некоторых стран Азии находились ниже среднего уровня. В 1978 году доход на душу населения выражался в следующих цифрах (в долл.): Бангладеш — 110, Бирма — 120, Индонезия — 240, Пакистан — 170, Шри Ланка — 200⁵.

Низкие доходы отражаются прежде всего на жизненном уровне населения. Как заявил исполнительный директор Всемирной продовольственной организации Артуро Танко, в 1979 году 445 млн. жителей развивающихся стран продолжали голодать. 300 млн. из них, пояснил в беседе с журналистами стран АСЕАН А. Танко, занимающий пост министра сельского хозяйства Филиппин, — азиаты, что составляет 70% голодающего и обнищавшего населения мира.

В свете такого положения принципы, выработанные в Бандунге, приобрели особое значение, стали долгосрочной программой борьбы народов развивающихся стран. По сути дела они лежат в основе ныне влиятельного движения неприсоединения, взявшего старт в начале сентября 1961 года в Белграде.

На Белградской конференции присутствовали представители 25 стран, из них почти половина представляла Азию.

Белградская конференция, так же как и Бандунгская, носила антиимпериалистический характер. Участники форума отметили, что в период перехода

⁴ Международная жизнь, 1980, № 1, с. 113.

⁵ Экономическая газета, 1979, № 29, июль.

от старого порядка, основанного на угнетении, к новому, основанному на международном сотрудничестве, свободе, равенстве и социальной справедливости, империализм искусственно создает взрывоопасные ситуации, угрожающие всеобщему миру. Как и в Бандунге, в Белграде было заявлено, что прочный мир может быть обеспечен только в том случае, если будут полностью уничтожены колониализм, империализм и неокониализм во всех их формах и проявлениях.

Неприсоединившиеся страны призвали международную общественность приложить усилия к поиску надежного пути, ведущего к стабилизации обстановки в мире, к укреплению безопасности. По их мнению, принципы мирного сосуществования являются единственной альтернативой «холодной войне» и возможной всеобщей ядерной катастрофе.

Участники Белградской конференции поддержали инициативу социалистических стран в ООН и высказались за немедленное запрещение всех ядерных и термоядерных испытаний, за всеобщее и полное разоружение. Они потребовали полной ликвидации колониальной системы, вывода иностранных войск с территорий развивающегося мира, в том числе и из Азии. Все народы и государства, говорится в декларации Белградской конференции, должны решать проблемы, касающиеся их политической, экономической, социальной и культурной систем, в соответствии с их собственными условиями, потребностями и возможностями. Любая попытка навязать народам силой извне какую-либо социальную систему неизбежно ставит под угрозу мир во всем мире.

Новый импульс антиимпериалистической борьбе народов Азии придала II конференция неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Каире в начале октября 1964 года.

Каирская конференция полностью подтвердила основные принципы Белградской декларации и выработала более полную программу сохранения мира, обеспечения безопасности и расширения международного сотрудничества.

В частности, она резко осудила блоковую политику, усиливающую международную напряженность,

потребовала ликвидации военных баз и вывода иностранных войск с чужих территорий. Особенно недопустимым Каирская конференция сочла наличие или создание новых военных баз на зависимых территориях, которые могут быть использованы для сохранения прежних порядков и даже возрождения неокOLONиализма. «Конференция осуждает, — говорилось в программном Заявлении о сохранении мира и укреплении безопасности, — намерение империалистических держав создать военные базы в районе Индийского океана как сознательную попытку запугать недавно освободившиеся страны Африки и Азии».

Духом антиимпериализма, антирасизма и фактически антимаоизма была пронизана и III конференция неприсоединившихся стран на высшем уровне, которая проходила в начале сентября 1970 года в Лусаке.

Участники конференции в Лусаке еще раз сформулировали на более широкой основе принципы международного сотрудничества. Особое значение они придали таким требованиям, как право народов на свободу, самоопределение и независимость, право всех государств на уважение их суверенитета и территориальной целостности. Они настаивали на равенстве и активном участии всех стран в международных делах, на соблюдении права всех суверенных наций свободно решать вопросы государственного развития. Главы государств и правительств высказывались за право всех народов получать выгоду от экономического прогресса и научно-технической революции. Они призвали Запад воздерживаться от угрозы силой или ее применения и соблюдать принцип мирного урегулирования споров.

Большое внимание было уделено непосредственно Азии. Конференция приняла особую резолюцию об Индокитае. В ней была выражена глубокая озабоченность продолжающейся эскалацией войны со стороны Соединенных Штатов, приведшей к неопишваемым страданиям народов.

Участники форума в Лусаке подтвердили свою полную поддержку героической борьбы, которую народы государств Индокитая продолжают вести за свободу и независимость, и призвали агрессора к немед-

ленному, всеобщему и безусловному выводу всех вооруженных сил из Вьетнама, с тем чтобы дать вьетнамскому народу возможность самому осуществить право на самоопределение без иностранного вмешательства. Они рекомендовали также разрешить проблемы Лаоса и Камбоджи мирным путем, обеспечив этим странам независимость, территориальную целостность, суверенитет, нейтралитет, единство.

В целях укрепления азиатской безопасности конференция призвала также уделить особое внимание превращению Индийского океана в зону мира, свободную от ядерного оружия.

Важным этапом в борьбе народов Азии за свои права была IV конференция неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Алжире в начале сентября 1973 года. В ее работе приняли участие представители 75 стран. Кроме того, присутствовали наблюдатели от 24 стран, деятели освободительных движений, международных и региональных организаций, а также гости из трех стран.

В Политической декларации конференция выразила озабоченность в связи с тем, что политика «с позиции силы», проводимая империализмом, идет вразрез с законными чаяниями народов и сохраняет неустойчивую обстановку в некоторых районах мира.

В специальном разделе о Вьетнаме декларация осудила Соединенные Штаты и тогдашнюю сайгонскую администрацию за нарушения Парижского соглашения и потребовала от них немедленно прекратить огонь, освободить политических заключенных и предоставить населению Южного Вьетнама право на демократические свободы.

Алжирская конференция призвала неприсоединившиеся страны оказывать постоянную и всестороннюю поддержку Временному революционному правительству Республики Южный Вьетнам в его справедливой борьбе за создание мирного, независимого, нейтрального, демократического Южного Вьетнама, прилагавшему усилия к мирному воссоединению родины, а также предоставлять всевозможную материальную помощь Вьетнаму. Примерно такие же требования и пожелания содержатся в специальном разделе декларации о Камбодже.

Конференция в Алжире сказала свое слово и о Корее. Она потребовала вывода всех иностранных войск из Южной Кореи и обеспечения права корейского народа на самоопределение, в частности предоставления ему возможности самому урегулировать вопрос о воссоединении Кореи мирными средствами.

Серьезный отпор империализму, расизму и фактически маоизму был дан неприсоединившимися странами на их V конференции, состоявшейся в Коломбо в августе 1976 года.

В длинном реестре справедливых требований сохранился призыв к всеобщему и полному разоружению, к прекращению империалистического вмешательства во внутренние дела развивающихся стран, к незамедлительному устранению взрывоопасных ситуаций, к распространению процесса разрядки на все континенты. Глава индийской делегации Индира Ганди призвала глав государств и правительств 86 стран использовать коллективную силу и единую волю, чтобы достигнуть прочного мира и свободы для всех. Целью развивающихся стран, пояснила она, должно быть достижение технического прогресса, обеспечивающего минимальные материальные и культурные нужды и дающего возможность отразить угрозу свободе, препятствовать политическому нажиму и отвергать несправедливые экономические сделки.

Ораторы, выступившие на форуме в Коломбо, выразили свою озабоченность в связи с затянувшимся конфликтом на Ближнем Востоке. Главным виновником взрывоопасной ситуации они назвали Израиль. Вместе с тем лидеры движения неприсоединения возложили большую ответственность на тех, кто оказывает Израилю военную и экономическую помощь и тем самым, как заявил президент Югославии Йосип Б. Тито, подталкивает его на проведение политики агрессии, аннексии и оккупации арабских земель. Участники форума еще раз потребовали от Израиля и его американских покровителей выполнить, наконец, соответствующие решения Совета Безопасности ООН и предоставить палестинскому народу право на национальное самоопределение.

Развивающийся мир высказался также за справедливое решение кипрской проблемы, за демонтаж

военных баз Запада в зоне Индийского и Тихого океанов. Глава делегации Шри Ланки Сиримаво Бандаранаике осудила, в частности, Соединенные Штаты за модернизацию военной базы на острове Диего-Гарсия и призвала превратить Индийский океан в зону мира.

Главы государств и правительств, участвовавшие в конференции в Коломбо, высоко оценили победу вьетнамского народа «над общим врагом» и приветствовали рождение Социалистической Республики Вьетнам. Они призвали международное сообщество активно сотрудничать в восстановлении вьетнамской экономики, разрушенной войной. Большое внимание было уделено на конференции в Коломбо пересмотру принципов международных экономических отношений.

Участники движения неприсоединения вновь подтвердили свою решимость обеспечить посредством коллективных усилий создание и проведение в жизнь нового международного экономического порядка.

В сложных условиях проходила VI конференция движения неприсоединения на высшем уровне, состоявшаяся в Гаване в начале сентября 1979 года. Еще задолго до встречи лидеров движения Вашингтон и Пекин развернули широкую пропагандистскую кампанию инсинуаций. Ее смысл сводился прежде всего к оспариванию уже устоявшихся принципов движения неприсоединения, к намерению придать им смысл классического нейтралитета. Но можно ли сохранить в целостности здание, вырвав из-под него фундамент? Как известно, лидеры движения неприсоединения никогда не собирались стоять в стороне от событий в мире. Наоборот, они постоянно подчеркивали необходимость активно участвовать в решении международных проблем. Империализм, неокOLONиализм и расизм оставались на скамье подсудимых на всех предыдущих конференциях движения неприсоединения. То же самое повторилось и в Гаване, несмотря на попытки Вашингтона запугать или задобрить лидеров движения неприсоединения. Администрация Дж. Картера, сказал на одной из пресс-конференций З. Бжезинский, намерена не конфликтовать, а ладить со всеми силами развивающегося мира, требующими политических и социальных перемен. Если предста-

вится возможность, лицемерил он, следует направить эти силы «в позитивное русло».

Нетрудно понять, в какое «позитивное русло» хотели бы направить идеологи Вашингтона движение неприсоединения. За разглагольствованиями о «чистом» неприсоединении, о «равноудаленности» движения от групп стран с различным социально-экономическим строем скрываются вполне определенные цели: во-первых, выхолостить антиимпериалистическую сущность из принципов движения неприсоединения и, во-вторых, попытаться направить его в антисоветское русло.

Другие цели преследует еще один недруг развивающегося мира — маоистский Китай. Он пытается подчинить себе движение неприсоединения и использовать политический, экономический и военный потенциал стран, участвующих в нем, для своих далеко идущих великодержавных планов. Пекин прибегает к самым коварным методам — от «дипломатии улыбок» до бряцания оружием, скажем, на Парасельских островах и даже до откровенной агрессии по отношению к соседним странам. Маоисты пытаются создать видимость, что они идут в одном строю с неприсоединившимися странами, а на деле смыкаются с «ястребами» Запада, выступают единым фронтом с империализмом против разоружения, чернят процесс разрядки международной напряженности.

Об этом говорят, например, тесные связи Пекина с расистами ЮАР и бывшей Родезии, с фашистами, захватившими власть в Чили.

Пекину трудно было скрыть перед неприсоединившимися странами и неприглядную роль наследников Мао Цзэдуна в Юго-Восточной Азии. Они содействовали геноциду в Кампучии, развязали агрессию против Вьетнама, ведут тайную войну практически против всех своих южных соседей. Вопреки требованию неприсоединившихся стран Пекин ратует за сохранение военных баз Запада в зоне Тихого и Индийского океанов, в частности за дальнейшую модернизацию пристанища американского флота на острове Диего-Гарсия.

Пекинские лидеры, зарекомендовавшие себя орудием неоколониалистской политики США в развиваю-

щемся мире, ведут дело к разобщению неприсоединившихся стран, к ослаблению их сопротивляемости неоколониализму.

Соединенные Штаты вместе с Китаем предпринимали отчаянные попытки с целью сорвать первую встречу на американском континенте лидеров почти 100 развивающихся государств. Но ни злобная клеветническая пропаганда против социалистической Кубы и лично Фиделя Кастро, ни угрозы в адрес сторонников разрядки, ни запугивание национальных деятелей, ни заигрывание с ними не дали ожидаемых результатов. Участники встречи не клюнули на зловредную приманку, подброшенную Пентагоном, о мифической «советской бригаде», будто бы дислоцированной на территории Кубы, и приняли откровенно антиимпериалистическую, антиколониалистскую, антирасистскую резолюцию.

Шестая конференция неприсоединившихся стран еще раз резко осудила маневры неоколонизаторов, стремящихся сохранить привилегии межнациональных монополий в развивающемся мире. Она потребовала от Запада отказаться от вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран и предоставить им право на подлинную независимость, осудила кэмп-дэвидские соглашения по Ближнему Востоку и поддержала национальные права палестинцев, разоблачила формы и методы покровительства южноафриканским расистам. Отказавшись предоставить место на конференции представителю свергнутого в Кампучии кровавого режима Пол Пота — Йенг Сари, лидеры государств — участников движения неприсоединения выразили тем самым свое недоверие провакационной политике Пекина, поддерживаемой Вашингтоном.

«Будущее в большой степени зависит от позиции, которую займет движение неприсоединения», — так комментировал генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм итоги Гаванской конференции, выразив уверенность в том, что неприсоединившиеся страны будут и впредь играть конструктивную роль в международных делах.

Активный баланс освободительной борьбы

Если использовать финансово-бухгалтерскую терминологию, то можно с уверенностью констатировать, что борьба между империализмом и бывшим поработанным миром проходит с активным балансом в пользу последнего.

Прежде всего следует, вероятно, напомнить о полном развале колониальной системы империализма. За последние 35 лет на политической карте мира появилось около 100 новых государств. В Азии практически не осталось колоний, если не считать Брунея, а также Гонконга (Сянган) и Макао (Аомынь), удерживаемых Англией и Португалией с согласия правителей Китая.

Как правило, успехом для развивающихся стран завершаются схватки с империализмом, претендующим на восстановление прежних порядков, на реализацию гегемонистских устремлений.

Победа героического вьетнамского народа над самым мощным империалистическим государством преподнесла США поучительный урок, продемонстрировала решимость народов, борющихся за национальное освобождение, сохранение и укрепление суверенитета.

Главный вывод, к которому пришли здравомыслящие круги на Западе, сводится к тому, что вооруженное вмешательство в Юго-Восточной Азии с самого начала было ошибкой. Подавляющее большинство американцев, а вместе с ним и конгресс, писала «Нью-Йорк таймс», извлекли урок из этой «безрассудной глупости» и теперь знают, что из нее ничего не вышло и «никогда не выйдет, сколько бы оружия и долларов ни было израсходовано и сколько бы крови ни было пролито ради этого»⁶.

Более того, Вьетнам показал, что очаг войны воспламенить легко, а ликвидировать разбушевавшееся пламя гораздо труднее. Ведь Вашингтон вел переговоры с вьетнамскими патриотами на протяжении

⁶ Цит. по: Кобелев Е. и Коваленко И. Указ. соч., с. 26.

почти четырех лет, добиваясь всего лишь «почетного ухода» из Индокитая.

Победа во Вьетнаме имела огромное значение для всего борющегося мира. Она наглядно продемонстрировала пример непобедимости правого дела, невозможности покорения даже небольшой нации, если ее патриоты проявляют решимость и волю к достижению национальной независимости, если они пользуются поддержкой прогрессивного мира и получают помощь со стороны социалистического содружества.

Славная победа Вьетнама была доброжелательно воспринята не только идеологическими единомышленниками, но и всеми другими прогрессивными силами мира, особенно народами, ведущими борьбу с остатками колониализма, отражающими неоколониалистские притязания империализма. V конференция лидеров неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Коломбо, назвала триумф Вьетнама «великим» и «историческим». Победоносная борьба вьетнамского народа, говорится по этому поводу в Политической декларации конференции, представляет собой огромный вклад в общую борьбу народов во всем мире против общего врага, а именно империализма, колониализма, неоколониализма и расизма, за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс.

Исторические перемены в Индокитае открыли новые горизонты перед всей Азией. Они оказали позитивное влияние на процесс разрядки международной напряженности на континенте, внесли новый стимул в борьбу народов Азии за свои суверенные права. Народы Азии вдохновляются практическими делами социалистического Вьетнама, предпринимающего усилия в направлении достижения странами Юго-Восточной Азии подлинной независимости.

Первые же внешнеполитические акции объединенного Вьетнама были нацелены на укрепление дружбы с соседними государствами. В июле 1976 года заместитель министра иностранных дел СРВ Фан Хиен посетил Малайзию, Сингапур, Филиппины, Индонезию, Бирму и Лаос. А чуть позже в Ханой нанес визит министр иностранных дел Таиланда Пичай Раттакун.

Социалистическая Республика Вьетнам предложила своим соседям нормализовать отношения на принципах взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, на условиях невмешательства во внутренние дела и мирного сосуществования. Юго-Восточная Азия, говорил Фан Хиен во время своего визита в страны региона, станет районом подлинной независимости, мира и нейтралитета, если правительства стран ЮВА запретят использовать свои территории под военные базы других государств.

Четыре принципа, выдвинутые социалистическим Вьетнамом, легли в основу вьетнамо-филиппинского соглашения об установлении дипломатических отношений, подписанного в Маниле в ходе визита Фан Хиена.

В расширенном, конкретизированном варианте принципы сотрудничества содержатся и во вьетнамо-тайландском коммюнике.

Миролюбивый голос социалистического Вьетнама уверенно звучит на конференциях неприсоединившихся стран. В Коломбо, например, глава правительства Фам Ван Донг высказался за пересмотр условий экономического сотрудничества с Западом. Вместе с другими народами, сказал тогда Фам Ван Донг, Вьетнам преисполнен решимости ликвидировать существующий несправедливый порядок экономического сотрудничества и построить новый международный экономический порядок, отвечающий чаяниям всех народов. Мы готовы, подчеркнул он, пойти на любые жертвы, на любые испытания, чтобы превратить бедные и отсталые страны в процветающие и могущественные государства.

Больших успехов в антиимпериалистической борьбе добился Лаос. Массовое движение за демократизацию политической и общественной жизни, начатое в мае 1975 года, завершилось провозглашением Лаосской Народно-Демократической Республики, изгнанием из администрации реакционеров и отменой всех антидемократических законов. Народно-революционная власть покончила с засильем американского империализма и создала условия для суверенного развития.

Замечательных успехов добился народ Кампучии.

Ему удалось изгнать американских агрессоров, а затем свергнуть жестокий пропекинский режим Пол Пота, истребивший три миллиона человеческих жизней.

Народно-революционный совет Кампучии во всеуслышание заявил, что у него нет других, более насущных интересов и других, более дорогих сердцу чаяний, чем восстановление своей страны, серьезно пострадавшей от рук американских интервентов и ставленников Пекина, проводивших варварский «эксперимент коммунизации общества» по маоистскому образцу.

Правительство Кампучии придает огромное значение нормализации отношений с другими народами. Оно изъявило готовность активно участвовать в движении неприсоединения, оказывать всемерную поддержку народам, ведущим борьбу за независимость и укрепление суверенитета, против всех форм неокOLONиализма, гегемонии и расизма.

К активу борющихся народов Азии следует отнести и роспуск таких военно-политических организаций, как СЕАТО и СЕНТО, под флагами которых осуществлялась агрессия в Индокитае и защита неокOLONиалистских интересов Запада.

Знаменательный этап в своей истории переживает иранский народ. Антимонархическая, антиимпериалистическая революция в Иране, начавшаяся в середине 1978 года, ликвидировала монархический режим, активно поддерживавшийся Вашингтоном. Отстранение от власти Мохаммеда Р. Пехлеви, выступавшего в роли орудия неокOLONиалистской политики США, не только позволило скинуть бремя иностранного гнета с плеч иранского народа, но и ликвидировало плацдарм для экспансии в другие страны региона. Так иранская революция спутала ближневосточные карты Белого дома, ибо Иран из форпоста США превратился в серьезную антиамериканскую силу в районе Персидского залива.

Победа Ирана над империализмом примечательна и тем, что она оказала определенное воздействие на укрепление решимости народов, противостоящих империалистическому диктату. Недаром падение шаха Ирана и размах антиамериканских настроений в

стране Г. Киссинджер (бывший государственный секретарь США) назвал «одной из самых серьезных стратегических неудач», постигших Соединенные Штаты в послевоенный период.

Заметно подорваны позиции США в арабском мире. Кэмп-дэвидские соглашения и сепаратный «мирный договор» с Израилем отвергаются большинством арабских стран. Арабы, заметил журнал «Фар Истерн экономик ревью», перестали воспринимать США «в качестве эффективной геополитической силы на Ближнем Востоке» и отворачиваются от Америки. Журнал привел на этот счет характерное высказывание одного из принцев Саудовской Аравии Саада аль-Абдуллы аль-Сабаха, заявившего в интервью, что защита Персидского залива «должна обеспечиваться народами этого района». «Недопустимо, — подчеркнул он, — чтобы какое-либо государство, не входящее в регион, вмешивалось в дела этого очень важного района мира»⁷.

Теперь и в Соединенных Штатах объективные наблюдатели все больше отдают себе отчет в том, что от сделок Садата с Бегиним веет «гнилым душком», и приходят к единственно правильному выводу о том, что ближневосточную проблему можно урегулировать на всеобъемлющей основе с участием всех заинтересованных сторон, в том числе Советского Союза как сопредседателя Женевской мирной конференции.

Терпит явный провал политика Вашингтона и в связи с «афганским вопросом»: администрации Дж. Картера не удалось ни приостановить развитие народно-демократической революции в Афганистане, ни прикрыть свою неблагоприятную деятельность на Ближнем и Среднем Востоке искусственно раздутой истерией вокруг событий в Афганистане.

Значительных успехов добился развивающийся мир, в том числе на азиатском континенте, и в ходе «второй битвы за независимость», то есть за экономический суверенитет.

Развивающемуся миру удалось провести две специальные сессии Генеральной Ассамблеи ООН с

⁷ Far Eastern Economic Review, 1979, May 25.

целью выработки принципов новых международных экономических отношений. Принятая на VI сессии, состоявшейся в 1974 году, декларация имеет ярко выраженный антиимпериалистический характер. В ней изложено требование установить новый международный экономический порядок, основывающийся на справедливости, суверенном равенстве и взаимной выгоде.

Новый порядок призван устранить неравенство и покончить с несправедливостью в международных экономических отношениях в рамках мировой капиталистической системы хозяйства, создать условия, ведущие к ускорению экономического и социального развития освободившихся стран. Сессия приняла также Программу действий по установлению нового международного экономического порядка.

Проблемам экономического сотрудничества было уделено большое внимание на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Она выработала и одобрила Хартию экономических прав и обязанностей государств, в которой удалось закрепить такие прогрессивные положения, как принцип мирного сосуществования, ведение международной торговли на основе взаимной выгоды и взаимного предоставления режима наибольшего благоприятствования, недопустимость дискриминации в торговле и других формах экономического сотрудничества.

Хартия явилась важным международным документом по налаживанию равноправного экономического сотрудничества, ознаменовав собой начало нового периода в борьбе за установление справедливого экономического порядка. В кругах ООН значение хартии сравнивали со Всеобщей декларацией прав человека и Декларацией о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Требование об установлении нового международного экономического порядка настойчиво высказывалось на VII специальной и XXX очередной сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, а также на региональных форумах, таких, например, как конференция развивающихся стран по проблемам сырья, на совещаниях глав государств и правительств стран, входящих в ОПЕК, на конференциях «группы 77» и др.

Все большее внимание вопросам экономического сотрудничества уделяется на форумах неприсоединившихся стран.

Наступление развивающегося мира на империализм усиливается. Оно приобретает разносторонний характер, выливается в конкретные формы.

Дакарская конференция по сырью, например, еще раз резко осудила хищнический характер деятельности межнациональных корпораций и отвергла попытки некоторых кругов Запада переложить на развивающиеся страны ответственность за кризисные явления, охватившие экономику капиталистического мира.

Участники конференции приняли решение образовать межправительственный комитет, на который они возложили обязанность разрабатывать стратегию и тактику борьбы с международными корпорациями. Конференция рекомендовала странам — экспортерам сырья объединить свои усилия, как это уже делают нефтедобывающие государства.

Страны ОПЕК, пожалуй, имеют самые результативные показатели в противостоянии монополиям Запада и потому считаются в развивающемся мире «ядром антимонополистического движения». Они добились контроля над деятельностью Международного нефтяного картеля, отвоевали право на создание национальных нефтяных компаний и на повышение их доли в нефтедобыче. Они взяли на себя функцию определения цен на вывозимую нефть.

В 1974 году 13 стран — экспортеров нефти, объединившихся в своеобразный союз, подняли цены на нефть примерно в пять раз. Повышение цен регулярно производилось и в последующие годы в соответствии с конъюнктурой на мировом рынке.

В марте 1979 года на очередной конференции представителей стран — экспортеров нефти было принято решение о новом повышении цен на нефть. С 1 апреля она стала стоить 14,54 долл. за баррель. А на декабрьском совещании, состоявшемся в Каракасе, было решено продавать нефть с 1 января 1980 года по 25—30 долл. за баррель.

Новой и эффективной формой борьбы развивающихся стран за свои национальные права можно счи-

тать использование сырья в качестве политического оружия. Осенью 1973 года, как известно, арабские страны — производители нефти продемонстрировали невиданную ранее решимость и наложили эмбарго на поставку нефти западным странам, проявившим себя в роли пособников израильских агрессоров, в том числе и Соединенным Штатам. В ноябре 1979 года в ходе борьбы за национальные интересы отказался продавать США нефть и Иран.

Более чем тридцатилетний опыт борьбы народов Азии за независимость и укрепление суверенитета, за ликвидацию последствий колониализма и отражение неоколониалистских притязаний западных и китайских гегемонистов, за сохранение мира и обеспечение безопасности показал, что освободившиеся нации могут добиться значительных успехов только в том случае, если они проявляют решимость и принципиальную последовательность, если они выступают совместно и опираются на единство и поддержку прогрессивных сил мира.

В годы разрядки и потепления международного политического климата ответ Азии на неоколониалистские притязания Соединенных Штатов фактически вылился в контрнаступление на позиции империализма, незаконно захваченные еще в период колониального владычества.

В наше время — время сложных взаимоотношений и решительной схватки нового со старым можно ожидать появления рецидивов, особенно на таких сложных участках, как Иран или Юг Африки, Индокитай или Ближний Восток. Вашингтон, как известно, еще не смирился с «потерей Ирана» и продолжает наращивать угрозы против этой страны. В предновогоднем интервью журналу «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» З. Бжезинский, например, заявил, что поражение в Иране — «это не норма, а отклонение от нее». Влиятельный деятель администрации Дж. Картера высказывается за еще более жесткую политику «с позиции силы» на международной арене. Американская мощь, по его мнению, должна проявляться «на более постоянной основе». Такая позиция нынешней администрации США рельефно проявляется в провокационных демонстрациях американского фло-

та у берегов Ирана, в окончившейся провалом военной акции против этой страны, в оказании помощи афганским контрреволюционерам, действующим с территории Пакистана, в попытках Пентагона заполучить новые базы в Сомали, Кении, Омане. Такие действия не могут быть расценены иначе, как враждебные интересам мира в целом. «Авантюристические «доктрины» новых проповедников «политики с позиции силы» опасны не для какой-то лишь отдельной страны или группы стран, — заявил на встрече с избирателями 22 февраля 1980 г. Л. И. Брежнев. — Они несут угрозу миру и безопасности всех государств и народов. И дать отпор этим зловещим замыслам — дело всех, кому нужен и дорог мир»⁸.

Силовой компонент американской политики официально включен во внешнеполитическую программу США, обнародованную в начале года, когда администрация Дж. Картера развернула кампанию антисоветской истерии и лихорадочной гонки вооружений. Советский Союз, сказал в этой связи Л. И. Брежнев, противопоставляет милитаристской программе США доктрину последовательной борьбы за мир и безопасность на земле. И можно констатировать, что большинство развивающихся стран стоит на этом же пути.

Как следует из документов VI конференции движения неприсоединения, оно и впредь намерено вести решительную борьбу за окончательное избавление от иностранного вмешательства, за вывод иностранных войск с чужой территории и ликвидацию иностранных военных баз.

Вместе с тем представители 94 стран вновь подтвердили в Гаване тезис о поддержке национально-освободительных движений, об активном участии в борьбе за сохранение мира, за установление нового порядка в международных политических отношениях и экономических связях.

В условиях, когда большинство стран мира выступает за развитие разрядки международной напряженности, милитаристский курс администрации Картера вряд ли принесет успех Вашингтону, но он тем

⁸ Правда, 1980, 23 февр.

не менее представляет большую опасность. Говоря словами западногерманского обозревателя Карла Бредтхауэра, «надежда на то, что во второй холодной войне Запад достигнет более успешных результатов, чем в первой, не имеет никакой реальной почвы и никаких перспектив, но ввиду быстрых темпов всесторонних вооружений стратегия США может вызвать пожар во всем мире»⁹.

⁹ Bletter für Deutsche und Internationale Politik, 1980, Febr.

В новейший период истории, начавшийся в 1917 году, азиатские страны добились значительных успехов в борьбе за подлинную национальную независимость. Это стало возможным не только благодаря решимости патриотических сил стран Азии, но и в результате постоянной поддержки Советским Союзом справедливого дела угнетенных наций, его неустанной борьбы за мир.

Уже на второй день после победы Великой Октябрьской социалистической революции правительство Страны Советов обнародовало Декрет о мире, в котором агрессивные, захватнические войны квалифицировались как «величайшее преступление против человечества» и содержался призыв к прекращению мировой войны, к всеобщему миру. Основатель Советского государства В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал»¹.

Сегодня, спустя более 60 лет, можно констатировать, что эта первая внешнеполитическая акция социалистического государства стала высшим принципом деятельности Коммунистической партии Советского Союза на международной арене. Как показывает опыт, отношения СССР с другими государствами строились и строятся на основе уважения прав на суверенное равенство и отказа от применения силы или угрозы ее применения, невмешательства во внутренние дела и мирного урегулирования споров, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 304.

государствами и добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных норм международного права.

Опыт показывает также, что Советский Союз никогда не был пацифистским государством. Коммунисты решительно осуждают захватнические войны, но считают справедливой вооруженную борьбу народов за освобождение от иностранного порабощения, против агрессивных акций империализма и всемерно поддерживают эту борьбу. Как было декларировано в Декрете о мире, цель внешней политики Советского государства сводится не только к тому, чтобы «успешно довести до конца дело мира», но вместе с тем содействовать делу «освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»². Это положение облечено теперь в форму закона. Внешняя политика СССР, говорится в ст. 28 Советской Конституции, «направлена на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР., укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс...»

Вклад Советского Союза в борьбу народов за свои права начал весомо ощущаться с первых же дней победы социалистической революции в России. Вслед за Декретом о мире Советское правительство обратилось с дружественным посланием ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. «Мусульмане Востока, — говорилось в нем, — персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы!.. Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя порваны и уничтожены..., что договор о разделе Персии порван и уничтожен..., что договор о разделе Турции порван и уничтожен... Вы сами должны быть хозяевами вашей страны!..»³

В послании также высказывалась надежда на то,

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 16.

³ Документы внешней политики СССР. М., 1957, с. 34—35.

что русскому народу удастся добиться честного мира и помочь народам других стран завоевать себе свободу.

Вскоре это заявление было подтверждено конкретными делами. СССР денонсировал договор, заключенный еще царской Россией с Англией, о разделе сфер влияния в Иране, вывел войска из страны и отказался от концессий и платежей, поступавших от Ирана в счет погашения царских займов. В пользование иранского народа были переданы банк, все находившиеся под контролем России железные дороги, портовые сооружения, телефонные и телеграфные линии. В феврале 1921 года между Советской Республикой и Ираном был подписан первый в истории взаимоотношений соседних стран равноправный договор, положивший начало новому этапу взаимовыгодного сотрудничества, основанного на демократических принципах.

Аналогичный договор тогда же был подписан и с Афганистаном, вырвавшимся из кабалы английских колонизаторов.

Советская Россия восстановила мир и наладила добрососедские отношения с Турцией, оказала ей материальную помощь, которая была использована для отражения иностранной интервенции. Первый президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль высоко оценил тогда дружественную помощь соседа. «Мне хочется, — сказал он, — с большой признательностью упомянуть о Великой Российской Революции, результатом которой и является освобождение восточных народов, достижение ими свободы и независимости и вступление их на мировую арену, как это имеет место теперь у нас».

В мае 1924 года было подписано соглашение между Советским Союзом и Китаем. Оно определяло новые, равноправные принципы отношений между двумя крупнейшими странами мира. Великий китайский революционный демократ Сунь Ятсен увидел в лице Страны Советов соратника и союзника в борьбе за освобождение Китая. Что касается китайско-советского соглашения, говорил он, то китайский народ «полон благодарности России за это проявление солидарности и дружбы». Китайско-советское соглаше-

ние, подчеркнул Сунь Ятсен, «полностью отвечает принципам равенства и взаимного уважения к суверенитету обоих государств».

Важным этапом на пути поработанных народов к независимости была победа демократических сил над германским фашизмом и японским милитаризмом, решающую роль в которой сыграл Советский Союз.

После окончания войны СССР не отказался от главных принципов своего внешнеполитического курса и продолжал оказывать еще более эффективную морально-политическую поддержку и экономическую помощь народам, борющимся за независимость, а также странам, выступившим с оружием в руках за сохранение завоеванной свободы. Голос СССР настойчиво звучал на всех международных форумах в поддержку справедливых требований борющихся народов и развивающихся стран, добивавшихся суверенитета и сдерживавших неокOLONиалистские притязания империализма. СССР, другие страны социализма оказывают всемерную поддержку освободившимся странам, развивают взаимовыгодные экономические отношения. Особенно тесные связи поддерживаются со странами, вставшими на путь социалистической ориентации. «Там, где речь идет о независимости или колониях, — сказала Индира Ганди в одном из интервью 1980 года, — Советский Союз поддерживает неприсоединившиеся и недавно освободившиеся страны».

Об этом, вероятно, помнят не только в Индии. Морально-политическую поддержку и экономическую помощь стран социализма чувствовали народы Индонезии и Алжира, Кубы и Египта, Китая и Лаоса, Кампучии и Кипра, Анголы и Эфиопии, Афганистана и Ирана, Никарагуа и многих других стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Огромную бескорыстную помощь получал и получает от Советского Союза вьетнамский народ после того, как он оказался объектом агрессии США. В феврале 1965 года, то есть после того, как Вашингтон спровоцировал конфликт в Тонкинском заливе и начал воздушные налеты на ДРВ, в Ханое побывала советская партийно-правительственная делегация во главе с Председателем Совета Министров СССР

А. Н. Косыгиным. В ходе переговоров с вьетнамскими руководителями были согласованы конкретные планы сотрудничества, в том числе и по укреплению обороноспособности ДРВ. С тех пор Вьетнам постоянно получал от СССР разностороннюю экономическую и военную помощь, в том числе противоздушные ракеты, зенитную артиллерию, самолеты-истребители и т. п. Советские специалисты обучали вьетнамских братьев пользоваться военной техникой как на вьетнамской земле, так и на специализированных курсах в Советском Союзе.

Советская экономическая помощь включала в себя самые необходимые предметы быта, продовольствие, а также нефтепродукты, автомашины и тракторы, передвижные электростанции и металлы, различные строительные материалы и медикаменты, ткани и химические удобрения. Эти поставки полностью удовлетворяли военные и гражданские потребности Вьетнама, отражавшего жестокую агрессию самого крупного государства современного капиталистического мира.

После подписания Парижских соглашений и вывода американских войск из Вьетнама Советское государство приняло решение рассматривать поставки военных лет как безвозмездную помощь дружественному народу, столкнувшемуся с огромными трудностями в выполнении по сути дела международной задачи. Одновременно с советской стороны была выражена готовность восстановить народнохозяйственные объекты, построенные в ДРВ при помощи СССР, а также оказать помощь в создании новых крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Проблема советско-вьетнамского сотрудничества обсуждалась и во время визита в Москву в июле 1973 года партийно-правительственной делегации Вьетнама. В совместном советско-вьетнамском Заявлении вьетнамская сторона подчеркнула: «Вьетнамская партийно-правительственная делегация от имени Центрального Комитета партии трудящихся Вьетнама и всего вьетнамского народа, выполняя завещание уважаемого президента Хо Ши Мина, выражает сердечную, глубокую признательность Комму-

нистической партии Советского Союза, Советскому правительству, всему советскому народу за большую, ценную и эффективную поддержку и помощь вьетнамскому народу на военном, политическом и дипломатическом фронтах, что внесло важный вклад в историческую победу вьетнамского народа в деле защиты своей независимости, свободы и в строительстве социализма».

Советский Союз постоянно проявлял и проявляет усилия, направленные на расширение всестороннего сотрудничества между странами Азии, на обеспечение безопасности на континенте. Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году, Л. И. Брежнев выдвинул идею об обеспечении безопасности Азии коллективными усилиями. Позже он конкретизировал суть советского предложения. «Коллективная безопасность в Азии,— говорил Л. И. Брежнев на XV съезде советских профсоюзов, — должна, по нашему представлению, основываться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенность границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Мы выступаем и будем выступать за такую коллективную безопасность в Азии и готовы сотрудничать со всеми государствами в целях претворения в жизнь этой идеи»⁴.

Основы советской идеи во многом перекликаются с принципами Бандунгской конференции, соответствуют положениям Устава ООН и в то же время углубляют и конкретизируют их. В системе коллективной безопасности в Азии предполагалось участие на равноправной основе всех стран континента, независимо от их размеров, политического и экономического строя.

Советское предложение встретило широкий и благожелательный отклик со стороны государственных и общественных деятелей. На основе советской инициативы странами Азии был выдвинут целый ряд

⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3, М., 1972, с. 493—494.

предложений локального характера. Шри Ланка, например, предложила превратить Индийский океан в зону мира, страны АСЕАН высказались за превращение в зону мира, свободы и прогресса Юго-Восточной Азии.

Советская идея получила новый импульс после завершения общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. «Коллективная борьба за мир и стабильность в Азии — в этом наиболее населенном регионе мира, — писал индийский историк Аттар Чанд, — непрестанно ширится, охватывает все большее число азиатских государств, решительно выступающих за достижение экономической самостоятельности, в защиту своей политической независимости, против тех сил, которые все еще не могут смириться со свободой этих стран»⁵.

Правящие круги главных империалистических государств долгое время игнорировали мирные призывы Советского Союза и других социалистических стран. Рост международного авторитета мира социализма, повышение роли неприсоединившихся стран на международной арене привели к коренному изменению соотношения политических сил и материальных ресурсов в мире, что оказало решающее влияние на умонастроения в руководящих кругах империалистических держав.

Благодаря настойчивым усилиям дипломатии стран социализма удалось во многом реализовать конкретные задачи борьбы за мир, поставленные XXIV и XXV съездами КПСС, добиться существенной разрядки международной напряженности.

В результате потепления международного политического климата удалось успешно провести Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписать ряд соглашений на многосторонней и двусторонней основе, сдерживающих наращивание вооружений, в том числе оружия массового уничтожения.

Реализация советской Программы мира, названной западной прессой «мирным наступлением Сове-

⁵ Chand A. Asian Collective Security. New-Delhi, 1976, p. 7.

тов», содействовала и успешной борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки за подлинную независимость, за сохранение и укрепление суверенитета. В Азии разрядка способствовала созданию благоприятных условий для подписания Парижского соглашения по Вьетнаму, окончанию войны в Лаосе и Камбодже, началу поисков путей для мирного урегулирования на Ближнем Востоке, победе Апрельской революции в Афганистане, крушению шахского режима в Иране.

Именно в условиях разрядки государствам, сбросившим колониальное иго, удалось поднять свою международную роль и получить возможность предъявить счет империалистическим монополиям.

Советский Союз оказывает не только политическую и моральную поддержку народам, вставшим на путь самостоятельного развития, но и предоставляет развивающимся странам бескорыстную научно-техническую и экономическую помощь.

Как известно, сразу же после победы социалистической революции в России в 1917 году Советское правительство отменило все кабальные соглашения, навязанные царским режимом странам Востока. Больше того, оно оказало конкретную помощь борющимся за независимость народам. Турция, отражавшая иностранную агрессию, получила, например, 10 млн. рублей и более 220 кг золота, а также большое количество военного снаряжения. Ирану были переданы материальные ценности на сумму 600 млн. рублей.

После развала колониальной системы империализма и укрепления своего экономического потенциала первое в мире государство рабочих и крестьян приступило к выполнению заветов В. И. Ленина, считавшего интернациональным долгом помочь угнетенным народам приобщиться «к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму».

С помощью Советского Союза к середине 70-х годов в 56 странах мира было построено более 500 крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Среди них такие всемирно известные объекты, как металлургические гиганты в Бхи-

лаи и Бокаро (Индия), гидроэнергетические сооружения в Асуане (Египет) и на Евфрате (Сирия), первенцы металлургии в Иране, Турции, Египте. В Ираке с помощью СССР построен комплекс национальной нефтяной промышленности.

Огромное значение для развивающегося мира имеет подготовка национальных кадров. Она успешно осуществляется во многих учебных заведениях и на предприятиях СССР, а также советскими специалистами, выезжающими в этих целях в развивающиеся страны. При содействии СССР уже подготовлено более полумиллиона квалифицированных рабочих и техников, инженеров и научных работников.

Судя по многочисленным откликам, практика научно-технического сотрудничества социалистических и развивающихся стран вполне отвечает интересам участвующих в нем сторон и полностью соответствует выдвигаемым развивающимися странами принципам нового мирового экономического порядка. И действительно, социалистические страны помогают строить то, что необходимо для национального становления развивающихся стран. Ведь 90% объема советского технико-экономического сотрудничества приходится на развитие производственной сферы хозяйства, в первую очередь на развитие промышленности и энергетики. Очень важно, что все возведенные с помощью СССР объекты являются полной собственностью хозяев страны, и советские фирмы не получают никаких прибылей от эксплуатации возведенных ими предприятий. Советские кредиты предоставляются на льготных условиях — из расчета 2,5—3% годовых.

Развивающиеся страны получают преференции и в торговле с социалистическим миром. Советский Союз еще 1 января 1965 г. отменил пошлину на все товары, ввозимые из развивающегося мира. Как правило, советские внешнеторговые фирмы заключают с партнерами из развивающихся стран долгосрочные торговые соглашения, гарантирующие устойчивый рынок сбыта их продукции.

Советский Союз и другие социалистические страны вносят весомый вклад в борьбу развивающегося мира за новый международный экономический поряд-

док. Еще на первой сессии ЮНКТАД, состоявшейся в 1964 году, социалистические страны внесли предложения, которые легли в основу документа, определившего характер международных торговых отношений. Впоследствии мир социализма солидаризировался с позицией развивающихся стран по проблемам торговли и экономического сотрудничества на всех международных форумах, в том числе на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Представители социалистических стран выступили соавторами Хартии экономических прав и обязанностей государств, которая, как известно, предусматривает право каждого государства принимать любые меры в социально-экономической области вплоть до национализации иностранной собственности и контроля деятельности на своей территории иностранных корпораций.

Понимание нужд развивающегося мира было продемонстрировано советским предложением о сокращении на 10% военных бюджетов стран — постоянных членов Совета Безопасности ООН и передаче части высвободившихся средств развивающимся странам.

Мир, вырвавшийся из колониального рабства, стоит на трудном пути борьбы за справедливые принципы в международных экономических отношениях. Результаты этой борьбы еще очень скромны. Но будущее обнадеживает.

Реальность надежд подкрепляется крепнущим единством социалистического мира и развивающегося мира, придерживающихся общего курса в антиимпериалистической борьбе. Вклад социализма в эту борьбу общеизвестен. Его ясно и четко сформулировал Фидель Кастро. Не будь Советского Союза, сказал он, «нельзя было бы даже вообразить ни той меры независимости, какой пользуются сегодня малые государства, ни успешной борьбы народов за возвращение под свой контроль природных богатств, ни того, что их голос внушительно звучит ныне в концерте наций»⁶.

Как следует из решений XXV съезда КПСС, Со-

⁶ Правда, 1976, 26 февр.

ветский Союз будет и впредь продолжать курс на расширение всестороннего сотрудничества с развивающимся миром. Вместе с тем он будет добиваться устранения дискриминации и любых искусственных препятствий в международной торговле, вести борьбу за ликвидацию всех проявлений неравноправия, диктата, эксплуатации в международных экономических отношениях.

Заключение

В ходе предвыборной кампании 1980 года президент Дж. Картер и его ближайшее окружение широко рекламировали свои «заслуги» перед страной и даже перед всем миром. За время правления Картера, говорили они, Вашингтону удалось нормализовать отношения с Китаем и решить проблему Панамского канала, заключить Договор ОСВ-2 и улучшить отношения со странами развивающегося мира, сыграть ведущую роль в процессе достижения египетско-израильского «мирного договора» и т. п.

Однако все эти «заслуги» предстанут перед объективными наблюдателями совсем не радужными, если на них посмотреть не сквозь призму оценок Белого дома, а обыкновенными глазами здравомыслящего человека. Под Договором ОСВ-2 действительно стоит подпись Дж. Картера, но она фактически оказалась недействительной. Ведь Картер встал на сторону «ястребов», настаивающих на отказе от ратификации документа. Что касается американо-китайского сближения, то в основе нормализации двусторонних отношений между Соединенными Штатами Америки и Китаем лежит антисоветизм и намерение Вашингтона и Пекина использовать партнера в стремлении реализовать собственные гегемонистские цели, что в конце концов непременно должно привести к противостоянию сторон. Пока каждый из партнеров видит в другом лишь временного попутчика.

Не следует преувеличивать и значение американского посредничества в урегулировании израильско-египетского конфликта. Кэмп-дэвидские соглашения и «мирный договор» не дают основы для всеобъем-

лющего урегулирования на Ближнем Востоке и потому отвергаются большинством арабских стран.

Нет никаких оснований говорить и об улучшении взаимоотношений между Соединенными Штатами, с одной стороны, и странами, добивающимися установления нового порядка в международных политических отношениях и экономическом сотрудничестве, — с другой. Америка, справедливо писал в этой связи итальянский обозреватель Дж. Боффа, оказалась «неспособной поддержать стремления пробуждающихся народов к развитию и прогрессу»¹.

Но, пожалуй, к самому большому пороку правления администрации Дж. Картера следует отнести ее наступление на разрядку, сползание в русло политики военной истерии. «С поразительным цинизмом, — сказал Л. И. Брежнев 16 октября 1980 г. на обеде в Кремле в честь главы ДРА Б. Кармаля, — представители вашингтонской администрации рассуждают о развязывании ядерной войны как о чем-то нормальном, чуть ли даже не желательном, приучают народ к этой преступной мысли»².

Такая рискованная политика чревата неприятностями, разумеется, и для самих Соединенных Штатов. И многие в США понимают это. Бывший специальный помощник двух американских президентов А. Шлезингер, например, назвал Дж. Картера одним из самых некомпетентных и непоследовательных президентов США. За границей, писал А. Шлезингер в американском журнале «Нью рипаблик», Картер «подорвал веру и друзей и врагов в трезвость, последовательность и надежность американской внешней политики... Никто в мире не может принять всерьез ни один внешнеполитический ход Картера, поскольку неизбежно возникает мысль, что через неделю он будет изменен, отменен, оспорен или забыт»³.

Вряд ли найдется хоть один беспристрастный наблюдатель, который решил бы оспаривать критику как внутренней, так внешней политики Картера. Од-

¹ L'Unita, 1980, Febr. 1.

² Правда, 1980, 17 окт.

³ The New Republic, 1980, Apr. 12.

нако в той или иной степени теми же недостатками, а именно: непоследовательностью и экспансионизмом, активным использованием подрывной деятельности и вооруженных провокаций за рубежом, — характеризуется курс и многих других сторонников крупного капитала США. Это особенно стало заметно после окончания второй мировой войны, когда, говоря словами американского публициста Р. Лэша, США начали «назойливо проявлять склонность к тому, чтобы направлять ход социальных и экономических событий повсюду в мире»⁴.

Как, вероятно, убедился читатель, гегемонистский курс наиболее рельефно просматривается в политике США по отношению к странам Азии. Именно на азиатском континенте можно было встретить практически весь набор изощренных форм и методов неокolonизации народов: от навязывания финансово-экономической «помощи» и «услуг» по «обеспечению безопасности» и до развязывания жестоких агрессивных войн, как это имело место в Индокитае.

Все американские президенты послевоенного времени, начиная с Г. Трумэна и кончая Дж. Картером, были верными слугами американского большого бизнеса, «делающего деньги» на нещадной эксплуатации людских и природных ресурсов развивающегося мира.

За авантюризм правителя, как известно, расплачиваются народы. В корейской войне, которая, по утверждению американских стратегов, обязательно должна была произойти «в любом месте», США потеряли 54 тыс. человеческих жизней, в джунглях Индокитая осталось 58 тыс. американцев. США израсходовали сотни миллиардов долларов на войны, а также на оказание поддержки таким проамериканским режимам, как шахский в Иране, в котором Вашингтон видел «несокрушимый оплот» устоев империализма, защитника «американской нефти от рисков русских». А в итоге, как констатирует упоминавшийся Р. Лэш, «всего за несколько недель этот оплот пошел прахом, и не в результате действий рус-

⁴ Newsweek, 1980, Febr. 18.

ских, а под напором волн социальной и культурной революции в самом Иране»⁵.

Роль Советского Союза и других социалистических стран в международных процессах постоянно искажается мировой реакцией с тем, чтобы оправдать вероломные акции империализма. Нет спора, что мир социализма имеет отношение к провалам Запада в Азии, Африке и Латинской Америке. Он причастен и к размаху национально-освободительного движения, получившего новый импульс после Великой Октябрьской социалистической революции и особенно после победы над фашизмом, и к развалу колониальной системы империализма, и к борьбе народов, отстаивающих право на суверенное политическое и экономическое развитие. Эта причастность проявляется уже в том, что социализм существует реально и собственным опытом демонстрирует преимущества перед капитализмом в решении тех или иных проблем.

Важнейшее значение для народов, вставших на путь независимого развития, имеют морально-политическая поддержка и бескорыстная экономическая и научно-техническая помощь стран социализма развивающемуся миру. Об этом еще раз было сказано в Декларации государств — участников Варшавского Договора, принятой на совещании Политического консультативного комитета 15 мая 1980 г. «Страны — участницы совещания, — говорится в ней, — последовательно поддерживают национально-освободительную борьбу народов против империализма, колониализма, неоколониализма, расизма, против любых форм господства, за уважение права каждого народа быть полным хозяином своей судьбы, осуществлять свои стремления развиваться по пути прогресса»⁶.

Соотношение сил в мире уже давно изменилось в пользу социализма и развивающегося мира. И, несмотря на отчаянные потуги Соединенных Штатов и их союзников изменить его в свою пользу, им все же придется признать невозможность повернуть вспять

⁵ Ibid.

⁶ Правда, 1980, 16 мая.

объективные исторические процессы. Многие трезво мыслящие деятели на Западе это уже признали. Как отмечалось в еженедельнике «Ньюсуик», Соединенным Штатам «давно пора в полной мере осознать свою ответственность в качестве порядочного (и богатого) члена мирового сообщества при одновременном признании права народа каждой страны идти своим путем — социалистическим или каким-то другим»⁷.

⁷ Newsweek, 1980, Febr. 18.

Оглавление

	ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I	ПЕРВЫЕ ПЛАЦДАРМЫ ЗА ОКЕАНОМ	11
Глава II	ЭСКАЛАЦИЯ ЭКСПАНСИОНИЗМА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	25
	— Погоня за сверхприбылями	25
	— Под флагом «доктрины Трумэна»	31
	— «Корейская война в любом месте»	39
	— Растоптанные идеалы Мосаддыка	42
Глава III	АЗИЯ — ОБЪЕКТ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	49
	— Сколачивание военных блоков	52
	— Тайная война против Индонезии	63
	— Силовой компонент в «доктрине Эйзенхауэра»	71
	— Индокитай — апогей курса «к ми- ру через силу»	75
Глава IV	ДЕМОНСТРАЦИЯ ВОИНСТВУЮЩИХ ЖЕС- ТОВ В ГОДЫ РАЗРЯДКИ	95
	— Маневры в «послевьетнамскую эру»	97
	— «Новая тихоокеанская доктрина»	104
	— Угроза применения силы	111
Глава V	АВИАНОСЦЫ НА СЛУЖБЕ СИЛОВОЙ ДИП- ЛОМАТИИ	119
	— «Загрязнение» Индийского океана	119
	— Рейды морской жандармерии	129
Глава VI	ГРЯЗНЫЕ СЛЕДЫ ЦРУ	137
	— Узаконенное беззаконие	138
	— «Все средства хороши»	141
Глава VII	«КИТАЙСКАЯ КАРТА» ВАШИНГТОНА	156
	— Китайский авантюризм в Индоки- тае в интересах «ястребов» Запада	162
	— Пекин в роли «тройанского коня» империализма	167
	— Опасная «игра в поддавки»	173

Глава VIII	«ХОЛОДНЫЕ ВЕТРЫ» НАД ЗАПАДНОЙ АЗИЕЙ	180
	— Большая ставка на маленький Израиль	180
	— Расширение притязаний к арабскому миру	186
	— Силовая игра против Ирана	204
	— Спекуляции вокруг событий в Афганистане	211
	— «Корпус быстрого реагирования»	222
Глава IX	РЕШИМОСТЬ НАРОДОВ АЗИИ ВОЗРАСТАЕТ	229
	— Бандунг — первый раунд политической схватки	232
	— Антиимпериализм — знамя движения неприсоединения	233
	— Активный баланс освободительной борьбы	243
Глава X	В ЕДИНОМ РУСЛЕ	253
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	264

Лаврентьев
Александр
Константинович

США: силовая
дипломатия
в Азии

ИМПЕРИАЛИЗМ

Империализм
События
Факты
Документы

Редактор
И. Н. Фомичев
Художественный
редактор
В. В. Сурков
Технический
редактор
Н. П. Мамаева
Корректор
Л. А. Суркова

ИБ № 628

Сдано в набор 26.05.80.
Подписано в печать
4.11.80. А 12263. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага кн.-
журн. Гарнитура «школь-
ная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Уч.-
изд. л. 14,76. Тираж
25 000 экз. Заказ № 484.
Цена 1 руб. 10 коп. Изд.
№ 173-И/80.

Издательство «Меж-
дународные отно-
шения». 107053, Мо-
сква, Б-53, Садовая-
Спасская, 20.

Ярославский поли-
графкомбинат Союз-
полиграфпрома при
Государственном ко-
митете СССР по де-
лам издательств, по-
лиграфии и книж-
ной торговли. 150014,
Ярославль, ул. Сво-
боды, 97.

Лаврентьев А. К.

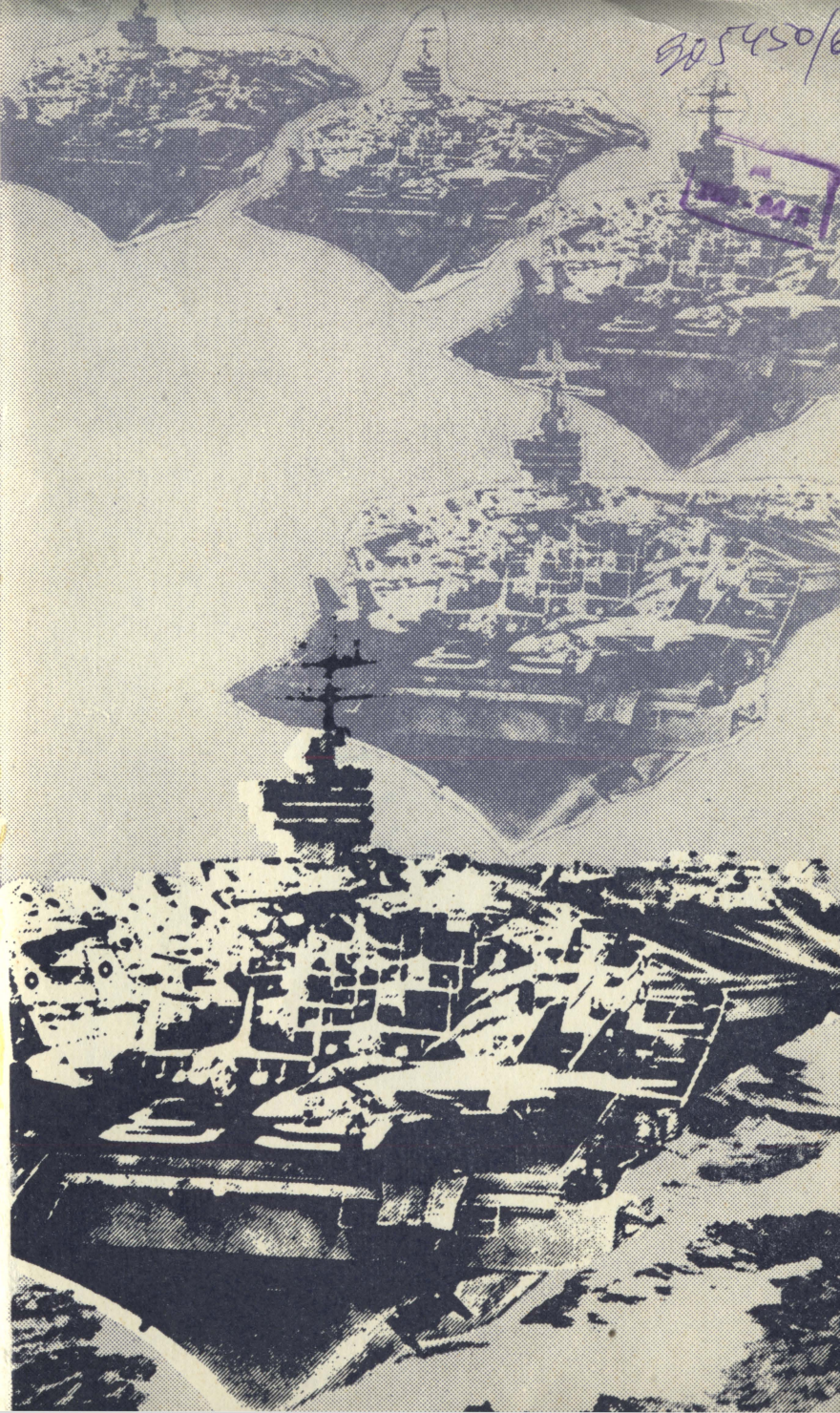
Л 13 США: силовая дипломатия в Азии. — М.:
Междунар. отношения, 1980. 272 с. — (Импе-
риализм: события, факты, документы).

В работе политического обозревателя АПН А. К. Лаврентьева рассматривается экспансионистская политика США в Азии. Наряду с разоблачением методов и целей силовой дипломатии Вашингтона в книге прослеживается трансформация ее пропагандистского обоснования — от лицемерных заявлений о намерении «приобщить азиатов к западной цивилизации» до не менее надуманных утверждений о необходимости защитить на этом континенте «жизненные интересы» США.

Рассчитана на широкие круги читателей.

Л 11105—071 БЗ—39—4—1980 0804000000 ББК 66.4 (7 США)
003(01)—80

305450/6

1 р. 10 к.

"МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ"